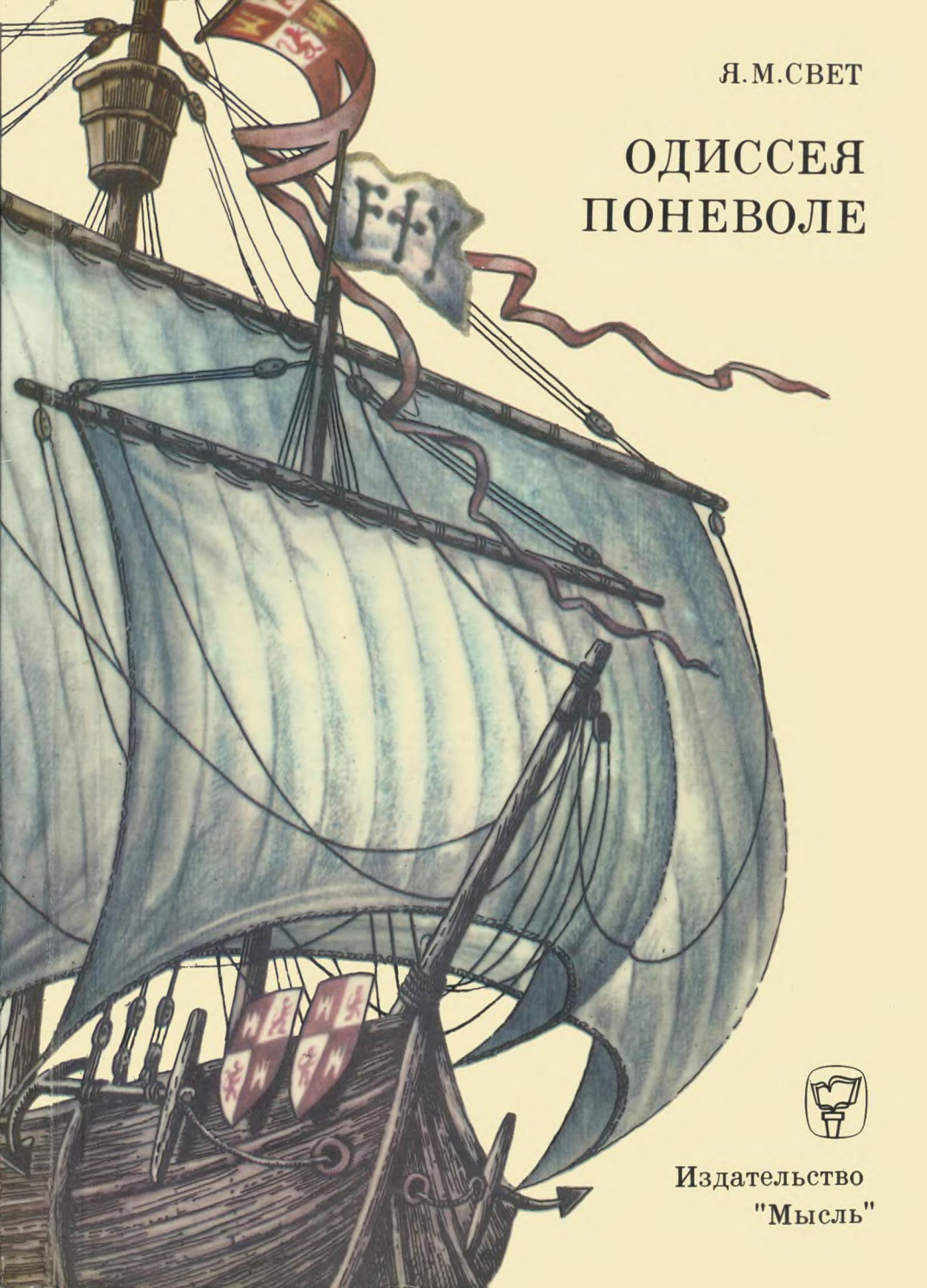

Я. М. СВЕТ

ОДИССЕЯ ПОНЕВОЛЕ

Издательство
"Мысль"

о. Гуанакани
(Уотлинг-Сан Сальвадор)

место высадки
↗
бухта
Четырех Ветров

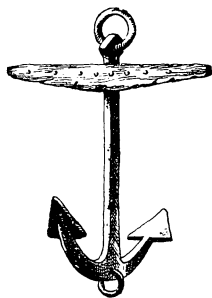
бухта Тишины

Я. М. СВЕТ

ОДИССЕЯ ПОНЕВОЛЕ

*Необыкновенные приключения
индейца Диего
на островах моря-океана
и в королевствах
Кастильском и Арагонском*

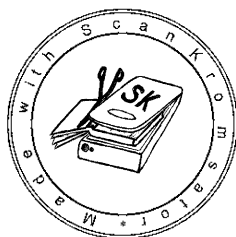

Издательство «Мысль»

Москва · 1974

Р 2
С 24

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Scan AAW

Оформление художника
Р. Варшамова

Цепочка Багамских островов, не очень больших и совсем маленьких, тянется от полуострова Флориды к Кубе и Гаити. Все эти острова по пояс погружены в теплые атлантические воды. Пожалуй, если бы не кораллы, они ушли бы с головой в морские пучины. Однако несметная рать этих неутомимых строителей создала на полузатопленных древних цоколях долговечные белокаменные надстройки.

Одна из таких надстроек венчает остров Гуанахани. Он лежит на восточном крае Багамской гирлянды и с птичьего полета похож на длинный плот, потерпевший крушение в тропических водах. Почти во всю его длину зияет огромная пробоина — провал, вместивший в себя большое озеро. Рядом проступают пробоины поменьше — вмятины, заполненные мелкими озерами.

Гуанахани невелик. Длина его пятнадцать, ширина четыре-пять миль. Вдоль берегов, как зубы дракона, рассеяны остро-головые рифы. Только в двух-трех местах к бухтам, врезанным в белые берега, ведут безопасные проходы.

Вероятно, на таком же острове некогда нашел приют Робинзон. Но в отличие от робинзоновской обители Гуанахани остров обитаемый. И волей судеб ему суждено было стать первой землей Нового Света, открытой Христофором Колумбом. Это открытие было великим событием. Гуанахани — островок у ворот «Индий», тех «Индий», которые издавна вызывали у европейцев корыстные грезы о золоте и пряностях, о драгоценных камнях и сказочных сокровищах царей Востока, — лежал в преддверии исполинской суши, несметно богатой и густонаселенной. Приметы вожделенного золотого руна высматривали за морем-океаном новые Ясоны, эти приметы они настойчиво искали, внезапно открыв на краю света остров Гуанахани. Их режания об этом острове были обстоятельными инвентарными описями, актами оценки новых земель. Европа открыла Гуанахани, Европа желала знать, какой ценой можно будет этот остров, быть может лежащий во владениях Великого хана, освоить, покорить, прибрать к рукам.

12 октября 1492 года совершилось двойное открытие: Европа открыла Гуанахани, а Гуанахани открыл Европу.

На Гуанахани обитали в ту пору индейцы-тайны. Себя они называли лукайцами — Людьми Островов. На три тысячелетия и на три исторические формации они отстали от кастильцев Колумбова времени, но им, как и всем людям, ничто человеческое не было чуждо. Гости с Востока вызывали у них бурю разнородных эмоций — удивление и радость, страх и тревогу. Их извечный уклад был нарушен, грядущее отныне сулило им великие перемены. И кроме того, неожиданные пришельцы были для них созданиями непонятными и странными, куда более странными, чем оказались бы для нас посланцы соседней галактики. Ведь лукайцы полагали, что весь подлунный мир населен их бронзовокожими собратьями, они не знали, что за линией солнечного восхода есть страны, где живут бородатые люди, плавающие на огромных белокрылых лодках и вооруженные огнедышащими палками.

Неведом был лукайцам и нрав их непрошенных гостей. В 1492 году ни один островитянин не мог вообразить себе, что спустя тридцать лет Гуанахани станет необитаемой землей, что все исконные обитатели этой земли будут истреблены жестокими и алчными пришельцами с Востока. Густые леса, тихие озера, белые скалы остались безмолвными свидетелями кровавых событий первых десятилетий XVI века.

Много лет спустя на Багамские острова пришли археологи. Они отыскали немало мертвых памятников мертвой культуры — осколки глиняных сосудов, рисунки на стенах пещер, каменные топоры, фигурки богов, обломки всевозможной утвари. Эти находки позволили восстановить картины таинского прошлого. Правда, картины эти оказались бледными, тусклыми, отрывочными, они были подобны разрозненным кадрам старой киноленты.

Трудно постичь живую душу мертвого народа. Для этого требуются не только археологические «кадры». Впрочем, мы располагаем и иными ключами к духовной культуре таинов-лукайцев. Их облик, их быт, их обычаи в свое время описали некоторые испанские путешественники. И кроме того, в знойной венесуэльской сельве сохранились почти не затронутые цивилизацией племена индейцев-араваков, близких родичей лукайцев. В аравакских лесных селениях до сих пор звучат песни доколумбовых времен. В непролазных чащобах живут злые и добрые духи — братья лукайских леших и водяных...

Одним словом, попытка войти в духовный мир гуанаханийцев не столь уж безнадежна. К тому же герой нашей повести

Ягуа, которому испанцы дали имя Диего,— лицо совершенно реальное. О нем упоминали младшие современники Колумба Бартоломе Лас Касас и Гонсало Фернандес де Овьедо. Он был личным переводчиком великого мореплавателя, он участвовал в трех его экспедициях, он открывал Европу в ту пору, когда Колумб открывал Америку.

В «Божественной комедии» Вергилий водит Данте по девяти кругам ада. В этой повести роль подобного гида играет гуанаханиец Диего.

Мы посетим вместе с ним Гуанахани в дни, когда жители этого острова, потрясенные, очарованные, подавленные и ошеломленные, впервые встретились с Колумбом и его спутниками. Мы совершим вместе с подневольным Одиссеем-Диего путешествие на Кубу и на Эспаньолу, с ним же пересечем море-океан, высадимся в Лиссабоне, посетим Испанию и двор католических королей — Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. А затем вернем нашего Одиссея-Диего на его родной остров, багамскую Итаку, чья судьба окажется не менее печальной, чем судьба Илиона, уничтоженного данайцами.

Важные путеводные указания нам даст сам Колумб. Отрывки из его писем и дневников* вплетены в ткань «Одиссеи поневоле» не как чужеродные вставки, а как нити ее основы.

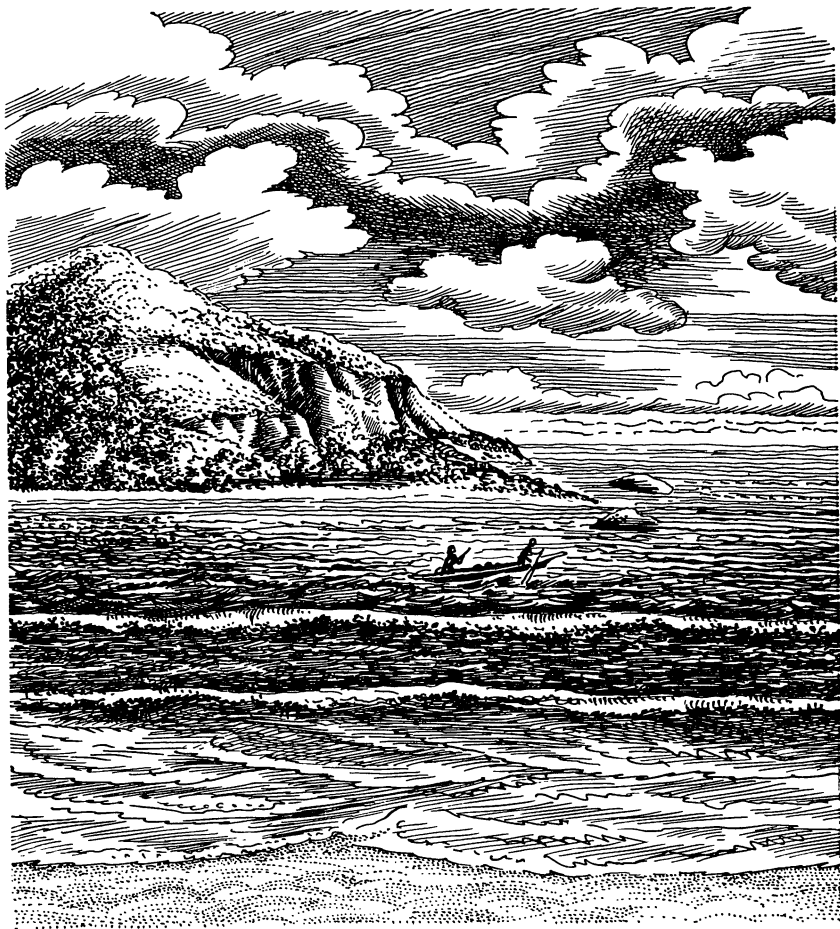
Наша повесть начинается 5 октября 1492 года, за неделю до открытия Нового Света.

* Дневник Колумба сохранился только в переработке испанского историка-гуманиста Бартоломе Лас-Касаса, поэтому в тексте дневника Колумб обычно фигурирует в третьем лице.

Семь дней до дня «Икс»

*Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.*

Илиада

День первый

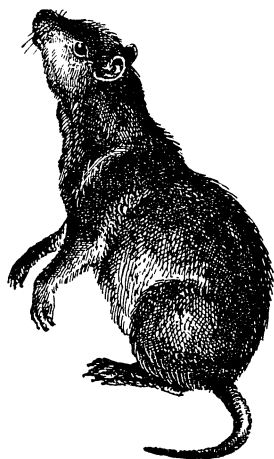
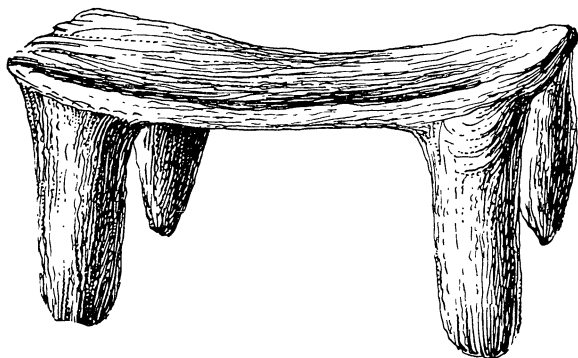
Дневник Колумба

Пятница, 5 октября. Плыли своим путем. Шли 11 миль в час, за день и ночь проделали 57 лиг, потому что ночью ветер немного ослаб. Насчитали людям 45 лиг. Море спокойное и тихое. Адмирал говорит: «Господу надо воздать великую хвалу». Травы нет никакой, много птиц... Летающие рыбы во множестве пронеслись над кораблем.

Шел шестьдесят четвертый день великого плавания. Оно началось 3 августа 1492 года, когда «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья» — три корабля адмирала моря-океана Христофора Колумба — вышли из андалузской гавани Палос.

На трех кораблях шли на запад девяносто человек. Девяносто аргонавтов, ведомых великим генуэзцем к берегам Дальней Азии.

Семь лет Колумб отчаянно боролся за свой проект, убеждая королеву Изабеллу Кастильскую и короля Фердинанда Арагонского, что Индии — сказочно богатые страны азиатского Востока — достижимы, если плыть к ним прямо на запад. Ценой мук и страданий он выиграл чернильную битву, прорвался через рогатки и барьеры королев-

ских канцелярий, получил право на снаряжение трехкорабельной флотилии и титул адмирала моря-океана.

Ему удалось в ничтожно короткий срок эту флотилию снарядить, родиной ее стал приморский городок Палос. В Палосе находилось много опытных моряков; им суждено было стать соратниками Колумба. Соратниками и соперниками... Палосский морской волк Мартин Алонсо Пинсон, оказавший адмиралу важные услуги в пору снаряжения кораблей и назначенный капитаном «Пинты», был соперником номер один. Он желал пожать плоды грядущих открытий. Земляки Мартина Алонсо Пинсона — а их немало было во флотилии Колумба — не доверяли неизвестному командиру-генуэзцу. Им казалось, что он одержим гибельным желанием завести корабли на край света, туда, откуда нет и не может быть возврата. Зная это, адмирал скрывал от них истинные дистанции пройденного пути. Поэтому и внесена была в его дневник двойная запись о расстоянии, преодоленном в день 5 октября.

Впрочем, помимо уроженцев Палоса во флотилии было довольно много северян — галисийцев и басков. Они недолюбливали южан и вдобавок столь же недоверчиво, как и андалузцы, относились к командиру флотилии.

А на флагманском корабле «Санта-Мария» следовали в неведомые земли особы, над которыми не имел власти адмирал моря-океана. Королева Изабелла и король Фердинанд приставили к нему своих контролеров и соглядатаев. Контролером был знатный кавалер Родриго де Сеговия, негласными осведомителями королевской четы — постельничий короля Перо Гутьерес и нотариус Родриго де Эсковеда.

«Травы никакой», то есть водорослей в этой части океана не было. Корабли уже миновали Саргассово море с его огромными скоплениями «морских трав».

До Гуанахани оставалась 221 лига — по современному счету около 1200 километров.

Был день полнолуния. Наступало дурное время. Десять дней и еще четыре дня духи тьмы будут терзать луну, откусывая от нее ломтик за ломтиком, пока от бедняжки не останется худенькая долька. И пока не войдет луна в рост, юкку сажать нельзя. Младенцы несмышленные и те это отлично знают. А между тем род старого Гуакана палец о палец не ударил, чтобы взрыхлить свой кануко-отвод в Бухте Четырех Ветров. Дел же у них там было на полдня, не больше. Долго ли, закалив на тихом огне самые обыкновенные палки — у каждого их ведь вдоволь, — продавить в земле ямки и сунуть в них черенки этой самой юкки.

И вот касику Гуабине, великому вождю острова Гуанакани, приходится созывать всех нитайно-старейшин, чтобы на высоком совете разбранить сыновей и внуков старого Гуакана.

Гуабина вынес из дому скамейку-духу — священную скамейку с вогнутым сиденьем и толстыми ножками.

На батее — площади собраний — мужи совета ждали выхода вождя. Ничем не покрыты были их тела цвета бронзы, головы у всех расчесаны на прямой пробор. Явились и Гуакаиновы родичи. Они сидели слева, у края батея, и пугливо оглядывались по сторонам.

Солнце только что ушло в море. Темнело очень быстро, и Гуабина приказал разжечь костер.

Как обычно, вызывал дух огня старший сын старшей сестры Гуабины. Между двумя тесно связанными щепками он вставил толстую спицу из гуасамы, дерева, которое таит в себе жаркую силу. Шшшш... спица, зажата в тиски, завертелась с быстротой вихря, мгновение — и на клочок сухого моха упали жгучие искры.

Старший сын старшей сестры станет касиком, когда Гуабина уйдет в Страну Вечных Теней, в страну Коаиваи. Таков обычай. А жаль! Вот было бы славно, если бы священное духо перешло к сыну младшего брата Гуабины. Ягуа — так зовут этого юношу. Да, коли не этот обычай, быть бы ему вождем. И вождем достойным... Касик подавил тяжелый вздох и произнес вступительное слово.

Совет начался. Сколько таких советов было на веку у Гуабины! У всех старейшин не хватило бы пальцев, чтобы их сосчитать. Прежде Гуабина охотно выходил на батей. Что и говорить, отрадно, когда твое слово ловят люди, которые тебе годятся в отцы, приятно сознавать, что в твоих руках судьбы племени. Ты сказал, и слово твое гасит страсти, и твоя воля становится законом.

Так повторялось не раз и не два. Шли годы, седела голова, мудрее становился Гуабина. Все проходит... Что было, то и будет делаться, люди рождаются и уходят в страну Коаиваи; сменится два-три поколения, и забудут потомки твое имя...

Ветер раздул пламя костра, и на батее взметнулись черные тени. Старый Гуакан, опираясь на кривой сук, вышел вперед, и огненные языки высветили его лицо, сморщенное, как перезрелый плод. Глаза слезились, седые спутанные волосы падали на лоб.

Гуабина ругал старого Гуакана, а тот покорно кивал нечесаной головой.

— Да, правда, мы замешкались, но наш род вскопал почти все; осталось рядка два, не больше. Завтра поутру мы выйдем на кануко.

Легкий смехок вырвался из беззубого рта...

— Не гневайся, Гуабина, сегодня ночью мы принесем жертвы Мабу́йе — духу зла, и, хоть завтра луна пойдет на убыль, он пощадит нашу юкку, даже если мы ее посадим не в срок.

Гуабина украдкой взглянул на великого жреца Гуаяру, того же мужа, который сидел рядом со старым Гуаканом. «Ясно,— подумал Гуабина,— Гуакан задобрил не только Мабу́йю, но и слугу его. А ведь жрец знает, почему не засажен отвод Гуакана, знает, что и завтра его родичи не выйдут в поле. Сор из дому выносить не принято, и старый Гуакан его и не выносит. А ведь для Гуабины не тайна, что в роду Гуакана великий разлад. Старший его внук, поправ все обычаи, захватил лучшую делянку, которую три луны назад сообща расчистил весь Гуаканов род. Рано или поздно сыновья и внуки Гуакана найдут управу на того, кто нарушил обычай. Так стоит ли вмешиваться в эту распрю?»

Гуабина с миром отпустил Гуакана и его родичей. На батее остались только старейшины. И тогда слово взял человек из Бухты Игуаны, лежащей на полдневном берегу острова.

— Мои слова будут горьки, как сок свежей юкки,— сказал он.— Десять дней назад ветры отнесли два наших каноэ далеко на полдень, к маленьким островкам. И наши люди видели, как на одном из островков появились длинноволосые карибы. Там высадилось много воинов, и были у них страшные кривые палки, по концам стянутые бечевой. Этими палками карибы пускают длинные стрелы, от которых нет спасения.

Три дня пути от тех мест до Бухты Игуаны. Духи Большой Соленой Воды до сих пор нас миловали. Но кто знает, не доберутся ли длинноволосые и до нас. А как сможем мы от них защититься? От наших макан толку мало. Что такое макана? Тростинка с наконечником из рыбьей кости, забава для детей, а не оружие воина. Так не настало ли время и нам изготовить хитрые кривые палки и раздать их людям. Иначе одолеют нас длинноволосые. Они разорят наши селения и уведут к себе наших жен.

Карибы... Беспокойные и воинственные племена на дальних полдневных островах. Гуабина много о них слышал, слышал от деда и от отца. Видел он у стариков и рубцы — следы былых битв с длинноволосыми. Что ж, вполне возможно, карибы могут снова нагрять на берега острова.

Высокие сейбы, касики здешних лесов, со всех сторон окружают батей. Отсюда не разглядеть окрестностей селения, отсюда не видны морские бухты, озера, чащи, поля, засеянные майсом и хлопчатником, бесчисленные кануко с посадками юкки и бататов. Скрыты от глаз желтые головы хижин; под их кровом и живут лукайцы. А между белыми рифами снуют юркие каноэ, а на берегу сушатся рыбацьи сети.

Остров живет в покое, никто не решает споров оружием. Быть может потому, что оружия ни у кого нет. Ну а если обзаведутся люди карибскими кривыми палками? Не случится ли тогда так, что до прихода длинноволосых кое-кто пустит в ход новое оружие, дурные люди есть и у нас. Да, такое может случиться...

Гуабина оглядел старейшин и спокойно ответил вождю из Бухты Игуаны:

— Бог Ураган, владыка ветров, в это время года бродит по всем островам. Только глупец решится выйти из надежного убежища на просторы Большой Соленой Воды. Длинноволосые свирепы, но разума они не лишены. Не придут они сейчас к нам. Маканы у нас есть, другого оружия нам не надо. Я сказал.

Старейшины молча встали. Батей опустел, угас костер Великого Совета.

До дня «Икс» осталось шесть дней.

День второй

Дневник Колумба

Суббота, 6 октября. Плыли своим путем, на запад. Прошли 40 лиг за день и за ночь. Людям насчитали 33 лиги. Этой ночью Мартин Алонсо сказал, что лучше было бы плыть на запад, четверть к юго-западу. Адмиралу показалось, что Мартин Алонсо, говоря это, имеет в виду не остров Сипанго. И адмирал рассудил, что если этот остров пропустили, то не смогут достаточно скоро достичь земли и что поэтому лучше сперва идти к материковой земле, а затем к островам.

Шел шестьдесят пятый день плавания. Адмирал полагал, что западный путь к Азии («материковой земле») и к острову Сипанго (Японии) совсем короткий (750 лиг) и что вот-вот откроются желанные берега Азии. У Мартина Алонсо Пинсона была какая-то таинственная карта (много лет спустя его сын утверждал, будто отец приоб-

рел ее в Риме в 1491 году), и на ней наряду с Сипанго были показаны какие-то мифические острова. Должно быть, к одному из таких островов он и советовал взять курс.

До Гуанакхани оставалась 181 лига.

Ягуа, любимый племянник Гуабины, проснулся на рассвете от истошного крика попугаев. Птичий совет шел не так мирно, как вчерашнее собрание старейшин. Свесив ноги за борт гамака, Ягуа долго высматривал касика взбесившейся стаи. Этого наглого, жирного попугая, кривого на левый глаз, Ягуа знал хорошо. Однако желто-зеленый вождь либо скрылся в густой кроне старой сейбы, либо отлучился по своим птичьим делам.

Селение еще спало, и Ягуа занялся своим туалетом. Собственно говоря, никаких принадлежностей туалета у него не было. Себу — роскошный пояс из хлопчатой ткани, разукрашенный рыбьей чешуей, разноцветными камешками и осколками раковин, — Ягуа носил лишь по великим праздникам. А в прочих видах одежды он не нуждался. Только женщины, да и то замужние, носили широкие передники.

Но вот волосы требовали ухода. Прежде всего их надо было начесать на лоб зубастым гребнем и смазать черепаховым жиром, а длинную прядь — ее отращивали годами — забросить на затылок. Затем надлежало украсить волосы перьями — белыми, красными и зелеными. Дело это непростое. В волосах, прямых и скользких от обильной смазки, перьям трудно удержаться. Поэтому их втыкают в край широкой повязки, а повязку на затылке скрепляют костяной шпилькой. Повязку же надо непременно пропустить под волосы.

Волосы на голове — великая гордость, но щетинку на щеках и подбородке удалять нужно во что бы ни стало. А это занятие очень неприятное. Раковина, хоть край ее и острый, норовит оставить о себе память, так что всегда то под носом, то на скулах появляются противные царапины.

У Ягуа было дивное ожерелье из рыбьих косточек и обломков черепашого панциря. Были у него и украшения для носа: маленькие золотые палочки; в крыльях носа для них когда-то сделали проколы, и вставить туда эти палочки было легче легкого. Золотые палочки здешние люди приобретали где-то на соседних островах, а туда их привозили с очень большой земли Кубы, которая находилась на самом краю света. Золота на Гуанакхани не было, не было и гуанина. Гуанин легче золота, и цвет у него приятный, и его много у карибов. Говорят, что длинноволосые варят в каких-то сосудах золото и медь, золота

кладут мало, меди гораздо больше, и получают таким образом этот самый гуанин.

Слов нет, палочки или серьги, золотые или гуаниновые, украшения хоть куда. Но Ягуа вряд ли променял бы праздничное украшение из собачьих зубов даже на десяток золотых палочек. Да и где найдется простак, способный отдать связку отборных собачьих клыков за желтые побрякушки?

Ну вот, волосы в порядке, палочки на должном месте. Оставалось еще одно довольно важное дело. Ягуа окунул мягкую кисточку в черепок с черным соком плодов хагуа, разукрасил лоб, щеки и грудь всевозможными узорами и на этом закончил свой туалет. Теперь можно было отправляться на рыбную ловлю. Вчера вечером он побывал в Бухте Четырех Ветров и уговорил Каону (через две луны она перейдет в его дом) отправиться за макрелью.

Каное — его выдолбил еще дед Ягуа, и, право, лучшей лодки нет ни у кого на острове — стоит в бухте, а все остальное приготовит Каона. Однако сегодняшняя ловля — дело опасное, а поэтому перед уходом следует принести жертву духу Большой Соленой Воды.

Подобрав несколько слегка исклеванных птицами маисовых початков, Ягуа отправился в родительский дом. Это был если и не самый лучший, то во всяком случае самый большой дом в селении. Четыре раза по десять родичей, сыновей, внуков и племянников младшего брата касика Гуабины, жили под высокой двускатной кровлей огромного бохио.

Бохио в отличие от круглого канея — дом о четырех углах. Скелет его — крепкие столбы, плоть — легкий тростник. Тростник и пальмовые листья. А крыша сплошь из листьев, и так ловко они уложены, что даже в непогоду в бохио бывает сухо.

Земи — боги семьи — стоят на полочке под тыльной торцовой стенкой. Их много — деревянных, костяных, каменных. Выпиливали и высекали их отличные мастера. Обличья же у всех земли страшные, особенно у того, кто ведает Большой Соленой Водой. У этого земли лицо человеческое, уши собачьи, пасть акулья, глаза же у него хитрые и злые.

Ягуа положил перед земли початки. Земли молчал.

— Мы с Каоной уходим на ловлю, — сказал Ягуа. — Я принес тебе свежие початки. Ешь и помни о нас.

Заручившись поддержкой земли, Ягуа пустился в путь. Был этот путь недалгим, но по дороге Ягуа зашел за Каоной и, разумеется по ее вине, задержался чуть ли не на полдня.

А ведь заранее условились: утром выйти на ловлю. Так нет же, вздумалось ей испечь кассаву — лепешки из клубней юкки.

Кассаву приготовить недолго, но только если все подготовлено загодя. А Каона с вечера ничего не сделала. Правда, кое в чем виноват и Ягуа. Вчера он надолго задержал Каону в той роще, где встречаются все, кого уловил в свои сети дух Сладкой Отравы. И конечно, наутро не осталось времени, чтобы разделать эту нудную юкку. Забот с ней много. Сперва надо соскоблить с клубней кожуру, затем протереть их на гуайо — дощечке с мелкими каменными зубьями. Протертое месиво ни в коем случае нельзя сразу пускать в дело: свежий сок юкки — смертельный яд. Его надо отжать, и тут-то и начинается мука мученическая. Месиво кладется в сибукан — мешок из тонкой пальмовой циновки, к сибукану подвязывают два-три камня, а затем вешают его на сук. Тогда из пор сибукана нехотя, капля за каплей высачивается вредный сок. Вот и пришлось ждать, пока последние капли не выжалились из ленивого сибукана.

После этого Каона просушила на солнце белую массу, а потом пошел в ход бурен — большая плошка, которую Каона поставила на раскаленные угли. Рассыпчатую кашу она ловко кидала на бурен, а затем рогатой палочкой снимала горячие, снизу и сверху подрумянившиеся лепешки кассавы. Кассава, да еще теплая — объедение. А когда заливашешь ее отстоявшимся и уже не ядовитым соком юкки, зло снимает как рукой. А сок, чтобы изгнать из него дух погибели, надо долго кипятить, и при этом добрая половина его уходит в пар.

Алки, гуанаканийские собаки, юркие, маленькие, немые от рождения, — создания забавные, но бесполезные. Никто и никогда не берет их с собой на рыбную ловлю. Это известно всем, а между тем Буйя, рыжая сука-алка Каоны, увязалась в путь-дорогу, и отделаться от нее никак не удалось.

Каноз было невелико — локтей шесть — восемь в длину. Дед Ягуа выдолбил его из ствола краснотелой каобы. Был этот дед большим затейником и украсил свое каноз всякими резными фигурами. На носу сидела деревянная игуана, а на корме угнездилась шестикрылая птица с громадным клювом. Отличное каноз сработал дед Ягуа, давно уже переселившийся в Страну Вечных Теней.

Гребки с плоской лопастью и длинным веретеном лежали на песке. Никому и в голову не приходило их прятать — воров на Гуанакани не было.

Главную, и притом живую, рыболовную принадлежность Ягуа принес с собой. Это была рыба-прилипала, толстая уродина с губастой пастью. Называлась она гуаиканом. Она нервно была хвостом, пытаясь вырвать его из тесной петли, к которой была привязана длинная и тонкая леска — крученая нить из крепкого волокна кабуьи.

Ягуа перенес в каноэ сперва лохань с гуаиканом, а затем Каону. Буйю он, разумеется, оставил на берегу. Но не тут-то было. Прежде чем Ягуа успел оттолкнуться от берега, псицалка одним прыжком перемахнула в каноэ. Ягуа схватил ее за загривок.

— Что хочет делать хозяин моей души? — проворковала Каона.

— Вышвырнуть вон алку, — сердито ответил Ягуа, поднимая собаку в воздух.

— Отрада моего сердца, не делай этого. Не обижай любимую собаку нашего старшего сына.

— Старшего сына? — удивленно спросил Ягуа. — С каких пор у нас появились сыновья?

— Пока их нет, но они будут. Обязательно. — Каона потерялась о плечо хозяина души, и он отпустил алкин загривок.

В каноэ четверым — рыбе, собаке, Каоне и Ягуа — было тесно, и девушка решила разгрузить лодку. Она выбросила на берег удилица, сеть и острогу, лежавшие на дне, и схватилась было за каменный топор, но тут Ягуа взбунтовался:

— Оставь топор, — сказал он. — Этот топор — мой друг.

Неодушевленные друзья — куклы из хлопковых оческов, старые гребни, беззубая тёрка-гуайо — были и у Каоны. И она ласково погладила топорище, а затем положила у своих ног предмет, который был другом Ягуа.

И вот каноэ в открытом море, осталась позади Бухта Четырех Ветров, и соленый ветер дует в корму.

Ягуа в большом волнении. Ведь в сущности пригласил он Каону не ради рыбной ловли. Спору нет, охота с гуаиканом — дело занятное, но не в охоте суть. Каона должна поглядеть на великое изобретение племянника касика Гуабины. Оно стояло на борту бок о бок с деревянной игуаной. Это было круглое бревнышко, уложенное на короткие стойки. Справа у бревнышка была рукоятка. Ворот, обыкновенный ворот изобрел Ягуа.

В Старом Свете такие ворота верой и правдой служили египетским пахарям и эллинским волопасам. И никто там не задумывался над тем, кто первый приспособил рукоять к круглому обрубку и кому пришлось в голову установить это нехит-

рое приспособление над степным колодцем или на борту рыбацкой лодки. Так и остались незапатентованными колодезные ворота, канули в Лету имена изобретателей огнива и колеса.

До колеса Новый Свет не додумался, но тароваты на выдумку были и собратья Ягуа, и жители поднебесных долин страны инков, и краснокожие обитатели края Великих Озер, и люди, которые в лесах Гватемалы и на мексиканских нагорьях создали удивительные города...

— Смотри, Каона, я наматываю бечеву на этот барабан. Вот здесь я ее закрепляю. Где гуаикан, дай мне его. Так, видишь, я бросаю его в воду. Гляди, гляди — вот он поплыл к белым камням. Хорошо. А теперь я кручу эту палку — бечева бежит назад, и наша рыба-гуаикан тут как тут: вот она у самого борта.

— Да, вижу, но она возвращается без добычи. А прежде, когда ты тянул бечеву руками, она ее всегда притаскивала. Всегда!

Увы... меньше всего тебя понимают в собственном доме. Ягуа тяжело вздохнул и отпустил ручку ворота. Леска словно обезумела. Она мгновенно смоталась с барабана, и рыба-охотница нырнула в зеленую пучину.

Вот она настигла большую макрель. Присосалась к ней жадной пастью. Бечева бежит назад, охотница уже здесь, у кормы, видны ее острые плавники и золотистая спина макрели. Теперь надо поддержать ворот рукой, схватить бечеву и... Ну вот, макрель уже в каноэ, остается лишь оторвать ее от неумемного гуаикана, который намертво присосался к своей добыче.

Снова разматывается леска. И еще раз, и еще. В лохани три тунца, две макрели. Каона, умница Каона, неужели тебе не понять, что придумал твой Ягуа?

— Поймаем десятую и повернем к берегу, — говорит Ягуа. Голос у него тусклый, ему теперь все безразлично. Каона! Недобрые духи ослепили тебя, ты играешь с псицей-алкой и не замечаешь, что великий рыболов сердит и обижен.

В десятый раз разматывается леска. Ягуа выбирает слабицу, тянет леску к себе. Удивительно, ворот дрожит, леска натянулась, но она почему-то не хочет наматываться на ворот. Ах, вот в чем дело! Гуаикан присосался к большой рыбе. Леска круг за кругом свертывается с барабана, каноэ теперь на привязи, оно мчится к белым камням, рассекая упругие воды.

Вдруг его резко заносит вправо. Толчок — и Ягуа падает. Плечом он задевает за ручку ворота, тонкая струйка крови бежит от плеча к локтю.

— Каона, Каона, камни схватили бечеву! Я туда, к камням. Гребите за мной!

До белых рифов легко можно добросить камень, такому пловцу, как Ягуа, ничего не стоит одолеть это расстояние. Обгоняя стайки пестрых рыбешек, он уверенно плывет к рифам. Вот они, эти зловредные камни. Огромные, замшелые, а на них склизкие зеленоватые бородавки.

Леска уходит в зазор между двумя камнями. Ягуа тянет ее на себя, но она не поддается ни на волос. Он всплывает, снова ныряет и хватается за леску. Хвала духу Большой Соленой Воды, леска вырвалась из плена. Вырвалась и понеслась прочь, обжигая ладони.

— О Мабуйя! Так вот кого поймал гуаикан!

Пытаясь оборвать леску, бесновалась над рифами огромная акула. Исчадь морской бездны учуяло главного врага. Акула ринулась в атаку. Ягуа нырнул ей навстречу и проскользнул под ее брюхом. Вынырнул и снова погрузился в воду. Акула перевернулась на спину, она изготавилась к последнему броску. На Ягуа надвинулась острозубая пасть. А в глазах плыли темные круги. До Страны Вечных Теней оставался один шаг.

Мимо промелькнуло нечто маленькое, рыжее, быстрое. Затем раздался жалобный визг. Буйя принесла себя в жертву ради хозяина. Страна Коаиваи отодвинулась на три шага, спасения еще не было, была лишь короткая отсрочка.

Каменный топор рассек акуле лоб. Следующий удар пришелся ей в глаз. Каное круто накренилось на левый борт, девушка едва удержалась на ногах, топор выскользнул из ее рук. Напрягая все силы, она втянула Ягуа в каное.

— Друзья наши... Буйя... топор... нет их... Потеряли мы наших друзей...

Девушки всегда плачут нехстати, но ведь и правда, жаль топора, жаль, что погибла рыжая алка.

Акула медленно погружалась на дно. С собой она уносила обрывок лески и рыбу-охотницу, присосавшуюся к сизому боку сраженного чудовища.

— Ты достойная мать моих сыновей, — сказал Ягуа. — Достойная и отважная.

Поздно вечером Ягуа вернулся домой. Он пришел в семейное святилище и схватил за ухо обманщика-земи.

— Вот тебе за алку, вот тебе за топор, вот тебе за бечеву, которую ты потерял.

Земли пошатывался, рука у Ягуа была тяжелая, а от пощечины он увернуться не мог. А Ягуа знал, что наказанный земли будет впредь служить ему верой и правдой.

До дня «Икс» оставалось пять дней.

День третий

Дневник Колумба

Воскресенье, 7 октября. Плыли своим путем к западу. Сперва проходили по 12 миль, а затем по 8 миль в час. Прошли до захода солнца 23 лиги, людям насчитали 18 лиг. Днем, на восходе солнца, каравелла «Нинья», которая шла впереди, так как она ходкая (и кроме того, все стараются идти возможно быстрее, чтобы первыми увидеть землю и воспользоваться наградой, которую обещали тому, кто первый увидит землю), подняла на вершине мачты знамя и разрядила ломбарду¹, что было условным сигналом (который должен даваться) при виде земли согласно распоряжению адмирала. Было приказано также, чтобы на восходе и на заходе солнца все корабли присоединялись к адмиральскому, так как в эти часы воздух особенно чист и можно обозреть все на значительном расстоянии.

Вечером не нашли земли, которую будто бы видели люди на «Нинье». Пролетело великое множество птиц с северной стороны к юго-западу; судя по этому, можно было полагать, что они летят, чтобы ночевать на суше или же, быть может, бегут от зимы, которая в тех землях, откуда они вылетели, должна была наступить (адмирал знал, что большинство островов, которыми владеют португальцы, были открыты благодаря птицам). Поэтому адмирал решил оставить путь к западу и направиться на западно-юго-запад, с тем чтобы в течение двух дней идти этим путем. Это случилось за час до захода солнца.

За ночь прошли 5 лиг и за день 23 лиги. Всего же прошли 28 лиг за день и за ночь.

Шел шестьдесят шестой день плавания. Земля, земля, все помыслы были только о ней. И тому, кто первый ее заметит, была обещана награда — десять тысяч мараведи годовой пенсии. В чаянии земли и награды спутники Колумба не раз принимали за долгожданную сушу темные тучки на горизонте. 7 октября таким образом обманулись моряки на «Нинье».

Птицы... Великий мореплаватель не ошибался, предполагая, что птицы летят по трассе своих осенних путешествий в теплые земли,

¹ Ломбарда — старинная пушка, стреляющая каменными ядрами.

лежащие где-то на юго-западе. В октябре пернатые странники из летних резиденций в Северной Европе перелетают на Антильские острова и в Южную Америку. Изменив курс в направлении полета птиц, Колумб пошел на запад-юго-запад, к Багамским островам. Если бы он продолжал идти прямо на запад, то привел бы корабли в воды, омывающие западные берега Флориды. И тогда мощная струя Гольфстрима могла бы отнести флотилию на северо-восток и Колумбу, возможно, не удалось бы добраться до Нового Света.

До Гуанахани оставалось 153 лиги.

Старший брат матери касика Гуабины умирал. Духи хвори давно терзали старца. Просто непонятно, почему им никак не удавалось унести его в страну Коаивай.

Гуаяра, великий жрец, еще вчера заметил, что нос у больного вытянулся, лицо посинело и руки стали перебирать клочок ткани, которым было прикрыто иссохшее тело. И все же брат матери Гуабины не желал уходить в Страну Вечных Теней.

Гуаяра охотно помогал достойным людям совершать переселение в лучший мир. Делал он это с помощью удавки — крепкой бечевки из волокна кабуий.

Родичи, собравшиеся у бохио умирающего, ждали, когда великий жрец приступит к делу. Гуаяра, однако, не торопился. Сперва надо было переговорить с духами, ведь именно они открывают дорогу в страну Коаивай. Они же назначают час, когда надлежит отправить туда их избранника.

Гуаяра принес все, что требуется при беседе с духами: священную скамейку-духо, тыкву-погремушку (называлась она марака), курительную трубку и зелье-кохибу.

С этим зельем вскоре познакомились европейцы, и назвали они его табаком. Назвали по недоразумению — на Гуанахани и соседних островах слово «табак» применялось лишь к курительной трубке, а не к ее содержимому. Трубка же эта была странной формы и имела вид полый рогатинки. Рожки вставлялись в ноздри, зелье-кохиба насыпалось в короткий ствол.

Гуаяра, втянув через нос голубоватый дымок (выкурил он при этом пять или шесть трубок), отрешился от земных дум и забот. Тропой кохибы он вступил в страну духов.

Отбросив скамейку-духо, великий жрец пустился в пляс, оглушая зрителей пронзительными воплями. Лицо его побледнело, на губах выступила пена. Так ужасен был его вид, что духи сочли за благо вступить с ним в переговоры. Духи вещали утробным басом, Гуаяра отвечал им блеющим тенорком.

О чем шла речь, никто понять не мог, голоса духов и призывы их слуги заглушала взбесившаяся марака, камешки в ее брюхе перекатывались с адским грохотом. Наконец духи утихомирились, и Гуаяра пал ниц на землю. Он лежал долго и недвижно, затем внезапно вскочил и кинулся к ложу больного.

Петля затянулась на шее старца, и спустя мгновение брат матери Гуабины покинул земной мир.

Ягуа не раз присутствовал на таких церемониях и считал их делом неизбежным. Придет время, и сам великий жрец уйдет к Вечным Теням с удавкой на шее, настанет пора, и та же участь постигнет Ягуа.

Конечно, жаль покойника. Нрав у старика был веселый, одно удовольствие было ходить с ним на рыбную ловлю, а занятнее всего оказывалась охота на гуакамайю — длиннохвостых попугаев. Старик знал за большим озером места, где птиц этих тьма-тьмушая, а силки он расставлял даже лучше, чем это делал Гуаяра, великий жрец и великий птицелов.

Все это так. Но в стране Коаиваи тучные земли, там клубники с человеческую голову, а в Море Теней гуляют косяки жирной макрели и любая рыба сама плывет в сети. Стало быть, покойнику будет на том свете весело и сытно. А коли так, то стоит ли о нем горевать?

Жрец скоро пришел в себя и отправился домой. Большой круглый каней Гуаяры был заказан простым смертным, но Ягуа принадлежал к числу немногочисленных избранников великого жреца и мог посещать его в любое время. Гуаяра, впрочем, не испытывал теплых чувств даже к тем людям, которым дозволен был вход в его дом. Он был угрюм, жил бобылем и отличался одной лишь слабостью — любовью к своей Утии. Утии — зверьки величиной с крысу. Они донельзя пугливы, и, несомненно, Гуаяра, приручивший свою Утию, был большим волшебником.

На Гуанахани все чистоплотны. В бохио и канеях воздух всегда свеж, все лишнее выбрасывается вон, семейные земли протерты тряпками, гамаки каждодневно проветриваются.

Великий Гуаяра высоко парил над миром, не соблюдая обычаев простых людей. Его каней являл собой печальное зрелище. Высокая коническая крыша протекала, из стен вываливались целые связки тростника, над дырой, заменяющей дверь, висели клочья пожухлых пальмовых листьев. На грязном полу валялись обрывки сетей, обглоданные кости, сальные тряпки, истерзанный гамак чудом держался на покосившихся столбах. Пахло Утией. Она невозбранно оскверняла помещение, следы ее не убирались никогда.

Вдоль стен громоздился колдовской реквизит: мараки-погремушки, новые и старые, целые и разбитые, барабаны, пучки перьев, драные пояса и золотые маски-гуаясы. Под гамаком скачали священные скамейки-духо. На одной из них восседал Гуаяра, и на плече у него спала Утия.

Гуаяра устал. Нелегкая это работа — отправлять людей в страну Коаиваи. Пришел Ягуа. Закурили. Не рогатые трубки, а туго свернутые листья кохибы. Утия сердито сказала «ррррр», спрыгнула на пол и, стуча кривыми когтями, протрусила к выходу.

— Говори,— произнес великий жрец.

— Духи Вечных Теней воздают тебе хвалу. Глаза мои видели: ты сегодня был велик.

— Кхе?! — Морщинки у глаз Гуаяры разгладились. — Кхе. — Гуаяра был таким, как всегда. — А это что? — Гуаяра пальцем дотронулся до рубца на плече юноши. Ягуа коротко рассказал о вчерашней рыбной ловле и о встрече с акулой.

— Глупец, трижды глупец! Скажи, чем акула отличается от человека?

— Ну, акула, она ведь рыба, а человек — это человек...

— Кхе. Знай же, сытая акула никогда не нападает первой. На тебе была кровь. Не было бы ее, и акула на тебя не кинулась. Ну-ка, покажи руку? — Гуаяра поднял затоптанную тряпку, опустил в кувшин с каким-то зеленым отваром и сказал:

— Прижми тряпицу к ране. А теперь дай мне корзинку с травами. Вот ту, что под гамаком. Таких трав ты еще не видел. Гуаяра собрал их за Озером Духов.

Великий жрец часто давал уроки своим избранникам, и уроки эти Ягуа очень любил. Гуаяра высыпал травы на пол и, перебирая сухие стебельки, повел речь о целебных свойствах разных видов гуанаханийской зелени.

Под конец, когда Гуаяра заговорил об одном чудо-корне с полночных островов, Ягуа спросил:

— Слышал я, что за этими островами в Стране Заката лежит большая земля. Верно ли это?

— Да. Люди с тех островов ходили туда, люди с большой земли у них не бывали. А нам эта земля ни к чему.

— А в стороне Восхода, за Большой Соленой Водой есть ли какие-нибудь земли?

— Гуаяра этого не знает. Не раз духи Урагана уносили рыбаков в сторону между полночью и восходом, назад никто не возвращался.

Подумав, великий жрец нерешительно добавил:

— В старых песнях, деда их пели, поминаются пришельцы из Страны Восхода. А в одной песне были такие слова: «Снова на горе потомкам злосчастным люд белокрылый придет от Восхода...» Забыто это все. Гуаяра устал. Уходи.

Гуаяра вытянул губы трубочкой и пронзительно свистнул. Утия ворвалась в каней и, радостно повизгивая, уселась на обычном месте — правом плече хозяина.

— Я ухожу, о мудрейший из мудрых. Скажи мне только, не придут ли к нам белокрылые?

— Духи тьмы и света наделили твоего наставника даром прорицания. Гуаяра великий пророк, и он говорит: никогда не придут к нам люди из Страны Восхода. Уходи, уходи. Пророк уже спит.

До дня «Икс» оставалось четыре дня.

День четвертый

Дневник Колумба

Понедельник, 8 октября. Плыли к запад-юго-западу и прошли за день и ночь 11½ или 12 лиг, и порой казалось, что ночью делали по 15 миль в час, если только запись эта не ошибочна. Море же было как река в Севилье. «Благодарение господу,— говорит адмирал,— воздух очень мягкий, как в апреле в Севилье, и одно наслаждение дышать им. Такой он душистый». Появилась очень свежая трава, и показалось много полевых птиц (одну из них поймали). Летели же они на юго-запад. То были чайки и утки. Видели одного глупыша.

Шел шестьдесят седьмой день плавания. Вероятно, в эти дни капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон сказал: «Птицы знают свое дело». Да, они знали свое дело, указывая кораблям путь на юго-запад.

8 октября флотилия шла вдоль Северного тропика, и в четырех градусах к югу оставался остров Пуэрто-Рико. Дыхание не слишком далекой земли доносилось до кораблей, а юго-восточные ветры гнали от берегов этой земли водоросли, возможно сорванные недавним ураганом с пуэрториканских рифов.

Впрочем, начало октября было на редкость маловетренным. Великому мореплавателю везло. Ведь именно осень, и особенно октябрь,— время, когда на американском Средиземноморье — в Антильском и Карибском морях — свирепствуют ураганы, куда более сильные, чем равноденственные бури у берегов Европы.

До Гуанахани оставалась 141 лига.

Они пришли к Ягуа рано утром. Три младших внука старого Гуакана. Якобы по своей воле, но нетрудно было догадаться, что послал их древний глава рода. Это был необычный визит. Редко, очень редко чужаков посвящают в семейные дела, с этими делами принято справляться без посторонней помощи.

Гуакан, однако, был великим дипломатом. В Бухте Четырех Ветров назревали неприятные события. Кто знает, какой они еще примут оборот, и на всякий случай полезно было заручиться содействием человека из рода самого Гуабины.

Внуки стояли перед бохио Ягуа, вели беседу о попугаях, де-вушках и погоде.

Наконец самый младший и самый решительный внук, отбросив дипломатические тонкости, сказал:

— Пойдем с нами. Будем его бить.

— Кого? — спросил Ягуа, отлично зная, о ком пойдет речь.

— Гуакана.

— Как, старого Гуакана?

— Причем тут старик? — пробормотал средний внук. — У нас много Гуаканов, и бить надо нашего двоюродного брата, это ведь он захватил лучшую полосу кануко.

— Неудобно, — сказал Ягуа. — Ваше кануко, ваша полоска — и ваше дело бить этого Гуакана. Я же ведь не вашего рода.

— А все-таки? — Младший внук взглянул на Ягуа и хлопнул его по плечу.

Ягуа потоптался на месте и сказал:

— Подождите. — Не спеша он проследовал в дом к главе великого рода.

Гуабина через щелку в стене уже успел разглядеть людей из Бухты Четырех Ветров. Не теряя времени, он взял дубину и вложил ее в руки племянника.

— Значит, можно? — спросил Ягуа.

Гуабина, ни звука не проронив, повернулся к нему спиной. Зелен еще, ох как зелен этот Ягуа. Слова ему нужны, они-то как раз тут и ни к чему...

Ягуа, помахивая дубиной, вышел к гостям.

— Я готов. Куда идти?

Четверка заговорщиков углубилась в лес и окольными тропами вышла к Бухте Четырех Ветров.

— К чему эта спешка, — ворчал Ягуа, — ведь тут места открытые, все видно.

Внуки молча провели его на берег. Здесь на небольшом мыске стоял шалаш-барбакоа. В таких барбакоа держат суше-

ную рыбу, и в них в пору созревания майса сидят живые пугала — мальчишки, наводящие страх на птиц.

Также молча внуки ввели Ягуа в шалаш.

— Сразу же за барбакоа, — сказал младший внук, — начинается полоска, которую захватил Гуакан. Он сидит и сторожит ее день и ночь, но по утрам отлучается в селение. Зачем, мы знаем — там у него Каона, но только не твоя, а другая. Когда солнце поднимется вот над той рощей, Гуакан явится сюда и полезет в барбакоа. Тут-то мы и разделаемся с ним.

— Будет шум, — проговорил Ягуа, — шум на совете старейшин. Но не думайте, что я боюсь шума, я боюсь за вас.

Старший внук, который до сих пор молчал, процедил сквозь зубы:

— Ничего не будет. Маски на что?

Действительно, в одном из темных углов уже приготовлены были четыре маски: куски хлопчатой ткани с прорезями для глаз.

Солнце взошло над рощей, и появился Гуакан-младший.

— Маски! — Команда старшего внука была исполнена мгновенно.

Нарушитель, не подозревая о засаде, бодрым шагом приближался к своему наблюдательному пункту. Он просунул голову в шалаш, и мигом восемь рук втащили его внутрь. Кто-то из внуков засунул ему в рот кляп. Из-за тесноты борцы мешали друг другу, и в какой-то момент Гуакану удалось на короткое время выскользнуть из их цепких объятий. Его снова скрутили, но он успел нанести Ягуа удар в плечо, и при этом в плечо больное. Рана раскрылась, и Гуакан-младший это заметил.

Связав нещадно избитого, друзья удалились. Спустя полчаса они прогуливались по селению, а Ягуа сидел у своей Каоны.

Вечером потерпевший, опираясь на палку и прикрывая рукой подбитый глаз, явился к великому вождю Гуабине.

На батее перед бохио Гуабины топталось десятка два зевак. Среди них не было людей из рода старого Гуакана.

— Меня бил сын твоего младшего брата, — заявил Гуакан-младший великому вождю.

— Возможно, — спокойно ответил Гуабина. — И ты это можешь доказать?

— Могу!

— Пусть придет Ягуа!

Ягуа пришел. Гуакан-младший, задыхаясь от ярости, проговорил:

— Вот он, злодей. Видите — у него на плече кровавый рубец. Это дело моих рук.

— Видим,— хором ответили зрители.

— Вижу,— сказал Гуабина,— но совсем не то, что видишь ты.

Двадцать и еще трое молодых островитян прошли друг друга в затылок мимо великого вождя. У всех были кровавые рубцы на правом плече.

— Ты великий воин, Гуакан, внук Гуакана,— улыбаясь проговорил Гуабина.— Двадцати и еще четверем молодцам оставил ты по себе отличную память. Мой совет тебе: отправляйся за Большое озеро и пережди, пока стихнет молва о твоих подвигах. Я сказал!

До дня «Икс» оставалось три дня.

День пятый

Дневник Колумба

Вторник, 9 октября. Плыли к юго-западу. Прошли 5 лиг. Ветер переменялся, и (корабли) приняли направление на запад, четверть к северо-западу и так прошли еще 4 лиги. Всего же за день сделали 11 лиг, а за ночь — 20¹/₂. Людям насчитали 17. Всю ночь слышали, как пели птицы.

Шел шестьдесят восьмой день плавания. Давно уже на кораблях назревала смута. Чем дальше уходила в море-океан флотилия, тем громче моряки выражали свои опасения. «Куда ведет нас гемуэзец?» — ворчали они. «Когда будет конец этому плаванью?» Позади 800 с лишним лиг, а земли, к которой вел их безумный иноземец, нет как нет. Кто знает, быть может, она плод его досужего воображения.

9 октября страсти накалились. Что именно произошло в этот день на кораблях, мы доподлинно не знаем. Испанский историк Гонсало Фернандес Овьедо-и-Вальдес — он не раз встречался с участниками великого плавания — писал, что на шестьдесят восьмой день пути моряки потребовали, чтобы адмирал взял курс на Испанию, и что с большим трудом он убедил их дать ему три дня отсрочки. В самом дневнике запись о мятежных настроениях команды помечена десятым числом, но, очевидно, критическими были оба этих дня — 9 и 10 октября.

До Гуанахани оставалось 109¹/₂ лиг.

Время, когда бог Ураган выпускает из своей сумы злые ветры,— сезон сбора диких лесных плодов. Занимаются этим юные девы, и занимаются с удовольствием.

Леса на Острове Людей всякие. За Большим озером на восточной стороне, где нет селений, на полдня пути тянется не-

пролазная, знойная и пьяная чащоба. Там огромные деревья перевиты цепкими лианами, через них надо прорубаться топорами, а попробуй прорубись, когда гибкие зеленые петли арканят ноги, а кожу раздирает густая колючая поросль.

Но за Большое озеро девушки не ходят. К самому селению подступают тихие и светлые леса с бархатистыми лужайками и звонкими ручейками. И чего только нет в этих лесах! Тут и гуанабаны — зеленые шишки с сочной мякотью, и кругленькие хикако — кожица у них сморщенная, а в середине большая косточка, и чудесные плоды хагуа — испей их сок, и усталость с тебя снимет как рукой. И конечно, дары красавца мамея, деревья с густой и ветвистой кроной. Они круглые, эти рыжеватые с кулак величиной плоды, и мякоть в них цвета меда, и ни с чем не сравнить ее нежный вкус и тонкий аромат. И пахучие зерна корбаны в длинных стручках, и желтые, чуть кисловатые асаны, и буроватые каймиты — от этих сладковатых рожков без ума все дети, и сочные плоды аноны...

Голова кружится от сладкого аромата цветов, и приятно обнять шершавый ствол и карабкаться к самой кроне, сбивая палкой спелые плоды.

Каона оторвалась от своих подруг, зашла далеко в чащу и спохватилась, только когда в просвете листвы увидела Озеро Духов. Это маленькое озерцо, круглое, как луна, лежало в стороне от торных лесных троп и считалось местом нечистым. Говорили, что в озере живут какие-то беспокойные чудища и что в темные ночи они до смерти пугают людей жалобными воплями.

Каона бродила по лесу с двумя тяжелыми корзинками — сбор был на редкость удачным, и она очень устала. Пристроив корзинки в тени высокой сейбы, она растянулась на мягкой траве, и дух сна увел ее в свое волшебное царство. Засыпая, она не без удивления заметила, что у ее ног безбоязненно суетится пушистая Утия.

Проснувшись Каона от сильного толчка. Она попыталась подняться, но не тут-то было. Как поднимешься, если у тебя связаны руки и ноги. Перед ней стоял Гуакан-младший. Стоял и насмешливо улыбался.

— Духи озера привели тебя сюда,— сказал он.— Воля их свершилась.

— Какие духи, какая воля? Отпусти меня! Слышишь, отпусти сейчас же! Я буду кричать...

— Кричи, кричи, это можно. А кто тебя услышит? Накричишься, а после я отнесу тебя к Большому озеру. Там теперь мой дом.

— Но у тебя есть своя Каона!
— А мне нужны две Каоны.
— Две — это слишком много,— пролепетала Каона.
— Почему? У Гуабины три жены. Целых три. Зато у сына его младшего брата не будет ни одной. Молчишь? Хорошо. За твоими корзинками я приду после.

Взяв на руки Каону, Гуакан двинулся в сторону солнечного восхода. На берегу остались две корзинки и деловитая Утия. Запустив в одну из корзин лапы, она не спеша отобрала самые сочные плоды.

Пронзительный свист сорвал зверя с места. Молнией кинулась Утия в кусты, а оттуда выглянула нечесаная голова ее хозяина.

Схватив Утию под мышку, великий жрец побежал к селению. Сын младшего брата Гуабины лежал в гамаке и думал о Каоне. Блаженная улыбка озаряла лицо героя вчерашней схватки, и он все еще улыбался, когда Гуаяра вытряхнул его из гамака.

— Иди!
— Куда?
— К Большому озеру.
— Зачем?
— Бить Гуакана.
— Не пойду, я его уже бил вчера.
— Пойдешь. Он унес Каону. Твою Каону.
— Как, когда?
— Унес силком. Связал. Схватил на Озере Духов. Гуаяра был в своем канее, но он видел, ибо видит он через стены.
— Я бегу,— вскинулся Ягуа.

— Не беги, ты настигнешь Гуакана. Он с живой ношей.
Ягуа налетел на похитителя, как смерч, и сбил его с ног. Он разорвал путы на Каоне и снова бросился к поверженному Гуакану.

— Подожди,— решительно сказала Каона.— Я сама!
Разукрасив лицо Гуакана, Каона приказала:
— Иди с нами. Возьмешь обе корзинки. Понесешь их в селение. А твоей Каоне мы найдем другого мужа. Я не хочу, чтобы у Гуакана, внука Гуакана, была жена.

Вечером обе корзинки Каона и Ягуа принесли в каней Гуаяры.

— Это тебе,— в один голос заявили влюбленные.— Тебе и твоей Утии. За то, что ты великий всевидец.

До дня «Икс» оставалось два дня.

День шестой

Дневник Колумба

Среда, 10 октября. Плыли к запад-юго-западу, шли по 10, а порой по 12 и по 7 миль в час и за день и ночь прошли 59 лиг. Насчитали людям не более 44 лиг. Люди теперь уже не могли больше терпеть, жалуясь на долгое плавание. Но адмирал ободрял их как нельзя лучше, вселив в них добрые надежды на большие выгоды в будущем. Он добавил, что тщетно было бы жаловаться, так как он уже прибыл к Индиям, и следует продолжать путь до тех пор, пока Индии не будут, с помощью господ нашего, найдены.

Шел шестьдесят девятый день плавания. Самый тяжелый день. Если бы назавтра не показалась бы земля или по крайней мере надежные ее признаки, мятежные команды кораблей повернули бы на восток... Индии. Так адмирал называл все дальние восточные земли Азии. Он был твердо убежден, что эти Индии лежат прямо по курсу кораблей и что до них день-два пути.

В этом убеждении он оставался до конца своих дней, не подозревая, что западный путь к берегам Дальней Азии куда длиннее пути восточного, и, быть может, лишь смутно догадывался, что открытые им земли вовсе не те Индии, о которых некогда писал великий венецианский странник Марко Поло.

До Гуанакхани оставалось 60¹/₂ лиг.

Гуакан-младший меньше всего хотел, чтобы обо всем, что случилось близ Озера Духов, узнали в селении. Того же желали и остальные участники ночных событий. Все они держали язык за зубами, надежно хранила тайну и Гуаярова Утия. И все же слух о последнем приключении злодея Гуакана каким-то образом дошел до Бухты Четырех Ветров. Каона Вторая, подруга незадачливого похитителя чужих невест, узнала о подвигах своего возлюбленного. Она пришла в шалаш Гуакана-младшего незадолго до полудня. Пробыла она там недолго, и после ее ухода Гуакан-младший отправился на поиски плодов хикако — их сок исцелял свежие раны и ушибы...

Ничего достойного внимания в этот день больше не произошло. Но быть может, именно в те часы, когда Гуакан-младший залечивал следы своих встреч с обеими Каонами, кое-что изменилось в судьбе великого жреца Гуаяры. Пока об этом он не знал, зато важные решения, которым суждено было нарушить привычный образ его жизни, приняла Каона Вторая...

До дня «Икс» оставался один день.

День седьмой

Дневник Колумба

Четверг, 11 октября. Плыли на запад-юго-запад. За все время плавания не было еще такого волнения на море. Видели птиц-фаэтонов и зеленый камыш у самого корабля. Люди с каравеллы «Пинта» заметили тростинку и сук и выловили обтесанную, возможно железом, палочку и обломок тростинки и прочие травы... и одну дощечку. Люди на каравелле «Нинья» видели другие приметы земли и веточку, усеянную ягодами шиповника. Все воодушевились и обрадовались, видя эти приметы. До захода солнца прошли в этот день 27 лиг. После захода солнца плыли своим путем на запад со скоростью 12 миль в час и к двум часам пополудни прошли 90 миль, или 22½ лиги. А так как каравелла «Пинта» была более быстрой и шла впереди адмирала, то нашла она землю и дала сигналы, предписанные адмиралом. Эту землю увидел первым матрос, которого звали Родриго де Триана.

Также и адмирал, находясь на кормовой надстройке, видел в 10 часов вечера свет, но свет был так неясен, что, не желая утверждать, что (впереди) земля, адмирал вызвал Перо Гутьереса, постельничего короля, сказал ему, что он видел свет, и попросил его всмотреться (в даль). Тот, исполнив просьбу, также увидел свет. Сообщил об этом адмирал Родриго Санчесу де Сеговии, которого король и королева отправили в качестве контролера. Родриго Санчес до этого не видел света, потому что находился в таком месте, откуда нельзя было ничего приметить, но после того, как адмирал сказал ему о свете, они стали всматриваться и разглядели нечто подобное огоньку восковой свечи, который то поднимался, то опускался. Немногие сочли это признаком земли, адмирал же считал несомненной ее близость. Поэтому, когда призвали к «Salve»¹ (а молитву эту все моряки приучились повторять и петь на свой манер), все собрались, и адмирал попросил и предупредил, чтобы хорошо отправляли вахту на носовой надстройке и пристально следили за землей, и обещал тому, кто первый увидит землю, тотчас же дать шелковый камзол, не говоря уже о других милостях, обещанных королями, то есть о 10 000 мараведи годовой ренты первому увидевшему землю.

В два часа пополудни показалась земля в двух лигах (от кораблей). Убавили паруса и оставили парус «трео», то есть большой парус без бонет², и легли в дрейф до следующего дня.

¹ То есть когда наступил час вечерней молитвы.

² Трео — квадратный парус, который на кораблях, вооруженных косями (треугольными) парусами, ставился на корне под ветер, дующий в лоб. Бонеты, или лиселя, — добавочные паруса, которые пришнуровываются к основным парусам.

Шел семидесятый, и последний, день плавания. Приметы близкой земли, приметы бесспорные, успокоили команды кораблей. Теперь все напряженно всматривались вдаль. Там, на западе, вот-вот должна была появиться желанная земля. Разумеется, привлекала людей и обещанная награда. Десять тысяч мараведи годовой пенсии для матроса — сумма изрядная.

Прежде спокойное, море в этот день волновалось и попутный восточный ветер дул с силой шторма.

Свет! Этот слабый, едва мерцающий огонек, заметил в 10 часов вечера сам адмирал. И не только он один. Видел свет постельничий королья Перо Гутьерес — единственный пассажир на кораблях Колумба, видел свет контролер Родриго Санчес де Сеговия. Правда, оба они видели то, что желал видеть адмирал, и их показания вряд ли следует принимать во внимание. Но вот что крайне существенно: независимо от адмирала и чуть позже матрос Педро Искьердо тоже увидел свет и крикнул: «Lumbre, tierra» (Свет! Земля!). Этот возглас подхватил юный паж Колумба Педро Сальседо, и адмирал сказал ему: «Знаю, я уже видел свет с земли и об этом говорил». В дневнике Колумба о Педро Искьердо нет ни слова, но Овьедо в своем труде упоминает об этом эпизоде.

Что же это был за свет? Американский адмирал Сэмюэл Морисон — а он повторил в 1939 году маршрут Колумба — полагал, что флотилия великого мореплавателя в 10 часов вечера 11 октября находилась в 35 морских милях (в 65 километрах) от берегов Гуанахани. «Даже свет маяка с прожектором в 400 000 свечей, маяка, возведенного на высоте 170 футов, невозможно разглядеть на таком расстоянии». Так утверждал Морисон. Он отвергал и другое предположение — будто на «Санта-Марии» видели огни факелов на гуанаханийских рыбацких лодках.

В ночной лов лукайцы ходили, но не при штормовом ветре. И кроме того, трудно предположить, что люди с Гуанахани на своих утлых каноэ отважились бы удалиться от берега на тридцать — тридцать пять миль. Одним словом, тайна этого путеводного огонька остается неразгаданной, и мы вправе строить любые предположения.

Итак, заметив свет, адмирал еще четыре часа шел вперед. Луна уже клонилась к западу. Волны дробили и взрывали серебристые лунные дорожки. Чуть выше горизонта мерцала Полярная звезда, заходил за горизонт Юпитер. Восток тонул во мгле, запад тускло сиял в свете ущербной луны.

Родриго Бермехо, он же Родриго де Триана, он же Родриго де Севилья¹, матрос «Пинты», сообщил о ней криком «Tierra! Tierra!» А увидел он белую скалу и темную полосу берега.

¹ Триана — заречный пригород Севильи. Триана и Севилья — «географические» варианты фамилии этого человека — указывают на место его

Экипажу была дана команда убрать паруса и лечь в дрейф. До Гуанахани оставалось 5—6 лиг.

Столица Острова Людей лежала на его западном, подветренном берегу. Восточный, наветренный берег, открытый свежим пассатам и неистовым ураганам, был не заселен. Здесь, близ одиноких шалашей-барбакоа, стояли на приколе рыбацьи каноэ. В ясные дни рыболовы из селений подветренного берега отправлялись отсюда в походы, держа курс на восток.

Великий жрец Гуаяра был завзятым рыболовом. Рыболовом по страсти. Он знал все приемы и уловки гуанаханийских листригонов, он ловил рыбу сетью, охотился на нее с прилипающей-гуаиканом, глушил ее колдовской травой-баягвой, от которой она чумела и всплывала вверх брюхом, и тогда брать ее можно было голыми руками.

Отраднее всего был для Гуаяры лов ночной. И обязательно у наветренного берега, вдоль которого ходили косяки макрели и тунцов. Там же водились и рыбы покрупнее, нередко встречались огромные черепахи, а на рифах было сколько угодно крабов и лангуст.

Вечер был тихим, но на следующий день с раннего утра подул крепкий ветер, как всегда, с восхода. На небе же не было ни единого облачка, и, хотя высокая волна опасна даже для больших каноэ, Гуаяра решил отправиться на лов.

Если взглянуть на современную карту острова Гуанахани, то легко найти на ней длинный залив, врезанный в юго-восточный берег. Ныне он называется Пиджин-Крик (Голубиная река), а в годы правления великого вождя Гуабины был известен как Бухта Тишины. Действительно, гуанаханийские боги, создавая этот залив, заботливо укрыли его от ветров с моря. Бухта Тишины тянулась с юга на север. От ярости моря ее защищал узкий выступ берега. Здесь, в укромной бухточке, Гуаяра держал свое каноэ, и тут же стоял его шалаш с рыболовными принадлежностями.

Больше всего Гуаяра любил одиночество. Одиночество домашнее, одиночество лесное, одиночество на Большой Соленой Воде. Конечно, приятнее всего отправиться на ночной лов без единого спутника и всласть нагуляться в бурном море. Но об этом нечего было и думать. На такой волне и троим, пожалуй, не управиться с неводом и гребками. Волей-неволей великий

рождения. Он недолго пережил Колумба, в качестве кормчего участвовал во многих плаваниях и пропал без вести в 1526 году вместе с одним из кораблей тихоокеанской экспедиции Лоайсы.

жрец должен был взять с собой в поход двух помощников. Выбор пал на Ягуа и младшего внука Гуакана, вероятно одного из немногих юнцов с неповрежденным плечом. Ведь Гуаканов род не присутствовал позавчера перед домом вождя.

Все трое пришли в Бухту Тишины засветло. Осмотрели каноэ, починили невод. И на закате вышли в море.

Гуаяра направил свое судно левым бортом к ветру. Он знал: надо миновать те рифы, что стерегут Остров Людей у его полдневной стороны, а затем в струе довольно быстрого течения направиться в открытое море и идти сперва на полдень, а затем на восход.

Луна взошла довольно поздно, и первое время рыболовы гребли в темноте. Мгла держалась на море, но высокое и чистое небо сияло звездным светом. Течение и руки гребцов делали свое дело. Каноэ неуклонно подвигалось к юго-востоку.

Закинув невод, не выловили ничего. Закинули снова. Стали тянуть, и сеть подалась сразу с подозрительной легкостью.

— О Мабуйя,— простонал Гуаяра.— Сеть прохудилась! Надо чинить. Нужен огонь!

Гуаяра протянул младшему внуку «огненные палочки». Гуаяра извлек из-под сетей смолистую ветку (в запасе у него была еще одна) и сунул ее внуку.

Весело затрещал огонь, но Ягуа неловко сработал гребком и подставил каноэ лагом к волне. Толчок. Факел выпал из рук внука. Гуаяра запалил вторую ветвь, но в спешке поскользнулся и уронил ее в воду.

Дважды вспыхнул свет в темном море. И дважды погас. Счастливые часов не наблюдают, да и не было их у аборигенов еще не открытого Нового Света. И кто знает, в десять ли часов вечера или чуть раньше пошли ко дну факелы Гуаяры.

Эти ли вспышки видели на «Санта-Марии»? Возможно. И в таком случае огни с каноэ великого жреца указали адмиралу моря-океана путь к первой земле «Индий»...

Гуаяра чинил невод в темноте. Его ловкие пальцы без труда нашли и заделали прореху, рыба очертя голову кинулась в невод. Час бежал за часом; когда рыболовам везет, времени они не замечают. Уже давно зашла луна, уже погасли в небе звезды, а макрель косяками рвалась в сети.

Выбирать невод было легко, теперь каноэ мчалось, гонимое попутными ветрами, к гуанаканийским берегам, и четыре руки заняты были неводом и только две — рулевым веслом. В прозрачной рассветной дымке всплыли белые скалы у Бухты Тишины.

Ягуа стоял спиной к берегу, в последний раз заводя счастливые сети. И в стороне восхода он увидел Колумбовы корабли.

Три немыслимых, невиданных, стремительно быстрых каное неслись на серебряных крыльях к Острову Людей. Над ними розовела утренняя заря.

Ягуа протер глаза. Нет, волшебное видение не исчезло — белокрылые шли к берегу.

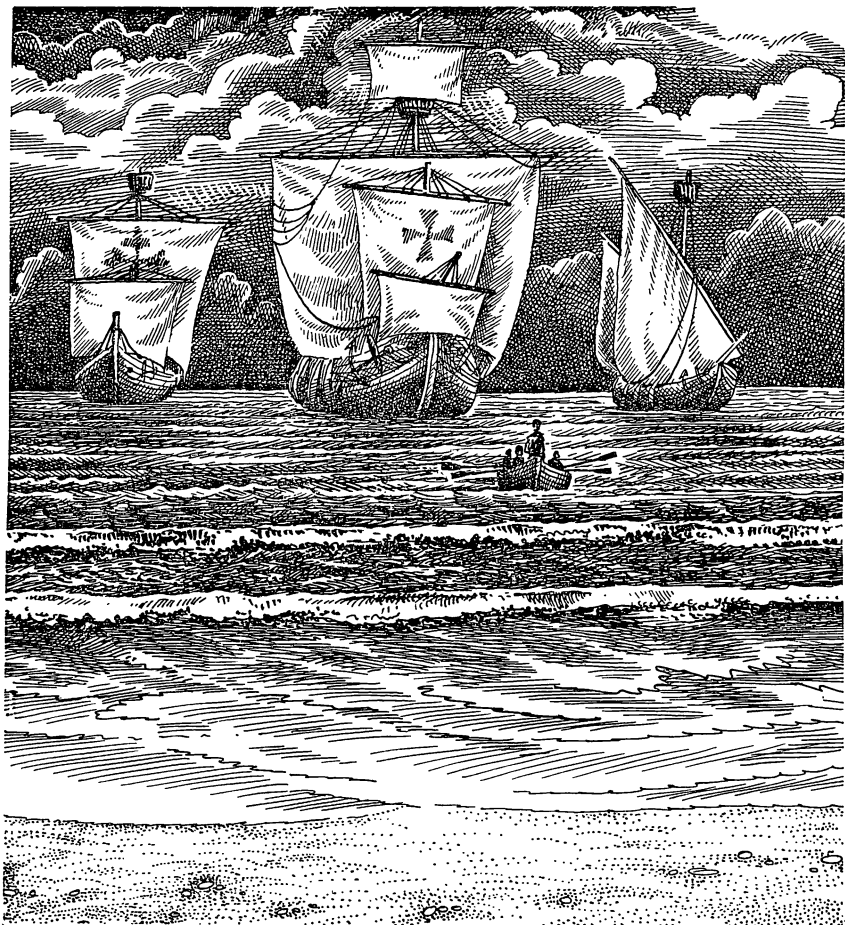
Он резко толкнул плечом великого жреца, Гуаяра обернулся и побледнел как смерть.

— О Мабуйя,— невнятно прошептал он,— пророк ошибся! День «Икс» наступил.

День «Икс»

«Первому острову из тех, что я открыл, я дал имя Сан-Сальвадор в память всевышнего, чудесным образом все это даровавшего; индейцы же называют этот остров Гуанахани...

...После того как они (индейцы) успокаивались и страх исчезал, они становились доверчивыми и

с такой щедростью дарили ее им принадлежащее, что, кто этого не видел, вряд ли тому поверит. Если у них попросить какую-нибудь вещь, они никогда не откажутся ее отдать. Напротив, они сами предлагают ее, и притом с таким радушием, что кажется, будто они дарят свои сердца».

Христофор Колумб,
«Письмо Сантанхелю и Санчесу»

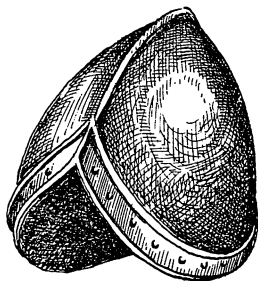

Высадка

Дневник Колумба

Пятница, 12 октября. В пятницу достигли одного из Лукайских островов, который на языке индейцев назывался Гуанакани. Тут же увидели наших людей. И адмирал, и Маргин Алонсо Пинсон, и Висенте Яньес, его брат, капитан «Ниньи», с оружием съехали на берег на лодке. Адмирал захватил с собой королевский стяг, капитаны — два знамени с зелеными крестами. А знамена эти адмирал держал как выпелы на всех кораблях, и на них были буквы «F» и «Y» — инициалы короля Фердинанда и королевы Изабеллы, и под каждой буквой помещены были короны, одна слева, другая справа от креста).

Высидившись на землю, они увидели очень зеленые деревья и много воды и различные плоды. Адмирал призвал обоих капитанов и всех прочих, кто сошел на землю, в том числе Родриго де Эсковеду, эскривано (нотариуса) всей флотилии, и Родриго Санчеса де Сеговию, и сказал им, что он первый вступил, как оно воистину и было, во владение этим островом от имени короля и королевы, его государей, совершив при этом все формальности, какие требовалось; подробнее это отмечено в актах, которые здесь же были составлены в письменном виде. Вскоре на берег пришло множество жителей острова...

С первыми проблесками рассвета адмирал приказал поднять паруса. Корабли обогнули юго-восточную оконечность острова, держась от нее подальше. Здесь из мутно-зеленых вод, как клыки, выступали белые рифы, у которых kloкотал прибой.

Флотилия прошла вдоль южного берега и, миновав далеко вдающийся в море скалистый Юго-Западный мыс, вступила в тихие воды, омывающие западный подветренный берег острова.

С крутых, но не очень высоких береговых откосов сползали зеленые языки: лесов на острове было много. Кое-где прорывались к морю серебристые ручьи.

Но все еще приходилось вести корабли в полтора-двух милях от берега: цепь рифов непрерывно тянулась вдоль побережья. Миль в четырех от Юго-Западного мыса вдавался в море массивный береговой выступ. Близ него пристроилась гряда острозубых скал. Обогнув этот неприступный бастион, воздвигнутый природой, флотилия вошла в большой залив. Это была Бухта Четырех Ветров, два или три века спустя переименованная в залив Лонг-Бей.

Лучшего места для якорной стоянки нельзя было и пожелать. Адмирал ввел корабли в эту гавань.

А высадился он, должно быть, на расстоянии мили от селения. Выступ берега и гряда рифов замыкали бухту с юга, и никто в селении не видел, как подходили к гавани белокрылые корабли. Надо полагать, что наши рыболовы к тому времени еще не успели добраться до дому — каноэ Гуаяры не могло угнаться за быстроходной флотилией адмирала моря-океана.

Адмирал первым сошел на незнакомый берег. Сошел с королевским стягом. Капитаны Мартин Алонсо Пинсон и Висенте Яньес Пинсон несли вымпел с литерами «F» и «Y».

На адмирале был алый шелковый кафтан, Педро Сальседо нес за ним узкополую шляпу, темно-малиновую, украшенную белыми страусовыми перьями.

Богу богово. Став на колени, первооткрыватели дальних «Индий» вознесли к чужому небу благодарственную молитву. Торжественные слова «Te Deum laudamus»¹ встревожили стайку чаек, с печальным криком они кружились над берегом.

Кесарю кесарево. Стяг воткнут в белый горячий песок. Чайки, скалы, ветер слушают гнусавый тенорок нотариуса Родриго де Эсковеды. Невнятно, скороговоркой он зачитывает акт ввода во владение их высочеств², королевы Кастилии и короля Арагона, новообретенные земли. Акт составлен по всей форме, отныне он будет при-

¹ Te Deum laudamus — тебя, бога, хвалим — начальные слова католического благодарственного гимна.

² Таков был титул Фердинанда и Изабеллы.

общен к делам кастильской короны, отныне все обитатели этого острова — ее подданные и вассалы. И во имя и в честь Иисуса Христа, искупителя рода людского, присвоено этому острову название Сан-Сальвадор — святой Спаситель.

Мамоне мамоново. Во что бы то ни стало надо дознаться, есть ли на острове святого Спасителя золото. Обилен ли он? Смирный ли нрав у здешних жителей? Об этом думает адмирал, об этом беспокоится контролер Родриго Санчес де Сеговия (ему поручено самой королевой наблюдать за генуэзцем и отбирать в казну львиную долю богатств на новооткрытых землях). Семь часов утра. В Севилье полдень, в Риме час дня, в Москве и Стамбуле два часа, а в Казани и Астрахани три часа. Европа, старая Европа, служит обедни и дневные намазы. Европа бьет земные поклоны на церковных папертях, обманывает ближних на торжищах, муштрует солдат, собирает хвост для костров аутодафэ, пишет кляузы. Европа еще не знает, что она приобрела первую заморскую колонию в Новом Свете.

Первая встреча

Дневник Колумба

Вскоре на берег пришло множество жителей острова. То, что следует далее, это подлинные слова адмирала в его записях о первом плавании и открытии:

«Поскольку они держали себя дружелюбно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратить их в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал некоторым из них красные колпаки и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других малоценных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они вплавь переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев и хлопковую пряжу в мотках, и дротики, и много других вещей и обменивали все это на предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные четки и погремушки.

Но мне казалось, что все они бедны во всем. Все они ходят нагие, в чем мать родила, и женщины тоже, хотя я видел только одну из них, да и та была еще девочкой.

И все люди, которых я видел, были еще молоды, не старше тридцати лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие. Волосы зачесывают они вниз, на брови, и только небольшая часть волос, и притом длинных, никогда не подстригаемых, забрасывается назад.

Некоторые разрисовывают себя черной краской (а кожа у них такого цвета, как у жителей Канарских островов, которые не черны и не белы), другие — красной краской, иные — тем, что попадает под руку, и одни из них разрисовывают лицо, другие же — все тело, а есть и такие, у которых разрисованы только глаза и нос. Они не носят и не знают (железного) оружия: когда я показывал им мечи, они хватались за лезвия и по неведению обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа. Некоторые дротики имеют на конце рыбьи зубы, у других же наконечники из иного материала.

Они все без исключения рослые и хорошо сложенные люди. Черты лица у них правильные, выражение приветливое. У многих я видел на теле рубцы; объясняясь знаками, я спросил их, отчего у них эти рубцы, и они таким же образом растолковали мне, что сюда приходили люди с других, близких островов, чтобы захватить всех живущих здесь в плен, и живущие здесь от них защищались; и я думаю, и в этом убежден, что сюда они приходят с материковой земли, чтобы набрать пленников. Здешные люди должны быть хорошими и толковыми слугами — я заметил, как быстро они научились повторять то, что им говорилось; и я полагаю, что они легко станут христианами, и мне показалось, что нет у них никаких сект. И, коли угодно это будет Господу, я привезу, отправляясь отсюда, вашим высочествам шесть человек, чтобы научились они языку. Никаких тварей, кроме попугаев, я на этом острове не видел».

Рыболовы высадились у Бухты Тишины, втянули на берег каное и стремглав кинулись к селению. Пешком или, вернее, бегом до него можно было добраться скорее, чем по воде. И все же белокрылые их опередили. Вся тройка вбежала в селение, когда там уже заметили, что какие-то огромные каное зашли в Бухту Четырех Ветров.

Все выскочили из домов, даже старый Гуакан, словно мальчишка, перемахнул через ограду своего двора. К счастью, батей и бохио Гуабины находились на полднемном конце селения, и никто не мог, устремляясь к бухте, миновать резиденцию великого вождя.

— Старики, женщины, дети остаются! — кричал Гуабина, стоя на дороге. Кричал, надрывая голос, не понимая, что, собственно, происходит и откуда взялись белокрылые каное. Длинноволосые? Нет, нет и нет! У них не было таких каное, и они не стали бы высаживаться днем, да еще у самого селения.

Одержимый тревогой, Гуабина пропускал мимо себя зрелых мужей, и, когда все они пронесли к бухте, он побежал за ними вдогонку. С собой он ничего не захватил, но он видел: многие несли пришельцам разные дары — мотки хлопковой пряжи, лепешки кассавы и попугаев.

Ягуа уже успел сообщить Гуабине, что большие каноэ пришли с восхода. Ягуа примчался весь в поту и в пыли вместе с младшим внуком Гуакана. Великий жрец к Гуабине не пришел. Он исчез, и не было времени его искать.

К тому времени, когда толпа островитян собралась у места высадки диковинных гостей, многие из пришельцев уже покинули берег и сидели в больших и очень странных лодках (и трудно поверить, но изготовлены они были не из цельных стволов: то были суденышки, сбитые из тонких деревянных пластин). Большие же каноэ стояли с опавшими крыльями в море и довольно далеко, но доплыть до них можно было без труда. На каждом каноэ росли по три высоких дерева. Вернее, то были сухие стволы, и на некоторых тонкие прямые ветки сидели вкось, а на других торчали, как перекладыны. На этих каноэ на носу и на корме стояли дома с дырками в стенках.

Однако удивительнее всего были сами белокрылые. Лица — подумать только, какие странные у них лица! — бледные и длинные. Бороды, у кого черные, у кого рыжие, как шерсть у собак-алок, доходят до груди и спутываются с куделью, которая растет под носом. И у многих белые глаза.

И на всех надето нечто невообразимое. Почему-то они ходят в мешках, и при этом в мешках разноцветных. Из мешков высовываются лишь обнаженные кисти рук. А на ногах какая-то твердая кора, причем трубки из этой коры на высоких подставках. Великий вождь пришельцев весь в красном, и он самый высокий и самый белоглазый.

Трудно понять, думал, глядя на этих людей, Гуабина, злые они или добрые. Никого они не обижают, напротив, в обмен на мотки пряжи и даже на такие несостоящие вещи, как золотые палочки для носа, дают бусы из прозрачного, как воздух, камня дивной красоты. Золото и бронза желтые, а вот металл, из которого сделаны их копья и огромные ножи, серый и светлый; Гуабина только прикоснулся к такому ножу, и тут же на ладони появился глубокий порез.

Совсем непонятны тяжелые палки, которые извергают гром и огонь. Один белокрылый поднял такую палку вверх, из нее вырвалось пламя, и мгновенно упала в воду чайка, причем ей каким-то образом оторвало голову. Колдовство?

А говорят они не на людском языке, и речь у них твердая и острая, как их светлые ножи.

Нет, не по душе были Гуабине эти незваные гости. Быть может, явились они с неба, быть может, послали их боги солнца и луны, быть может, сами они двуногие боги, все возможно. Но щемящее чувство тоски и тревоги не покидало Гуабину.

Иные мысли были у Ягуа. Пришельцы восхищали его, с ликованием он щупал их зеленые, желтые и красные одежды, трогал их за бороды, хватался за большие ножи (и трижды порезал пальцы). Хотелось обо всем расспросить бледнолицых, но как это сделать, если они тебя не понимают и ты не понимаешь их языка?

Кажется, такую же досаду испытал один из пришельцев, самый юный из них — у него не было ни бородки, ни лохматого моха под носом (это был паж адмирала Педро Сальседо).

И — чудо из чудес! Не прошло и получаса, как Ягуа с грехом пополам стал объясняться с этим молодым вождем. Конечно, знаками, но Ягуа, к своему величайшему восторгу, на лету улавливал смысл чужих слов.

Кучильо — так у бледнолицых называется нож, батель — это на их языке лодка из тонких пластин, дьенте — зуб, ма-но — рука, кавеса — голова, лабиос — губы. Как просто! И вот что любопытно: также быстро юный вождь запомнил такие слова, как юкка, каноз, барбакоа (шалаш Гуакана-младшего стоял близ того места, где высадились бледнолицые).

Счастье не вечно. Скоро, слишком скоро пришельцы отправились на свои большие каноз, обещая вернуться завтра.

Домой Ягуа возвращался со связками стеклянных бус, тремя красными колпаками и маленьким колокольчиком (стоило чуть встряхнуть этот колокольчик, и он заливался нежным и тонким звуком). Ягуа был горд и весел.

Сгорбившись, шел в селение великий вождь Гуабина. Дурные предчувствия томили его, и больше всего ему хотелось, чтобы Мабуяя угнал на вечные времена белокрылые каноз в край утренней зари.

Но он знал: возврата к вчерашнему дню не будет.

...И первое знакомство

Дневник Колумба

Суббота, 13 октября. Как только рассвело, на берег вышло много этих людей — мужчин, и все они, как я уже о том говорил, были рослые и очень красивые. Волосы же у них были не курчавые, но волнистые и грубые, словно конские. И у всех лбы и лица широкие, более широкие, чем у любого иного народа из числа тех, которых доводилось мне видеть прежде. Глаза же у них очень красивые, и не маленькие. Цветом эти люди не черные, а такие, как жители Канарских островов, и того и следовало ожидать, ибо остров этот лежит к западу от Иерро, одного из Канарских ост-

ровов, и на одной с ним линии. Ноги у них очень прямые, и все эти люди как будто сотворены одной рукой, не тучны, и брюха у них нет, сложены они очень хорошо.

К кораблю они приходили в челноках, изготовленных из цельных древесных стволов и подобных длинной лодке, и отделаны эти челноки на диво, по вкусам той земли, и они большие — в некоторых приходило по сорок и по сорок пять человек, а есть и меньше, вплоть до таких, в которых приходил лишь один человек. Передвигались с помощью весла, похожего на лопатки пекарей, и шли на удивление быстро. Когда же лодка опрокидывалась, все бросались в воду и переворачивали ее, а воду вычерпывали полыми тыквами, которые с собой захватывали.

Они приносили клубни, мотки хлопковой пряжи, попугаев, дротики и другие вещички, которые утомительно было бы описывать, и все это отдавали за любое, что им давалось. Я же был внимателен к ним и упорно дознавался, имеют ли эти люди золото. Я видел, что у некоторых кусочки золота воткнуты в прорези, которые они для этой цели делают в носу. И, объясняясь знаками, я дознался, что, идя на юг или, иначе говоря, возвращаясь вдоль этого острова к югу, я встречу одного короля, у которого есть большие золотые сосуды, и что у этого короля много золота. Пытался уговорить их, чтобы они меня туда проводили, но затем убедился, что они меня не понимают.

Я решил дожидаться утра завтрашнего дня, пробыть здесь до следующего вечера и затем направиться на юго-запад, ибо многие из этих людей толковали мне, что земли есть и на юге, и на юго-западе, и на северо-западе, и те, кто живут на северо-западе, не раз приходили сюда сражаться. Итак, решил я идти на юго-запад в поисках золота и драгоценных камней.

Этот остров довольно велик и очень ровен, и деревья здесь очень зелены, и много тут воды, и посреди острова есть озеро, очень большое, а гор нет, и весь остров зеленый, так что одно наслаждение глядеть на него, люди же покорного нрава и охочи до наших вещей. Имея в виду, что им ничего не дадут без того, чтобы и сами они чего-нибудь не предложили, они в случае, когда дать ничего не могут, хватают все, что плохо лежит, и сразу же бросаются в воду. Но все, что у них есть, они отдают за любую вещь, какую им только ни предлагают, даже за осколки битой посуды и стекла. Я видел, как за три сеоти¹, равные по цене одной кастильской бланке², они дали шестнадцать мотков хлопковой пряжи. Подобную мену я запретил и не разрешил что бы то ни было отбирать у них, за исключением того, что я приказал брать для их высочеств, если отбираемое имелось в достаточном количестве. Остров обилен, но за недостатком

¹ Сеоти — мелкие монеты, отчеканенные в Сеуте — городе на африканском побережье Гибралтарского пролива, завоеванном в 1415 году португальцами.

² Бланка — самая мелкая кастильская монета-полушка (половина мараведи).

времени я обо всем, что тут есть, дознаться не смог, и не знаю, родится ли здесь золото, каковое они носят подвешенным к носу. Однако, дабы не терять времени, я пожелал отправиться в путь на поиски острова Сипанго. А с наступлением ночи все они возвратились на берег в своих челноках.

Белокрылые больше не показывались на берегу, и Гуабина на следующее утро сказал:

— Кто желает, пусть идет к большим каноэ. — Но по-прежнему он не допускал к гостям женщин.

Великий жрец так и не объявился. Гуабина велел отыскать его во что бы то ни стало, но попробуй найди этого хитреца, у него ведь повсюду укромные местечки, где можно в случае нужды скрываться целую луну.

Казалось Гуабине, будто злодей Мабуйя попутал всех островитян и смутил их души. Чего-чего, а уж жадности у Людей Острова не было ни на волос. Конечно, попадались порой и такие жадины, как Гуакан-младший, но случалось подобное очень редко, и на них сразу находилась управа.

А вчера и сегодня Гуаканий дух вселился чуть ли не в каждого островитянина.

«Непонятно, — думал Гуабина, — зачем, к примеру, сыну моего старшего брата восемь колокольчиков и девять ожерелий из прозрачного камня? Почему он, как муравей, тащит в свой каней все, что ему дают пришельцы? Утром дошло до драки: из-за осколка прозрачного камня повздорили двое молодцов, причем это были близкие родичи. Такого никогда не бывало на нашем острове».

Но еще больше беспокоился Гуабина по другой причине.

«Зачем пожаловали сюда белокрылые? Что им нужно от нас?»

«Оро, донде эста óро?» — то и дело доведывались они, показывая при этом на золотые палочки. Ягуа, который ни на шаг не отходил от юного вождя, сказал Гуабине, что гости спрашивают, где здесь золото. «Донде» — это где, «оро» — золото.

— Спроси их, — убеждал он Ягуа, — на что им эти золотые палочки? Ведь есть их нельзя, и даже для грузил они не годятся — больно легки.

Ягуа с большим удовольствием выполнил бы просьбу дяди — ему и самому было невдомек, с какой стати гости все время спрашивают о желтом металле, — но попробуй поговори с ними, коли тебе известно лишь несколько слов, чужих и трудных?

Гуабина объяснил пришельцам, что золото есть на дальних полдневных островах. Казалось бы, объяснил толково, так нет же — эти странные люди по-прежнему твердили «донде эста оро», хоть и не глухие же они были, эти диковинные люди...

Голова шла кругом от всего, что довелось увидеть на больших каноэ. Были там огромные крючья из светлого металла, были толстые веревки, как змеи свернувшиеся в кольца, и те предметы, что сперва все приняли за сухие деревья. Деревья оказались вовсе не деревьями, а прямыми, как ствол каобы, столбами, а к столбам прикреплялись длинные палки, опутанные веревками. На палки навешивались крылья из белой очень грубой ткани.

Уму непостижимо, как велики каноэ пришельцев. На самом большом может поместиться по крайней мере сто человек, и эти суда, так же как малые каноэ бледнолицых, сбиты из деревянных пластин. Внутри они полые, а сверху полости закрыты очень длинными пластинами.

У бледнолицых множество непонятных вещей: золотых кругляшек, маленьких перекладин из светлой кости и дерева, крохотных весел с выемкой в лопасти (этими веслами они черпают горячий отвар), сосудов из прозрачного камня, плоских белых мисок — возможно, идет на них какая-то кость, легкая и звонкая.

А пища у них скверная: мясо с солью, очень сухое и очень жесткое, небольшие круглые плоды, с которых отслаивается желтая чешуя, запах у них премерзкий, и называются они луковицами. И запивают свою пищу бледнолицые красной и желтой водой, а от нее отнимаются ноги и все качается в мозгу. Сперва кажется, что эта вода невкусная, но потом руки сами тянутся к ней, видно Мабуйя околдовал ее.

Спят эти люди вповалку на каких-то грязных тряпках, понятия не имеют о гамаках. А их собаки умеют говорить, и говорят они отрывисто и хрипло, вообще они грубее и злее наших алок.

Из мешков своих бледнолицые никогда не вылезают, даже спят в них, но кору с ног снимают. Ноги у них еще бледнее лица, и от этих жестких скорлуп на ступнях остаются кровавые ссадины и твердые наросты. Просто неприятно смотреть на такие ноги. И попадают среди бледнолицых люди с изрядным брюхом — некрасиво!

Волосы же у них у кого прямые, у кого волнистые и довольно мягкие. У некоторых головы либо вовсе голые, либо нет волос на темени. Цвет же волос разный. У юного вождя они цвета опавших листьев (поэтому Ягуа и прозвал его Жел-

тоголовым), а есть люди с огненными волосами, но таких немного.

Похоже, что перекладники из светлой кости (бледнолицые называют их кру... си... фери¹ — очень трудное слово) и картинки на ткани и на дереве (человек, прибитый к столбу, и женщина с младенцем, причем у всех на головах желтые круги) — это земли белокрылых людей. Должно быть, этим землям они поклоняются. А жрецов у них на больших каноэ нет. В Стране же Восхода жрецов много, так объяснил Желтоголовый.

Еще Желтоголовый растолковал, что сюда большие каноэ шли две луны и девять дней, причем от последней Страны Восхода они плыли через Большую Соленую Воду целую луну и ни разу не видели ни единого клочка суши. Желтоголовый разъяснил, что его земля очень велика, и что она не остров, и что людей там видимо-невидимо, есть большие реки, горы и селения. Говорил он что-то о своих касиках, но этого Ягуа понять никак не мог. И плохо Ягуа запомнил название страны пришельцев. Не то Эспана, не то Испанья, но почему-то Желтоголовый говорил о какой-то Эропе и какой-то Кастилии. Надо полагать, что у его земли не одно, а три названия.

Итак, первое знакомство состоялось. Сам великий вождь проводжал Гуабину и, прощаясь, сказал или, вернее, объяснил знаками, что завтра на малых каноэ пойдет в полночную сторону вдоль берегов острова, а затем вернется на большое каноэ. И он просил Гуабину прислать ему на рассвете семь человек. Четырнадцать глаз, без которых завтра нельзя будет обойтись, плавая у незнакомого берега.

Таким образом разъяснил свои намерения вождь вождей. И Гуабина ему поверил. Гуабине не дано еще было постичь меру коварства незваных гостей...

Было совсем темно, когда Гуабина вернулся в селение. И хотя в такое позднее время обычно никогда не созывал он старейшин на совет, но сегодня случай выдался особый. Ведь не каждый же день являются на Остров Людей белокрылые пришельцы из Страны Восхода!

Впрочем, старейшин и созывать не пришлось. Они все топтались на батее, обсуждая потрясающие новости. Был среди них и касик из Бухты Игуаны, именно он несколько дней назад убеждал островитян дать отпор длинноволосым.

Обычно стоило только Гуабине показаться на батее, как там воцарялась тишина. Но на этот раз появление касика толь-

¹ Crucifero — распятие.

ко подогрело страсти. Все стремились перекричать друг друга, и особенно кипятился вождь из Бухты Игуаны.

— У бледнолицых могучее оружие. У них большие каню. Они сильны, и один их вид наводит ужас. Так пойдем же на длинноволосых вместе с ними. Нам достанется добыча, а бледнолицым мы отдадим все золото длинноволосых, то золото, которое они ищут.

В былые времена такие призывы остались бы гласом вопиющего в пустыне. Но не сегодня. Сегодня почти все старейшины в один голос поддержали отважного касика.

Сам Гуабина колебался. Соблазнительно было это предложение — сразу же покончить с вековыми врагами Людей Острова. И пока спорили мужи совета, он мучительно думал, взвешивая доводы касика из Бухты Игуаны.

Мабуя силен, но он опасный союзник, стоит тебе только подставить ему нюготок — и, не ровен час, он отхватит всю руку.

Бледнолицые вернутся победителями, но не пожелают ли они приумножить свои победы и следующий удар нанести нам?

Кто знает? Быть может, белокрылые хуже длинноволосых. Во всяком случае они сильнее их.

— Молчите! — сорвался Гуабина. — Я скажу вам все, что подсказывают мне духи света. «Меня никто не слушает, — с горечью подумал он. — Я бросаю слова на ветер». Схватив палку, он ударил по голове первого попавшегося ему под руку крикуна.

Стало тихо. Тяжело дыша, стиснув кулаки, ошеломленные советники ждали, что скажет разгневанный вождь.

— Я не знаю, откуда пришли белокрылые. Быть может, с неба, быть может, с берегов дальней и неведомой земли. Я знаю другое: без них нам было лучше. Сердца наши не замирали от страха и тревоги, яд корысти не отравлял нашу кровь. Белокрылым до нас нет дела. Того, чего они ищут, на острове нет. Стало быть, они вскоре уйдут от нас. И рано или поздно найдут те острова, где живут длинноволосые. Вы знаете длинноволосых — с чужаками они передерутся, разгорится костер вражды, но в него нам лучше не подкладывать хвороста. Надо держаться подальше от белокрылых.

Ушибленный Гуабиной советник, потирая шишку на темени, тоненьким голоском пропищал:

— Я слышу речи труса. Да, Гуабина трус, трус и плохой вождь. Горазд он лупить своих братьев, но душа у него уходит в пятки, когда он говорит о длинноволосых и белокрылых. По мне, и те и те враги. Нас много, белокрылых — горсть. Заманим

их в лес, ударим на них из засады, сожжем их каноэ, и все будет, как было вчера.

— Ты сед,— сказал Гуабина,— но разумом беднее щенка. Я хотел бы снять с неба вон ту звезду — она такая яркая и красивая, но сделать этого не могу. Ты хотел бы заманить в лес белокрылых и истребить их, но их много, да и наши маканы ничто против их больших ножей и палок, извергающих огонь. Но даже если мы одолеем белокрылых и сожжем их каноэ, то через две-три луны сюда придут их соплеменники — ведь однажды белокрылые уже одолели Большую Соленую Воду — и без труда доберутся сюда снова. Что тогда будет с нами? Желтоголовый сказал: больших каноэ в Стране Восхода больше, чем песка на берегу этой бухты. Стало быть, снова явятся сюда белокрылые и не оставят здесь камня на камне. Так пусть уходят с миром. Пусть ищут золото на полдневных островах. Будем надеяться, что вернется еще вчерашний день, хотя и слаба эта надежда...

Мужичья совета согласились с Гуабиной. Не очень охотно, но иного выхода найти они не могли.

А затем великий вождь сказал:

— Предводитель белокрылых просил меня: пришли завтра семь человек. Они пойдут со мной на малых каноэ в полночную сторону, и вечером я верну их. Кого послать?

Тут споров не было. Быстро решили: пусть каждый род направит по одному человеку к белоглазому вождю. Послали и младшего внука Гуакана и Ягуа. Гуабине очень не хотелось расставаться с любимым племянником, но уж очень об этом хлопотал сам Ягуа.

«Приготовить наручники?»

Дневник Колумба

На рассвете я велел приготовить лодки на своем корабле и на каравеллах и отправился вдоль острова в северо-восточном направлении, чтобы осмотреть другую его часть — восточную, а также обследовать селения. Я видел два или три селения, а также людей, которые выходили на берег, взывая к нам и вознося хвалу господу. Одни приносили нам воду, другие — пищу, иные же, заметив, что я не собираюсь выйти на берег, бросались в море и добирались до нас вплавь; и мы поняли, что они спрашивают, не свалились ли мы с неба.

И один старик вошел в нашу лодку, все же другие — мужчины и женщины — громко возглашали: «Идите смотрите — вот люди, явившиеся с

неба, несите им пищу и питье!» Пришли многие, и среди них было немало женщин, и все что-нибудь приносили, благодаря бога. Бросаясь на землю, они поднимали руки к небу, а затем громкими криками призывали нас на берег.

Но я не решился высадиться: весь остров окружен подводными камнями, и хотя за ними есть глубокие места и гавань, способная вместить корабли всех христианских стран, но вход в нее очень узкий. Правда, за этим поясом камней есть отмели, причем вода в них так спокойна, как в глубине колодца. Чтобы все это осмотреть, я отправился утром на берег, желая дать обо всем отчет вашим высочествам и выбрать место для сооружения крепости. Я заметил клочок земли, похожий на остров, и на нем шесть хижин; за два дня можно отгородить его от большого острова, хотя я в том не вижу нужды: люди здешние очень уж простоваты и не искушены в ратном деле, как в том убедятся их высочества по тем семи индейцам, которых я приказал взять и отправить обучаться нашему языку, чтобы потом они сюда вернулись. Впрочем, вашим высочествам, быть может, будет угодно повелеть отправить всех индейцев в Кастилию или оставить их на этом острове пленниками, ибо достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их в покорности и заставить их делать все, что угодно.

Затем на этом острове есть сады с деревьями, с самыми прекрасными деревьями из тех, какие мне приходилось видеть на своем веку, и листья у них столь же зелены, как в апреле и мае в Кастилии. И на острове есть также много воды.

Я осмотрел всю гавань, а затем вернулся на корабль, поднял паруса и отправился в путь и видел столько островов, что я не мог даже решить, к какому из них пристать раньше. Люди, захваченные мной, знаками объяснили мне, что этих островов такое множество, что и считать их невозможно; при этом они называли более сотни островов, и у каждого было свое имя. Поэтому я решил пойти к самому большому из них. Так я и поступил. Остров этот лежит на расстоянии 6 лиг от острова Сан-Сальвадор, другие же расположены либо ближе, либо дальше. Все они очень ровные, без гор и очень плодородные, и все воюют друг с другом, хотя их жители очень простодушны и обладают красивым телосложением.

Итак, первая земля «Индий» открыта. Колумб полагает, что лучше всего назвать жителей этих неожиданно обретенных Индий индейцами. В этом есть своя логика. В самом деле: во Франции живут французы, в Московии — москвиты. Стало быть, Индии населены индейцами. Название дано, ему суждено будет удержаться на века.

Восхищаясь веселыми берегами и «майскими» лесами этих «Индий», великий мореплаватель заодно решает и грядущие судьбы «индейцев». Можно будет, если сочтут выгодным их высочества, отправить всех индейцев в Кастилию; можно будет и оставить их

здесь. Разумеется, в качестве пленников; ведь надо держать этих людей в покорности, дабы они в поте лица трудились на благо пришельцев-христиан.

А «индейцы» по-прежнему встречают великого бледнолицего вождя радушно и приветливо.

Малые каноэ вышли на рассвете и прямо от стоянки больших каноэ направились на север. Вождь бледнолицых сидел в переднем каноэ, с ним был касик одного из больших судов, мужчина угрюмый и молчаливый с бородой, тронутой сединой, и с очень длинным именем — Мартиналонсопинсон. Семеро островитян (отныне они были индейцами, не подозревая, что их земля причислена к Индиям и отписана их высочествам — королеве Кастильской и королю Арагонскому) разместились в каноэ по два и по три, причем Ягуа и младшего внука Гуакака вождь бледнолицых взял к себе.

Желтоголовый, как всегда, сопровождал вождю. Еще вчера Ягуа был убежден, что этот юноша или сын, или племянник вождя, но сегодня Желтоголовый объяснил ему, что к роду белоглазого касика он не принадлежит. Теперь Ягуа уже запомнил по меньшей мере пять раз по десять чужих слов, и, разумеется, прежде всего он старался заучить самые нужные слова. А на Острове Людей очень важно было знать, кто с кем в родстве, пусть даже очень далеко. И вот оказалось, что Желтоголовый вовсе не родич белоглазого вождя и что два малолетних сына хозяина больших каноэ остались в Стране Восхода.

А у вождя два имени: Вашамилость и Сеньорадмирал. Глаза его всегда называли Вашамилость.

Берега уходили назад, с малых каноэ открывались виды на тихие бухты, зеленые рощи, возделанные поля. Миновали дватри селения. Их жители еще вчера узнали о белокрылых гостях, и, конечно, все они бросились к малым каноэ — ну как не поглядеть на диких людей в многоцветных одеждах? Из дальних краев сюда пришли эти бледнолицые, немало выпало на их долю невзгод на Большой Соленой Воде, и таких гостей надлежало встретить достойным образом. Правда, встречать их приходилось «на плаву», уж больно торопились эти непоседливые чужеземцы, но Люди Острова несли им все, чем богаты были сами.

Гость в доме — радость в доме, от дедов и прадедов достались добрые обычаи гостеприимства, и недаром казалось великому вождю бледнолицых, что обитатели этой земли дарят ему свои сердца.

Старый Гуакан. Кто бы мог подумать, что этот ветхий старец решится вплавь добраться до малых каноэ! А ведь добрался! И влез в каноэ великого вождя. Очень ему хотелось дать наставления своему внуку и похвалиться перед касиком бледнолицых младшим из младших отпрысков достойного рода.

И право же, вождь неверно истолковал стариковские речи. Должно быть, почудилось вождю, что Гуакан призывает на иноземцев благословение небес, а ведь он говорил не о небесах, а о младшем своем внуке...

Очень быстро пришельцы и их спутники дошли до большого залива на полночном берегу острова. В заливе рассеяно было много маленьких островков, и на одном из них стояли шесть шалашей-барбакоа. В этих местах было вдоволь рыбы, и сюда часто приходили люди из разных селений, а в шалашах укрывались они от непогоды.

Сеньорадмирал осмотрел эти шалаша, а потом о чем-то долго советовался с бородатым касиком, то и дело посматривая на берег.

Желтоголовый объяснил, что великий вождь хотел было тут построить укрепление. А для чего? Кто мог в этих местах угрожать иноземцам? Впрочем, по каким-то причинам Сеньорадмирал решил ничего в этом месте не строить и приказал возвратиться к большим каноэ.

Денек выдался на славу. Небо, умытое ночным дождем, сияло в лучах ласкового, совсем не жаркого солнца, море тихо ворковало у берега, даже прибой у рифов рокотал не так свирепо, как в хмурые дни.

Люди с белой и бронзовой кожей всей грудью вдыхали воздух обетованной земли — легкий, нежный, чистый. Пахло морем и осенними травами, и никому не хотелось покидать этот благодатный островок.

Поздно вечером вернулись в Бухту Четырех Ветров. Ягуа и его земляки собрались домой, однако, Сеньорадмирал переглянулся с бородатым касиком и сказал:

— Оставайтесь до утра с нами, завтра я вручу вам подарки и вы отправитесь по домам.

Неприятно обижать хозяина отказом. Пятеро островитян остались на каноэ Сеньорадмирала, двое — на другом, которое называлось «Нинья».

Когда наступило время первой ночной вахты, адмирал вызвал к себе в тольдию — высокую кормовую надстройку — контролера Родриго Санчеса де Сеговию, нотариуса Родриго де Эсковеду, боцмана Чачу и пажа Педро Сальседо.

— Итак,— сказал он,— мы через два часа выходим в море. До утра пролежим в дрейфе, на рассвете возьмем курс на острова, что лежат к югу от Сан-Сальвадора. Индейцы на борту. Они спят. Проснутся, когда корабли будут уже в открытом море. Примите меры, чтобы никто из них не бросился в воду — ведь они отличные пловцы и, даже если мы отойдем на десять миль от берега, смогут добраться до своего острова вплавь. Предупреждаю — избегайте насилия. Ни в коем случае не бейте их, даже если они будут вам сопротивляться. Люди эти мне нужны, их надо беречь и понапрасну не обижать.

— Приготовить наручники, ваша милость? — спросил Чачу.

— Приготовьте, но без крайней нужды в дело их не пускайте.

Контролер, нотариус и Чачу покинули тольдилю. С адмиралом остался лишь его верный паж Педро.

— Я вижу,— сказал адмирал,— что тебе мои распоряжения пришлись не по сердцу?

— Ох, ваша милость, греха таить нечего... Жаль мне этих индейцев.

— Мне тоже их жаль. Но иного выхода нет. Нам не обойтись без толмачей, ведь путешествие наше только начинается. Без «языков» трудно проведать путь к Сипанго и к землям Великого хана. Когда мы найдем то, что ищем, я, может быть, отправлю всех индейцев обратно, но скорее всего... Впрочем, там будет видно. Ты уже довольно бойко объясняешься с ними, постарайся же им втолковать, что я вскоре отпущу их домой. Ты меня понял?

Педро подавил тяжелый вздох и прошептал:

— Я понял вас, ваша милость, я скажу им.— И, сдерживая слезы, он вышел из тольдилы.

Путешествие к Великому хану и в страну Сипанго

*Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый, или в море входящий
Высокий берег земли матерой, покровенной крутыми горами.*

Одиссея

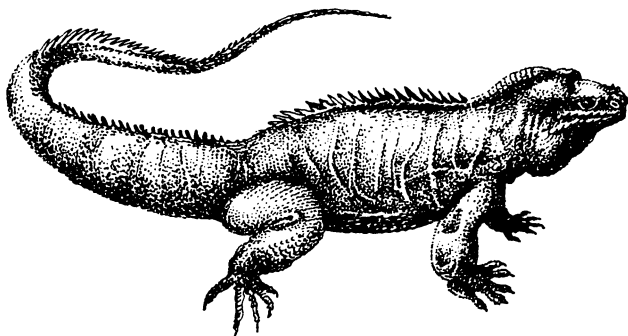
Семеро против одного

Дневник Колумба

Понедельник, 15 октября. Этой ночью лежали в дрейфе, остерегаясь приблизиться к берегу раньше наступления утра, так как неизвестно было, свободно ли море от мелей у берега, и лишь на рассвете пошли под парусами. И так как (новый) остров оказался более чем в 5 лигах (от Сан-Сальвадора), примерно в 7 лигах от него, и волнение меня задерживало, только к полудню я прибыл к нему и обнаружил, что течение идет со стороны острова Сан-Сальвадор, с севера на юг, на протяжении 5 лиг, а другое, которым я следовал, имеет направление с востока на запад и простирается лиг на 10.

Так как с этого острова я увидел к западу еще больший, я пошел к нему на всех парусах и плыл весь день до ночи, но до западной оконечности этого острова дойти не смог. Острову этому я дал имя Санта-Мария-де-Консепсьон; а почти на закате я высадился близ этого западного мыса, дабы узнать, есть тут золото, ибо люди, которых я захватил на острове Сан-Сальвадор, мне говорили, что именно отсюда привозят очень большие золотые браслеты, носимые на руках и на ногах. Я твердо убежден, что так эти люди говорили нарочно, просто они искали предлог, чтобы сбежать. При всем том не желал я пропустить хоть один из этих остро-

вов, а все их ввести во владение, ибо уж раз однажды неким островом мы овладели, то так надлежало поступать и впредь. И, отдав якорь, я оставался здесь до вторника, а утром на рассвете высадился на берег на лодках. Вышел, и жители — а их было много, и все голые, и такого же облика, как обитатели острова Сан-Сальвадор, — пропустили нас в глубь острова и давали нам все, что мы просили.

Поскольку ветер теперь подул с юго-востока, я не хотел задерживаться и возвратился на корабль. Между тем к борту «Ниньи» подошел большой челнок, и один из людей, взятых на острове Сан-Сальвадор, который находился на «Нинье», бросился в море и удрал на этом челноке. А накануне ночью, близко к полуночи, другой (пленник) кинулся в море и ушел на челноке, и догнать его не удалось на лодке, потому что он успел отойти далеко.

(Новый) беглец выбрался на берег, и мои люди высадились вслед за ним, но все островитяне разбежались, как куры...

Ягуа с четырьмя островитянами ночевал на главном каноэ, младший внук Гуакана с двумя своими соплеменниками — на «Нинье».

Проснулись все они, когда уже рассвело, и окаменели от восторга — большие каноэ распустили крылья и плыли в полдневную сторону. Духи ветра несли эти огромные каноэ с необыкновенной быстротой, а бледнолицые, колдуя крыльями и рулем, направляли суда, куда того желали.

Не сразу заметили островитяне, что они не гости, а пленники. И на главном каноэ, и на «Нинье» их окружили люди с большими ножами, и там, и здесь их загнали в темные ямы под деревянным настилом.

Ягуа уже знал, что настил называется палубой, а яма трюмом, но от этого ему легче не было. Он никак не мог понять, чем же провинились Люди Острова, не могли этого взять в толк и его друзья.

Желтоголовый в сопровождении нескольких воинов спустился в трюм, когда на горизонте показались берега соседнего острова. В трюме было очень темно, лица Желтоголового Ягуа не видел, но по тому, как дрожал голос юного вождя, всякий догадался бы, что пришел он с худой вестью.

— Сеньор адмирал, — сказал Желтоголовый, — приказал на время вас задержать. Мы будем вас учить нашему языку, вы будете с нами, а потом сеньор адмирал отправит вас домой. Понимаете? Домой.

Пленники ничего не понимали. Желтоголовый снова и снова объяснил им, какой жребий выпал на их долю, и в конце концов Ягуа кое-что из этих объяснений уловил.

Точно такая же сцена произошла в трюме «Ниньи», но там с пленниками вел беседу не Желтоголовый, а капитан этой каравеллы Висенте Яньес Пинсон.

Люди Острова сильны духом, и с младенчества их учат стойко переносить любые невзгоды. Позор мужчине, если он перед лицом врага проявит малодушие, если хоть одним словом, одним движением бровей выдаст свои чувства. Не выдал их и младший внук Гуакана. А ночью он сговорился с одним из своих индейцев, и оба сбежали с корабля, а адмирала этот двойной побег не слишком огорчил.

— Я полагаю,— сказал он,— что на любом из здешних островов мы всегда сможем восполнить нашу потерю. Все же следует удерживать тех индейцев, которые находятся на «Санта-Марии». Можно это сделать силой, но лучше будет, если они останутся по своей воле.

Желтоголовый появился в трюме вскоре после полудня. Он сказал:

— Вы свободны.

Пятеро пленников вышли на палубу, и голова у них закружилась от вольной небесной синевы. Большие каноэ шли на полдень, а в полночной стороне исчезали берега незнакомого острова.

Часа три толковал Педро с пленниками. Все то, что требовалось им сказать, можно было изложить за три минуты, но безъязыкие стеной разделяло договаривающиеся стороны. Помогала посредникам белая нетканая ткань, которую Желтоголовый называл бумагой. На ней он рисовал острова, пальмы, людей в мешках и людей голых, и, хотя все это тоже было не слишком понятно, Ягуа под конец уяснил, чего же от него и прочих пленников хочет Сеньорадмирал.

И он так изложил своим товарищам по несчастью суть дела:

— Бледнолицые говорят: мы можем уйти хоть сейчас. Те двое — их позавчера увели на другое каноэ — уже ушли. На тот остров, который сейчас уже уплыл на полночь. Нам дадут мешки и кору для ног, бледнолицые называют мешки одеждой, а кору — сапогами, нас будут кормить не черными палками и не сухим мясом, а бататами, маисом и кассавой. Нас будут учить языку бледнолицых. А когда белоглазый вождь найдет остров Сипанго и страну Катай, — Желтоголовый говорит, что до этих земель очень, очень близко, — нас отвезут на Остров Людей. И еще говорит Желтоголовый, что отсюда до Бухты Четырех Ветров на наших каноэ надо идти десять и два дня.

Четверо пленников, выслушав Ягуа, не ответили ему ничего. Молчание — знак согласия. Но с чем согласились эти люди, было непонятно даже для Ягуа.

— Йо, йо, эльос аки эстар (я, они здесь быть),— сказал Ягуа на «чисто кастильском» диалекте.

Люди Острова верны своему слову. Этого бледнолицые не знали, но им нужны были «свободные» пленники, и они не загнали пятерых островитян в темный трюм.

Началась Одиссея поневоле.

Одиссея начинается

Одиссея начиналась... Проплывали, уходя на полночь, в сторону Острова Людей, большие и малые острова, похожие на родную землю, но не родные. Их было много, и везде к кораблям (так назывались большие белокрылые каноэ) выходили островитяне, такие же, как Люди Острова. Такие же! Как бы не так! Это бледнолицым казалось, что все индейцы на одно лицо, что говорят они на одном языке, и ничем, решительно ничем не отличается житель Гуанахани от жителя любого из этих островов. А для Ягуа и четверых его земляков это были чужие люди; конечно, не столь чужие, как бледнолицые, но все равно не встретишь ты тут ни мудрого Гуабину, ни старого Гуакана, не говоря уже о Каоне. Даже подлому Гуаканову внуку, похитителю Каоны Первой, Ягуа обрадовался бы от всей души, но и внуки Гуакана и Гуабина и Каона с каждым днем отодвигались все дальше на полночь.

Духи тьмы съели старую луну, духи света родили новую, дни шли за днями беспокойной чередой. За десять дней миновали пять больших островов, малых же видели такое множество, что и сказать трудно сколько.

Сеньорадмирал не раз высаживался на больших островах и допытывался, есть ли на них золото. И везде он спрашивал, близко ли лежит остров Сипанго.

Ягуа же знал и много раз говорил Сеньорадмиралу и Желтоголовому, что Сипанго лежит дальше на полдень. Правда, даже от великого провидца Гуаяры Ягуа не слышал о земле с таким странным названием. Но Сеньорадмирал твердил, что этот Сипанго очень велик, многолюден и богат, а Гуаяра часто рассказывал об огромном острове, что лежит за меньшими островами, и даже называл его Кульбой, Кубаоной или Кубой.

И вот на одном из островов, а было это на пятый день пути, бледнолицым сказали, что отсюда недалеко до Кубы и что,

должно быть, то Сипанго, которое ищут бледнолицые, и есть Куба.

Во всяком случае здешние островитяне заверили Сеньорадмирала, что на Сипанго-Кубе есть золото. И они сказали, что золото имеется на другом, не меньшем острове, лежащем на восход от Кубы, но Сеньорадмирал их не понял, а Ягуа так и не смог растолковать ему эти указания.

Тяжело жить у чужих людей. Они не обижают своих «свободных» пленников, кормят их вволю, позволяют отлучаться на берег, но, о Мабуя, до чего же непонятны эти бледнолицые. Непонятны и опасны. Так и кажется, что в каждом из них сидит трижды десять духов, и не поймешь, добрых или злых, но беспокойных до крайности. И не угадаешь, какой из этих духов кружит голову бледнолицего и что он, бледнолицый, творит спустя минуту.

Лучше всех Желтоголовый, но и в нем сидят духи тьмы. Недавно один из пленников взял у него очень красивый пояс с блестящими подвесками. Понравился человеку пояс, бывает же такое. Желтоголовый долго искал пояс и в конце концов нашел его, впрочем, пленник и не скрывал, что ему приглянулась эта вещица.

Желтоголовый от ярости стал красным, как его камзол (так называется мешок без рукавов, который прикрывает плечи, грудь и спину бледнолицых), и кулаком ударил пленника в лицо, да так сильно, что выбил ему два передних зуба. И при этом кричал дурным голосом: «Ты вор, ты украл мой пояс, я тебя отучу красть чужие вещи». Вор, красть — странные и непонятные слова. На Острове Людей поля общие, канеи и бохио общие. Конечно, у каждого есть свои вещи — гамаки, птичьи перья, гребни, но невелика беда, если сосед возьмет у тебя головную повязку или гребешок. Возьмет, подержит и отдаст.

Все это Ягуа пытался объяснить Желтоголовому, но где там! Желтоголовый еще пуще разъярился, злобно кричал: «Вы дикари, темные дикари, и не вам учить нас, христиан, уму-разуму. В нашей стране вора́м рубят головы и воров четвертуют и вешают».

Ягуа так и не понял, что такое четвертование и куда и как вешают воров, но отлично уяснил, что бледнолицые все поголовно сбиты с пути истинного коварным Мабуией, которого эти чужеземцы называют Дьяволом и Сатаной.

И в один прекрасный день Мабуя-Дьявол-Сатана убил Ягуа. Убил не тело его, а имя. Сеньорадмирал сказал: «Отныне

ты будешь не Ягуа — имя это языческое, а Диего. Диего — доброе христианское имя (эти бледнолицые на каждом шагу себя называют христианами, потому что главный их бог — Христос), и так же зовут моего старшего сына».

Бледнолицые убили и имена всех прочих пленников. Теперь им дали клички — Алонсо, Хосе, Франсиско, Санчо, причем у Хосе и Франсиско почему-то было еще по одному имени — Пепе и Пако¹.

Плохо, когда убивают твое имя. Ведь на Острове Людей души-покровители привыкли, что Ягуа есть Ягуа. Найдут ли они своего подопечного, если стал он Диего? Три вечера Ягуа-Диего кормил своего земи (он вырезал его из черного сухаря) крошками кассавы и поил красной водой, которую любят бледнолицые. Как знать, быть может, земи сообщит духам-покровителям, что Диего это и есть Ягуа. А вот у прочих пленников никаких земи не было, и вообще они от перемены имени не страдали. Зато у Пепе вышла большая неприятность совсем по другой части. Ему дали роскошные штаны, зеленые, с косыми белыми полосами, но он сказал: «Не хочу». Желтоголовый долго уговаривал Пепе, но тот стоял на своем. Тогда боцман Чачу выпорол Пепе. Пороли Пепе жестоко, исполосовали ему всю спину, а затем надели на него штаны, и он смирился со своей участью.

Желтоголовый принес Пепе две-три горсти мягких сморщенных зернышек (они называются изюмом), накормил ими бедного пленника и смазал его спину какой-то целебной жидкостью.

Бледнолицые — их исподтишка подстрекал боцман Чачу — смеялись над Желтоголовым, пока за него не заступился Сеньорадмирал.

Диковинный человек был этот великий вождь бледнолицых. И не в первую и даже не в пятую луну слегка приоткрылся он Ягуа... Чем-то напоминал он мудрого Гуабину. Но не лицом, не статью, не повадкой. Странные у него были глаза. Белый огонь сиял в них, огонь холодный и страстный. И почему-то было жаль его, великого вождя бледнолицых. Усталые морщинки сбегались к уголкам его глаз, он горбился, ходил в камзоле, испятнанном жиром и красной водой, его голова серебрилась, хоть летами он был и не стар.

¹ Пепе — уменьшительное от Хосе, Пако — от Франсиско.

Прекрасная Куба

Когда на Кубе восходит солнце, на берегах Желтого моря оно уже клонится к закату. Половина земной окружности — такова дистанция между этой жемчужиной Антильских морей и страной, где во времена Марко Поло царствовал Великий хан Хубилай. И непохожа была Куба ни на Китай — северные земли империи Великого хана, ни на Сипанго — Японию, ни на Индию.

Только очертаниями своими этот бесконечно длинный и узкий остров был сходен с Явой, Кубой Малайского архипелага. Но горы, леса, люди — все было разным на этих бесконечно отдаленных друг от друга островах.

Впрочем, о Яве Сеньорадмирал, дон Христофор Колумб, не думал и не вспоминал. Очень уж смутно о ней писали даже те европейцы, которым довелось побывать на островах Дальней Азии...

28 октября перед великой экспедицией открылись берега Кубы. Берега с высокими пальмами.

Пальмам гости из-за моря не опасны. Но люди, чьи дома стояли в прохладной тени этих пальм, отлично знали: бойся пришельцев из страны Восхода. Длинноволосые наводили на них страх. Белокрылые вызывали удивление и ужас.

Пальмы были здесь совсем не такие, как на Острове Людей, но кубинцы приносили своим богам те же жертвы, что и соплеменники Гуаяры. И язык на Кубе был такой же, как на родной земле Диего.

Сеньорадмирал теперь шагу не мог ступить без него. И без четверых прочих пленников. Пять языков лучше одного, когда надо объяснить Сеньорадмиралу, сколько гор и рек на Кубе.

К несчастью, не только Сеньорадмирал, но даже Желтоголовый не всегда понимал простые слова. Уши бледнолицых раскрыты лишь для вестей о золоте, и все, что ты им ни говорил бы, они толкуют на свой лад.

Диего никогда не утверждал, что на Кубе много золота. Может быть, это говорил Пепе? Или Пако? Или Алонсо? Или Санчо? Да нет же, ничего подобного им и в голову не приходило, но почему-то Сеньорадмирал решил, что здесь золота, как песка на Острове Людей...

Обшарили бледнолицые всю бухту, золота не нашли. Теперь Сеньорадмирал намерен идти в сторону захода вдоль полночного берега Кубы, и он почему-то уверен, что там найдет золото.

У Пепе Сеньорадмирал спросил: приходил ли сюда касик

каси́ков Великий хан ловить жемчуг. Пепе знает: лучше сказать «да», чем «нет», — зачем огорчать бледнолицых. И он ответил: «Да, приходил». А потом спросил у Диего: «Ты не знаешь, что это за Великий хан и где он живет?» Нет, Диего этого не знает. Зато Сеньорадмирал нынче доподлинно, якобы со слов очевидцев, проведаль, что Великий хан недавно посылал в здешнюю бухту Сан-Сальвадор большие корабли и что люди хана ловили в этих водах жемчуг. Так у бледнолицых рождается истина.

Да, непонятные они люди. И есть среди них подлинные исчадия Мабуи. Их все боятся, и для пленников они опаснее акул. Хуже всех Чачу-боцман. Он распоряжается всеми матросами, приказывает ставить и убирать крылья-паруса, он ведаёт всеми веревками и крючьями, но к числу касиков не принадлежит. Желтоголовый говорит, что Чачу родом из полночного кастильского края, край этот называется Страной Басков, там строят самые лучшие большие каное, и эти баски впоены Большой Соленой Водой, и моряки хоть куда. Чачу тоже хороший моряк, но он свиреп и жесток. Этот Чачу ловит пленников и даёт им разные поручения. Хорошо ли, плохо ли выполнен его приказ, все равно он затем вымещает на них свою злобу. Вчера Диего попался ему на корме, и Чачу сказал: «Вылей эту воду за борт». Диего вылил, ни одна капля не попала на палубу, но Чачу дал ему пощечину и больно хлестнул по спине плетью. Пепе Чачу вывихнул руку. У Санчо он выбил три зуба. И всякий раз он обзывает пленников собаками и говорит непонятные слова: «Раб, скотина, мразь, ублюдок».

И нет дружбы у бледнолицых. Держатся вместе те, кто родом из одних мест. Да и то земляк с земляком ничего делить не будет. Правда, попадаютс и хорошие бледнолицые, например краснобородый матрос с очень странным именем — Обмани-Смерть. И его товарищи — их трое — с оглядкой на Чачу-боцмана угощают Диего изюмом и дают ему всевозможные советы.

А Чачу к ним придирается на каждом шагу и называет висельниками, и от этого они выходят из себя, а почему — Диего понять не мог.

Ведь он не знал, что Обмани-Смерть (истинное его имя было Бартоломе де Торрес) судьи андалузского города Палоса приговорили к смерти: он в сильном подпитии убил своего собутельника. Убил за то, что тот тяжко его оскорбил. Это был несправедливый приговор, по крайней мере так считали трое друзей преступника. И они помогли своему товарищу бежать из тюрьмы. Увы, их схватили у стен тюрьмы стражники. По

кастильским законам петля полагалась всякому, кто содействовал бегству преступника, осужденного на смерть.

Но случилось «чудо»: королева разрешила адмиралу отобрать для экспедиции опытных моряков из числа смертников, сидящих в палосской тюрьме. А на корабле Бартоломе де Торресу дали кличку Обмани-Смерть, и он явно ею гордился.

Многого не знал Диего, хотя кое о чем и догадывался. Действительно, не было мира на кораблях адмиральской флотилии. Шла ожесточенная борьба между сторонниками адмирала и приверженцами Мартина Алонсо Пинсона. Пинсоновские «волчата» готовы были растерзать всех «чужаков», а генуэзец-адмирал вызывал у них особую ненависть.

К счастью, младший брат Мартина Алонсо Пинсона Висенте Яньес держался в стороне от «волчат». «Волчата» злились за это на «отступника», злились потому, что «Нинья», которой командовал Висенте Яньес, не поддерживала сторонников его старшего брата.

И богу хвала, за адмирала горой стоял кормчий «Санта-Марии» Пералонсо Ниньо. Родом он был не из Палоса, а из соседнего городка Могера, и поэтому все мogerцы — а их во флотилии было десятка полтора — враждовали с «волчатами».

Особняком стояла клика боцмана Чачу. К ней принадлежали моряки-северяне. Чачу ненавистны были и сторонники адмирала, и пинсоновские «волчата», и он ловко мутил воду, ставливая соперников.

Что и говорить, хитер был Мабуйя, и обильные семена раздора посеял он на кораблях адмиральской флотилии.

По календарю уже самый конец октября, по левому борту — берега Кубы. И вот близ устья довольно большой реки показалось селение с круглыми канеями. Селение не маленькое. И в этих канеях жили такие же приветливые люди, как на острове Гуанахани. И у них были немые собаки-алки, маски, фигурки с женскими головами, сети, гамаки, корзины из пальмовых листьев.

Двадцать лет пробыл венецианец Марко Поло в стране Великого хана, исходил он ее вдоль и поперек, а таких селений и таких людей и таких собак не встречал.

И кроме того, не было тут ни великолепных храмов, ни многолюдных городов, ни громадных кораблей. Что ж, страна Великого хана необъятна, быть может, есть в ней уголки, куда не проникал даже неутомимый венецианец. Адмирал решил задержаться в этих местах на несколько дней и проведать пути к столице Великого хана. Команды предвкушали радости долгой стоянки, Диего же знал: ему здесь покоя не будет.

Миссия к Великому хану

Дневник Колумба

Четверг, 1 ноября... Ни у одного индейца адмирал не видел золота, но он говорит, что заметил человека, у которого к носу был подвешен кусок обработанного серебра, и что он счел это признаком наличия серебра в этой стране. Знаками ему объяснили, что не пройдет и трех дней, как придут из глубины страны много купцов, чтобы скупить кое-что из того, что привезли христиане, и они сообщат новости о короле той земли, а король этот, если судить по тем знакам, с помощью которых здешние люди объяснялись, живет в четырех днях пути отсюда, и они разослали по всей земле гонцов, дабы сообщить об адмирале.

«Эти люди,— говорит адмирал,— такого же вида и обычая, как прежде открытые, и не привержены ни к одной из сект, мне известных, а те люди, которых я вожу с собой, не знают никаких молитв, хотя сейчас они повторяют слова «Salve» и «Ave Maria», подняв к небу руки, как им было показано, и осеняют себя крестным знаменем. У них у всех один язык, и все они дружны между собой, и я думаю, что все эти земли — острова и что они в войне с Великим ханом, которого они называют Кавила, и с провинцией Бафан, и все они наги, как и прочие». Так говорит адмирал...

«И несомненно,— утверждает адмирал,— что эта земля — материк, и я нахожусь между Зайто (Зайтоном) и Кинсаем лиг за сто от того и другого, может быть чуть побольше или чуть поменьше, и это крепко подтверждается видом моря, которое стало иным, чем когда-либо прежде, и тем, что, заходя дальше на северо-запад, я почувствовал, что стало холодней».

Зайтон, Кинсай — города Цюаньчжоу и Ханчжоу — главные порты империи Великого хана, обстоятельно описанные Марко Поло. Не сто, а тридцать пять раз по сто лиг от берегов Кубы до этих китайских городов. И чтобы дойти до них западным путем, надо обогнуть южноамериканский материк и пересечь по диагонали Тихий океан!

А еще адмирал дознался, что в глубине страны много золота в области Кубанакан. Кубанакан на языке местных жителей — Средняя Куба. Но звучит это странное слово почти как Хубилай-хан. Земля Великого хана не за горами, она где-то рядом, может быть в четырех — шести днях пути, и путь этот ведет в глубь страны. Все теперь обстоит очень просто. Надо отправить посольство к Великому хану. Пойдут туда, разумеется, и Диего, и кто-либо из здешних жителей, ведь по дороге к его величеству Великому хану придется объясняться с его подданными, говорящими на индейском языке.

Однако при дворе Великого хана говорят на языках Азии, там не могут не знать языка Библии и Корана. И адмирал назначает главой посольства сеньора Луиса де Торреса, крещеного еврея, который знает еврейский и арабский языки. Торрес — голова и язык посольства. А правая рука этой миссии — моряк Родриго де Херес. Херес бывал в Гвинее, он знает, как угодить языческим властителям.

Во времена Марко Поло с Великим ханом переписывались римские папы. Послания составлялись на латыни. Этот опыт использован. У адмирала есть верительная грамота. Она написана на языке Вергилия, адресована всемогущему повелителю Востока Великому хану и скреплена подписями королевы Изабеллы и короля Фердинанда.

Не забыты и подарки Великому хану. Отобрана сотня-другая стеклянных шариков и десятка три колокольчиков для его подданных. На всю миссию адмирал положил шесть дней, начиная с пятницы, 2 ноября.

Итак, к Великому хану отправляются Луис де Торрес, Родриго де Херес, Диего, один местный индеец и пять носильщиков — жителей селения, близ которого стоят корабли.

Незадолго до полудня 2 ноября посольство уходит на юг, в глубь страны.

Взглянем на карту: корабли стоят в бухте Хибара. В нее впадает река Какоюгин, а выше ее истоков, на широком лесистом плато, в четырех-пяти днях пешего пути от бухты расположен городок Ольгин. В 1492 году там находилось небольшое индейское селение — то самое, где, по мнению адмирала, обрелся Великий хан.

Ничто так не распалает тоску, как земля, похожая на твою родину и в то же время с ней несходная. Куба лишь прикидывается матерью, а на самом деле она мачеха. Равнодушная мачеха. Она говорит на твоём языке, но не о тебе и не о твоих братьях и сестрах. Она ничего не знает и знать не хочет о старом Гуакане, Каоне и великом провидце Гуаяре.

Все тут и такое и не такое, как на Острове Людей. Теплое море и берега с тихими бухтами, но берега тонут в трясине, питающей непролазные чащобы. Чащобы с путаницей воздушных корней, уходящих в вязкую зловонную тину. Мангры — так называются эти заросли, эти гнилые леса над гнилыми водами, рай для москитов.

Земли тут такие же благодатные, как на Острове Людей, но там места ровные, а здесь к небу вздымаются огромные горы. На Гуанакани к морю стекают небольшие ручейки, на Кубе в Большую Солёную Воду вливаются широкие реки.

Остров Людей мал — от края до края ты пройдешь его за день, а Куба — земля без начала и конца, не хватит жизни, чтобы обойти ее леса и горы.

И в пути, и на раздыхе Диего беседует со своими земи. Пращур бледнолицых Адам породил свою Еву из собственного ребра. Диего сотворил земи из темного сухаря, тронутого плесенью. Сухарь — пища пришельцев, и это плохо. Нет веры в этого нового земи. Возможно, боги бледнолицых сильнее духов Острова Людей. Во всяком случае сильнее этого земи, у которого крысы отгрызли полголовы.

Сам Сеньорадмирал научил Диего читать молитвы. Их две, называются они «Сальве» и «Аве Мария». Обе обращены к главной богине бледнолицых. Той, у которой на голове желтый круг, матери небесного касика Иисусахриста. Заклинания эти непонятны. Они произносятся на священном языке бледнолицых, на этом языке они говорят со своими богами. Как узнать, как убедиться, помогают ли эти боги тем, у кого кожа небелая. Сомнения терзают Диего на пути к столице Великого хана.

Гуарон, человек из прибрежного селения, который вместе с Диего идет к Великому хану, касику касиков Катая и Кубы, ровесник Гуабины. Он неразговорчив и с одинаковым недоверием относится и к бледнолицым послам, и к Диего. Для него все эти люди, бронзовая у них кожа или белая, — чужаки, беспокойные пришельцы, которые сами толком не понимают, что им нужно на кубинской земле.

Дон Луис — человек добросовестный и исполнительный. Ему приказано расспрашивать о Великом хане всех встречаемых. И он это делает в каждом селении. Увы, индейцы пожимают плечами и разводят руками. Они почему-то не понимают бледнолицых.

Гуарон шел куда следует. Дон Луис полагал, что вот-вот покажутся стены Ханбалыка, столицы Великого хана. Ханбалыком в век Марко Поло назывался Пекин. Но Гуарон привел высокое посольство не в Пекин, а в небольшое селение. Было в нем с полсотни хижин, крытых пальмовыми листьями.

Неизвестно, как встретили бы послов Кастилии и Арагона при дворе истинного Великого хана. Быть может, с почетом, а быть может... — ведь хан способен был на любые фокусы. Но здешний великий хан, он же один из касиков земли Куба-накан, принял иноземцев как небесных посланцев.

Когда послы вошли в селение, «градоправители» подхватили их под руки и ввели в самый просторный дом, резиденцию «хана». От околицы селения до этого дома от силы ша-

гов двести, но по крайней мере полчаса пробивалась туда высокая миссия. Подданные «хана» толпились на дороге, они падали перед пришельцами на колени, целовали им руки и ноги.

Девушки, прекрасные, как наяды, легкими перстами ощущивали «посланцев небес» и дарили им свои поцелуи.

А «хан» устроил послам такой прием, о котором они не могли и мечтать. Он усадил их на священные скамейки-духо, он угостил их торжественными речами и великолепными яствами. Ответную речь держал дон Луис, и говорил он по-арабски. Касик не понял ни звука, а Гуарон молчал. И переговоры закончились.

Дальше идти нет смысла. Сатана (а возможно, и Мабуйя) накрыл шапкой-невидимкой великие города Великого хана.

Гуарону сказали: «Веди обратно». Гуарон повел.

Дон Луис был разочарован. Но обратный путь был не в пример легче. Этикет можно было не соблюдать.

Родриго, вспоминая, как целовали его локти, колени и сапоги, крутил свои бурые усы и утешал дона Луиса:

— Не огорчайтесь, мой друг. Как бы то ни было, а встретили нас на славу. Понимают эти краснокожие, что такое хорошее обращение. Куда там до них гвинейским царькам!

В хвосте процессии брели носильщики и трое индейцев из столицы Кубанакана: тамошний старейшина, его сын и друг сына. Очень славные были эти люди, и Диего с ними отвел душу. И предупредил: «Будьте осторожны. Поговорите с вождем бледнолицых и сразу же отправляйтесь домой. Сдается мне, что он хочет захватить людей из Кубанакана и увезти с собой».

Смутно было у Диего на сердце. Он понимал: главу посольства постигла неудача. Но меру этой неудачи осознать не мог. Для него Великий хан и стобашенный Ханбалык были пустыми звуками.

Побег

Корабли шли на восток, и, чем дальше заходили они в сторону солнечного восхода, тем обрывистее и круче становились кубинские берега. В глубине страны тянулись непрерывные цепи мохнатых гор. Бесчисленное множество быстрых ручьев и рек прорывалось через сплошные каменные заслоны, вода бесновалась в тесных берегах, там и здесь она срывалась с высоких карнизов и сердитые водопады взметали к нему алмазную пыль.

День шел за днем, а конца этой Кубе не было. Диего тешил себя надеждой, что Сеньорадмирал, отыскав золотые острова, пойдет домой и по пути оставит пленников на Острове Людей.

В Колумбовой флотилии уже не девяносто пять, а сто десять человек. По приказу адмирала в одной из кубинских бухт захватили новых пленников. Среди них было семь женщин. Для пленников сбит был из досок загон на палубе «Ниньи».

Все-таки странно устроен этот земной мир. На диво разные люди его населяют. Взять хотя бы этих кубинских пленников. Нравом они совсем не похожи на Диего или на Санчо, даже строптивый Пепе в сравнении с ними — кроткая алка.

Один из них, на вид он совсем не силач, разорвал цепь, которой скованы были его руки, другой так бился головой о стенки трюма, что разбил себе темя, третий ничего не ел и не пил, четвертый и пятый хоть и держали себя смирно, но внушали своим хозяевам наибольшие опасения.

Ярость пылала в их глазах, и взгляды этих пленников обжигали, как пламя, и их велено было заковать в ножные кандалы.

Диего не раз спускался в трюм. Он приносил узникам касаву, пальмовый сок, изюм, но никто из них не обращал на него ни малейшего внимания.

Но вот однажды Четвертый заговорил:

— Ты пес, ты предатель. Ты пресмыкаешься перед бледнолицыми, ты лижешь им пятки. Мы скорее умрем от голода, чем примем что-нибудь от тебя.

— Я не предатель. Я сын брата великого вождя Острова Людей и не по своей воле попал к бледнолицым. Они сильны и мудры. Мы слабы, и на многое Мабуя закрыл нам глаза. Я не враг бледнолицым, но и не друг им. Я хочу, чтобы глаза мои видели.

— Ты безмозглый червь, — проговорил Четвертый. — Бледнолицые не люди. Это хитрые звери, и они будут тебя ласкать и кормить, пока ты им нужен, а затем убьют тебя, зная, что ты много о них знаешь.

— Палка, — прервал Четвертого Пятый. — Нужна палка с острыми зубами, ею бледнолицые терзают бревна.

— Принеси нам зубастую палку, — добавил Четвертый.

— Хорошо, я принесу зубастую палку и убью эти цепи.

Не так-то просто перепилить железные веревки. Голос у пилы визгливый, а на палубе стоит стражник, и он слышит все, что делается в трюме. И что еще хуже, нет-нет да загля-

дывает в трюм Чачу-боцман. Пила то и дело срывается, ее зубья рвут живое тело пленников. Вжик-вжик... сыплется на раны серая колкая пыль, цепь стонет, но не поддается.

Желтоголовый зовет Диего, пилу надо отложить в сторону. Хвала светлым духам — одна цепь перерезана.

Проходит ночь, за ней день, и днем Диего снова спускается в трюм. Его руки привыкли к гребку, палке-као, каменному топору, но он не знает, как обращаться с орудиями бледнолицых. А они, эти орудия, злонравны и капризны. Пила отказывается пилить. Ее надо разводить и точить, ее зубья не приучены к железу.

Всего этого Диего не знает, и он бросает старую пилу и приносит новую. На руках у него кровавые мозоли, пальцы едва сгибаются, но капля камень долбит — распалась вторая цепь, за ней третья и четвертая. Какая удача! Сегодня луны нет, духи тьмы ее съели.

— Я иду,— говорит Четвертый.— В трюме тьма хоть глаз выколи.

Четвертый не видит Диего, но нащупывает его локоть.

— Беги с нами.

Может быть, и в самом деле бежать с кубинцами? Диего молчит, и Четвертый понимает: не шесть, а пять человек покинут белокрылое каноз.

Стражник, зевая, бродит по пустынной палубе. Длинное копьё он прислонил к фальшборту, при нем короткая дага — кинжал толедской работы. Пятый сбивает стражника с ног, Четвертый захватывает дагу.

Путь открыт.

Чачу-боцман бдит. Бдит днем, бдит ночью. Словно призрак, бродит он по кораблю. И Чачу видит: две тени промелькнули у бизань-мачты. Всплеск, еще всплеск — двое за бортом.

Аларме! Тревога! Вся ночная вахта бросается к корме, троих кубинцев ловят и связывают по рукам и по ногам. Чачу-боцман топчет пленников, он бьет их всем, что попадается ему под руку.

Рано утром адмирал вызывает к себе Диего. Перед адмиралом на столе горстка стружек, серых железных стружек, и обломок щербатой пилы.

— Ты?

— Я.

Сеньорадмирал улыбается. Улыбка у него славная, совсем как у Гуабины или старого Гуакана.

— Повинную голову меч не сечет. Но больше так не делай. Иди!

Диего вылетает из тольдиллы и едва не сбивает с ног боцмана.

— Грязный индеец! Тварь!

Чачу брызжет слюной, он тычет кулаки в лицо Диего и лягает его своими кожаными копытами.

Ох, уж эти бледнолицые — никогда не угадаешь, как поведут они себя в том или другом случае.

Итака без Одиссея

Белокрылые каноэ ушли на полдень, а Остров Людей остался на месте. Маленький остров, подобный плоту, потерпевшему крушение в багамских водах.

Изгладились следы бледнолицых, но остался на берегу Бухты Четырех Ветров столб с перекладиной — его вкопал в белый песок великий вождь пришельцев, и нет-нет да зазвонит то в одном, то в другом доме робкий колокольчик: немало таких колокольчиков роздали бледнолицые островитянам.

Вернулся младший внук Гуакана. Ничего хорошего не рассказал он о белокрылых. Хитры, вероломны, жадны. Ягуа? Жаль его, видно, не удалось ему вырваться из плена, а большие каноэ ушли куда-то на полдень, и вряд ли Ягуа сможет теперь добраться до Острова Людей.

Ждать ли снова бледнолицых? Откуда ему знать, что будет завтра. А юкка созрела, надо ее выкопать, пока нет дождей.

Между тем вторая Каона, невеста Гуакана-младшего, окончательно рассорилась со своим женихом. Что-то надо предпринять, чтобы надежно пристроить эту другую Каону.

Гуаяра пришел к великому вождю именно для того, чтобы обсудить это дельце.

— Есть ли у тебя кто-нибудь на примете? — спросил у жреца Гуабина.

— Как не быть! Гуаяра знает, кому сбыть эту дочь Мабуйи. Кури! — Он протянул Гуабине большую сигару, поднес к ней раскаленный уголек.

— Говори!

— Гуаяра скажет, и речь его будет мудрой. Младший внук.

— Какой внук? Чей?

— Старого Гуакана. Чем не муж. Телом крепок, умом не обижен, а нынче, когда удалось ему сбежать от бледнолицых, слава о нем идет по всему острову. Так?

Гуабина глубоко затаился и выпустил прямо в лицо Гуаяре клуб едкого дыма.

— Удалось сбежать. Да, ему повезло, а вот вернется ли Ягуа...

— Так как же быть с Каоной и младшим Гуаканом?

— Сватай их, ты по этой части мастер.

Гуаяра усмехнулся.

— Сосватаю. Сегодня же.

С младшим внуком Гуаяра сговорился в одно мгновение. Младший внук всегда готов был навредить своему двоюродному братцу, жениху Каоны.

— Я согласен, — сказал он Гуаяре.

— Ну за Каоной дело не станет. Это тебе говорит Гуаяра, стало быть, сиди и жди невесту. Я мигом все устрою.

Гуаяра отправился в свой каней. По пути он встретил двух девчонок и дал им приказ: «Бегите к Каоне, дочери Бугии, и скажите ей — Гуаяра ее ждет. И чтобы шла немедленно».

Вот и Каона. Странно: девушка на выданье, а бедра прикрыла передником-нагуа.

— Пришла?

— Давно хотела.

— Хорошо. — Гуаяра все видит, у него зрячее сердце. — Тебе пора замуж.

— Пора. От судьбы не уйдешь.

— Вот-вот! Разумная ты, и с тобой лишних слов тратить не надо. Значит, согласна?

— Согласна.

— Кхе. Младший внук Гуакана тоже согласен.

— Младший внук? А он тут при чем?

— Так ведь...

Каона взялась за кончики передника и, склонив голову набок, придвинулась к Гуаяре.

— При чем тут младший внук? — повторила Каона. — Нам с тобой он не нужен.

Стемнело. Взошла луна. Неспеша она поднялась до середины небосвода и пересекла Великую Звездную Реку. Гуабина ждал. Ведь сегодня ночью ему надо было назначить срок свадьбы. Он еще не знал: женить на Каоне придется не младшего внука Гуакана, а великого жреца Гуаяру. Всякое случается в жизни. Бывает, что рыболов попадает в свои сети, а охотник — в свой капкан.

Перед канеем гениального провидца росла куча мусора. Из дверей вылетали обглоданные кости, тряпки, клочья истер-

занных масок, разбитые маканы, черепки. Муж Каоны второй корзинками выносил гуано Утии. Блаженная улыбка бродила по лицу молодожена. Он был счастлив.

На берегу Бухты Четырех Ветров Каона первая приносила жертву духам Большой Соленой Воды. В серебристом свете луны спала багамская Итака, и Пенелопа с Острова Людей молила Соленую Воду возвратить ей ее Одиссея.

Трудно быть Одиссеем

А тем временем Одиссей плыл у высоких берегов Кубы. Корабли теперь редко подходили к суше. Переговоры вести было не с кем, и Сеньорадмирал не обременял Диего дипломатическими поручениями. Все дни Диего проводил с Желтоголовым Педро и с доном Луисом. Поход к Великому хану сблизил Диего с главой высокого посольства.

Диего учили, и Диего учился. Он с ненасытным аппетитом пожирал плоды учения. И сладкие, и горькие.

Дон Луис давал ему уроки кастильского языка. Суровых правил обучения дон Луис не знал. Он имел смутное понятие о законах грамматики и не терзал ученика спряжениями и склонениями.

И, ничего не ведая о педагогических приемах Платона, который наставлял своих учеников, гуляя с ними по тенистым аллеям афинского Академа, дон Луис шел по стопам мудрого грека. Учитель и ученик гуляли по палубе и вели занимательные беседы. Волшебный язык бледнолицых покорял Диего. Успехи его удивляли и радовали дона Луиса.

— Оно и понятно, — однажды сказал адмирал, — душа индейца это *tabula rasa* (чистая доска). Поэтому она так легко впитывает в себя сок учения.

Это была святая истина, но не вся истина. И на чистых досках души есть разводы не менее причудливые, чем на полированном срезе дубового бруска.

Живая *tabula rasa* порой загадывала учителю необыкновенные загадки и ставила его в тупик.

Бывало, к примеру, так. Дон Луис и Диего бродят по камбесу (участок палубы между ютом и носовой надстройкой).

— Смотри, — говорит дон Луис, — матросы вынесли корзину. Вон она, у грот-мачты.

— Корзину? А что такое корзина?

— Да вот она, видишь? Стоит у мачты. Кажется, называется она на твоём языке хабой.

— Какая же это хаба? Хабу плетут из листьев, и мы в ней держим кассаву. А то, что у мачты, сплетено из тростника, и оно куда больше хабы.

— Пойми, я говорю не о хабе для кассавы, а о хабе вообще.

— Не понимаю. Хаба — это то, в чем хранят кассаву, а если в плетенки из пальмовых листьев отжимают сок юкки, то такая плетенка уже не хаба, а сабукан. И есть еще много-много других плетенки, и у каждой свое имя. Плетенки из кабуи, из тростника-гуако, из листьев аканы и из листьев кай-мито. И если плетенка для плодов, у нее одно имя, а если для рыбы, то совсем другое.

— Хорошо, Диего, оставим в покое корзины. Скажи мне, кто мы?

— Я и ты.

— Нет, я тебя спрашиваю не об этом. Кто мы вообще?

— Не понимаю.

— Ну мы вместе?

— Вместе? Рядом? Я — Диего-индеец и ты — дон Луис-бледнолицый.

— Беда мне с тобой! Как же ты не понимаешь? Вместе это не рядом, а как бы это лучше сказать... В совокупности мы все люди. Ведь это слово тебе известно? Ты же называешь свою землю Островом Людей.

— Да, но мой остров — остров таких людей, как я, а не людей бледнолицых. Вы «люди», и мы «люди», но вместе мы уже не «люди».

Совсем другие мысли занимали других четырех пленников. Им был дорог Остров Людей, и, пробыв целую луну на больших каноэ бледнолицых, они истосковались по родине.

Мечтая туда вернуться, они полагали, что эти замыслы можно будет осуществить двумя способами: либо бежать от бледнолицых, если их большие каноэ ближе подойдут к Гуа-нахани, либо поскорее найти для чужестранцев золото. Тогда великий белоглазый вождь отпустит их на Остров Людей.

А трех пленников — Первого, Второго и Третьего, взятых в бухте Хибара, перевели на «Пинту» — выпросил капитан Мартин Алонсо Пинсон. Третий, тот, который не желал принимать пищу из рук бледнолицых, теперь ел за двоих. Ему пришлось по душе план гуанаханийцев, и он верил, что если найдет бородатому вождю золото, то купит себе свободу...

Шел ноябрь 1492 года. Люди, которые открывали первые земли Нового Света, казались чародеями индейцу Диего.

Но они жили в не слишком светлое время и знали еще очень мало.

Ученые тех времен верили, что на островах Дальней Азии живут люди с песьими головами, что в Эфиопии водятся драконы, они спорили — на острове Цейлоне или у истоков Нила лежит земной рай.

Искали философский камень, способный превращать ртуть в золото, составляли гороскопы, изгоняли бесов из людей, пораженных безумием.

В 1492 году не было подзорных труб и телескопов, карманных часов и барометров.

И тем не менее каждая беседа с доном Луисом была для Диего откровением.

Гуаяра как-то растолковал бывшему Ягуа, что Земля — выводок черепах, плавающих на Большой Соленой Воде. В другой раз он сравнил землю с игуаной, растерзанной на части Мабуйей. А вот что сказал дон Луис Диего:

— Гляди, мы идем к берегу. И сперва видим вершины сосен, а затем ствол над корнями. Если Земля была бы плоской, как эта палуба, деревья не прятали бы от тебя свои ноги. И заметь, везде и повсюду деревья ведут себя так же. Стало быть, Земля круглая, как голова сыра. Ты спрашиваешь, почему не стекают с этого шара моря? Попробуй оторвись от Земли. Она не даст тебе взлететь в воздух, она притянет тебя обратно. Эта же земная сила удерживает и морские волны.

А в другой раз дон Луис растолковал Диего, почему убывает и снова нарастает Луна и по какой причине случаются затмения.

И он привел Диего к большому шару (это был глобус, который Сеньорадмирал хранил как зеницу ока) и показал ему, где находится Кастилия и с какими странами она соседствует.

Попутно Диего узнал поразительные вещи. Оказывается, земли, что лежат на макушке шара, очень холодные. Там так холодно, что вода становится камнем, а дождевые капли твердыми и белыми, как хлопок. Камень называется льдом, твердый дождь — снегом.

В Кастилии летом так же жарко, как на Острове Людей, но зимой там выпадает снег. А ниже Кастилии на глобусе большое желтое пятно. Оно называется Африкой. Там не бывает ни льда, ни снега, но зато живут люди с кожей черной, как ночь. И волосы у них курчавые и жесткие, а губы толстые. А где-то за Африкой, в стране Катае, у людей глаза раскосые, а кожа желтая. Удивительно!

Скверно только, что не все, что говорит дон Луис, удается запомнить. Слова — их много, ужасно много — норовят ускользнуть от тебя, и догнать их никак невозможно. А еще труднее искусство счета. На Острове Людей все очень просто. У тебя есть пальцы на левой и пальцы на правой руке. Пять на одной, пять на другой. Вполне достаточно, чтобы сосчитать то, что тебе нужно.

В одной луне десять и еще десять и еще восемь дней. Посеешь одно зерно маиса, соберешь столько зерен, сколько пальцев у десяти человек. Если улов удачный, может статься, что у тебя окажется столько макрели, сколько пальцев у десяти и еще десяти человек.

Если же тебе взбредет на ум узнать, сколько плодов на той старой гуанабанае, что растет у твоего канея, то ты возьмешь кучку камешков и по ним сосчитаешь то, что тебе не нужно. Ибо какой смысл в таком счете? Праздное любопытство несвойственно Людям Острова, и никогда не станут они тратить время на бесполезные дела. Не будут же они, к примеру, считать звезды в небе или песчинки на берегу Бухты Четырех Ветров.

Но у бледнолицых все на счету, и всему они стремятся подвести итог. У каждого из них есть золотые или медные кружочки, и без них им жизнь не в жизнь, и они говорят, что у кого больше этих кружочков, тот богаче и счастливее. И есть у бледнолицых значки, с помощью которых они объясняются между собой без слов. И у них имеются крепко-накрепко сшитые связки бумаги — белой нетканой ткани, и все листы этих связок покрыты черными значками, и эту бумагу они читают, то есть ловят тайный смысл значков. И не только читают, но и пишут или, иными словами, сами покрывают бумагу такими значками. Диего и не пытался в этом разобраться. Дон Луис сказал: «Погоди, всему свое время. Дай срок, научишься читать и писать, не такое уж это хитрое дело».

Ох, вряд ли этому научишься!

«Эспаньола — это чудо»

В конце ноября и в начале декабря адмирал в кубинских водах искал путь к таинственному острову Банеке, ибо встречаемые индейцы говорили, будто там очень много золота. Из-за этого Банеке немало седины прибавилось у адмирала. Мартин Алонсо Пинсон решил отправиться на поиски золотого острова и «позабыл» об этом уведомить адмирала.

«Пинта» в одну прекрасную ночь исчезла, и поиски ее успехом не увенчались. Мартин Алонсо нашел остров Банеке, но золота там было немногим больше, чем на Кубе. Адмирала он, однако, догонять до поры до времени не собирался...

«Санта-Мария» и «Нинья» блуждали в поисках «Пинты» и острова Банеке в беспокойном море и в среду, 5 декабря, подошли к оконечности очень большой земли. Это был огромный остров, и берега его совершенно очаровали адмирала. «Земли здесь подобны кастильским», — писал он, и в честь своей второй родины назвал новооткрытый остров Эспаньолой — Испанской страной.

И адмирал посвятил Эспаньоле вдохновенные строки:

«Эспаньола — это чудо: тут цепи горные и кручи, и долины, и равнина, и земли прекрасные и тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения любого скота, для городских и сельских построек.

Морские гавани здесь такие, что, не видя их, нельзя и поверить, что подобные могут существовать, равным образом как и реки — многочисленные и широкие, с вкусной водой, причем большая часть этих рек несет золото.

Деревья, плоды и травы здесь не такие, как на Хуане (Кубе). На этом острове много пряностей, а также золота и других металлов».

Шли дни, шли недели, а острову этому не было конца. Уплывали на запад райские берега, утопающие в густой зелени, берега с изумрудными бухтами, тихими и веселыми.

Да, подлинным чудом был этот остров, и адмирал, слагая ему хвалебные гимны, не погрешил против истины.

Адмирал в свое время обошел тропические леса Африки. Он высаживался на берегах Сенегала, отдавал якорь в водах островов Зеленого Мыса и в гвинейской гавани Сан-Жоржида-Мина.

Африканские тропики — пояс великих крайностей. Берега Сенегала овеяны сухим дыханием Сахары, они бесплодны и голы. А у самого экватора Африка встречает мореплавателя хмельными от мокрого зноя лесными чащобами.

Это адский рай, страна, где ленивые реки питают непролазные топи, где в гнилых болотах и буйных, вспоенных теплыми хлябями лесах человека на каждом шагу подстерегает смерть. Смерть от стрелы, от ядовитого жала москитов, от змеиных укусов, от зубов и когтей ненасытных хищников.

Эспаньола же рай райский. Природа наградила ее климатом вечной весны, и тропики Эспаньолы — это тропики благодатные, избавленные от гвинейских излишеств,

Адмиралу казалось, что Эспаньола необъятно велика, что она куда больше Испании. Он ошибался, но ведь и в самом деле этот чудо-остров был не мал. Четыре Сицилии мог бы он вместить в свои пределы, а Сицилия — остров изрядной величины.

Казалось, будто Эспаньола, приметив корабли пришельцев, затаилась и скрыла от них все живое. Ни единого каноэ не видно было у берегов острова, в густой зелени лесов даже самый зоркий глаз не мог разглядеть ни малейших признаков городов и селений. Только на дальних вершинах курились сизые дымки.

Берегитесь, люди! Идут чужеземцы!

Горы переговаривались друг с другом на языке тревожных сигналов, и все дальше и дальше к востоку убегала цепь дымных костров.

Адмирал догадывался, что остров небезлюден, но он еще не подозревал, что довелось ему открыть густонаселенную землю, вобравшую в себя половину всех обитателей Антилии.

Адмирал еще не знал, что на Эспаньоле существует пять «почти государств» — мощных племенных союзов, что в чудесных межгорных долинах рассеяны большие и малые селения и что на много миль тянутся в этих долинах возделанные поля.

Пожалуй, тысяч пятьсот мирных индейцев, ближайших родичей Людей Острова, земляков Диего, населяли в 1492 году Эспаньолу. Не знали они еще, что земля Гаити, или Кискейя, будет переименована чужеземцами в Испанскую Страну, не могли они себе и вообразить, что спустя тридцать лет останется на этой земле лишь шестнадцать тысяч ее коренных обитателей.

На горе Эспаньоле возлюбил ее адмирал. Ведь с его легкой руки станет она первой заморской колонией королевства Кастильского...

Целую неделю простояли корабли в большом заливе (адмирал назвал его бухтой Зачатия). Берега залива казались пустынными — моряки не раз видели людей, которые, заметив пришельцев, сразу же исчезали. А затем «Санта-Мария» и «Нинья» медленно двинулись на восток вдоль берегов чудесной Эспаньолы. И в канун рождества корабли отдали якорь неподалеку от обширной бухты. Близ нее лежала столица одного из великих касиков Эспаньолы. Звали этого вождя Гуаканагари, и адмирал намерен был нанести ему визит. Подданные этого Гуаканагары говорили, что их повелителю ведом путь в страну Сибao, лежащую где-то за ближними горами

и богатую золотом. Сибao! Отзвуки Дальней Азии послышались адмиралу в этом слове. Он был убежден: «Так местные индейцы называют волшебную страну Сипанго».

Поздно вечером в сочельник корабли снялись с якоря и двинулись к бухте, близ которой находилась резиденция великого касика.

Гибель «Санта-Марии»

Путь до этой резиденции был совсем недалеким. Стоило только обогнуть скалистый мыс, и бухта приняла бы в свое лоно корабли адмирала.

Дул свежий ветерок, ночь выдалась светлая, да и с кораблей еще засветло осмотрели прибрежные воды и отметили все опасные места.

Мабуйя не дремал. Именно в рождественскую ночь он преподнес адмиралу неожиданный сюрприз:

«В исходе первой четверти ночи корабли находились на расстоянии одной лиги от Святого мыса. Именно в это время, то есть в одиннадцать часов, адмирал решил лечь спать, ибо накануне провел два дня и две ночи без сна. Так как ветра не было, рулевой отправился спать, поручив руль юнге. Адмирал постоянно запрещал это делать независимо от того, была ли погода ветреная или безветренная. Итак, никому не разрешалось передавать руль юнгам. Адмирал не опасался банок и мелей, потому что еще в воскресенье... моряки прошли к востоку от Святого мыса добрых три лиги... и видели, в каких местах можно пройти кораблям.

Пожелал наш господин, чтобы в полночь, когда море было спокойно, как вода в чаше, моряки, убедившись, что адмирал спит, сами отправились на покой, оставив руль на попечение мальчишки. Корабль же, увлекаемый течением, пошел к камням, которые, кстати сказать, несмотря на ночное время, были видны и слышны (потому что о них с шумом разбивался прибой) на расстоянии целой лиги. Мальчик сообразил, что с рулем что-то неладно, и, услышав шум прибоя, поднял крик, на который вышел адмирал... Адмирал, убедившись, что... вода под кораблем убывает, и понимая, что судно садится на мель, приказал срубить мачту и елико возможно облегчить судно. Но под днищем корабля становилось все мельче и мельче, и от ударов о камни расселись доски между шпангоутами, и вода затопила трюм. Адмирал направился на каравеллу, чтобы подготовить переброску на «Нинью» людей, оставшихся на корабле. Но так как ветер подул с берега и неизвестно было, насколько далеко в море заходит мель, решено было, взяв в расчет, что ночь уже на исходе, оставить «Нинью» до утра в дрейфе, с тем чтобы с наступлением дня она подошла с внутренней стороны этой цепи подводных камней или отмелей.

На берег в лодке посланы были альгвазил флотилии Диего де Арана и постельничий короля Перо Гутьерес... Когда король узнал, что произошло, он, по словам Гутьереса и Араны, заплакал и тут же послал всех жителей селения с каноэ (и было этих каноэ очень много и среди них весьма крупные) на разгрузку корабля, и очень быстро все, что было на палубе, удалось снять.

Таковы были великое участие и рвение, проявленные этим королем. Он сам, его братья и родичи принимали участие в разгрузке корабля и охраняли то, что перевозилось на берег, заботясь о порядке и сохранности корабельного имущества. Время от времени король посылал к плачущему адмиралу своих родичей, и они, утешая его, заверяли, что король не причинит ему никаких огорчений, не обидит его и готов отдать ему все, что имеет. Адмирал заверяет короля и королеву, что нигде в Кастилии имущество его не могло бы так хорошо охраняться, как здесь. Ничто, ни единая мелочь, ни одна агухета¹ не пропали при разгрузке. Король велел перенести все вещи в свои собственные дома, хотя в селении пустовало много помещений, и там все было сложено и взято под охрану. Он выставил вооруженных людей, которые дежурили всю ночь напролет.

«Король и весь народ его проливали слезы,— говорит адмирал,— настолько бескорыстны и любвеобильны эти люди и так сговорчивы, что заверяю ваши высочества» и твердо убежден в том сам: в целом свете не найдется ни лучших людей, ни лучшей земли. Они любят своих ближних, как самих себя, и нет в мире языка более приятного и нежного, и, когда они говорят, на устах у них всегда улыбка. Ходят они нагие, в чем мать родила... но, да поверят ваши высочества, обычаи у них добрые, а король держится с таким удивительным достоинством и так величава его осанка, что любо поглядеть на все это. К тому же индейцы обладают хорошей памятью и всё желают узнать и увидеть и обо всем расспрашивают, допытываясь, что собой представляет и для чего служит каждая вещь.

В 1970 году американская экспедиция Флоридского университета объявила, что у Святого мыса (ныне он называется Кап-Аитьен) на глубине пяти метров они нашли остатки корабля XV века. «95 % за то, что это «Санта-Мария»,— торжественно заверили руководители экспедиции. Что ж, дай бог! Но по крайней мере раз двадцать искатели затонувших кораблей и погребенных на морском дне сокровищ «находили» уже «Санта-Марию»...

И даже сам Гуаканагари вряд ли облегчил бы эти напрасные поиски. У берегов Гаити течения сильны и капризны, чуть ли не ежегодно здесь зарождаются новые отмели, а прежние странствуют по воле Нептуна; остатки старинных кораблей передвигаются по дну морскому, и течения заносят их, куда им вздумается.

¹ Агухета — пояс-ремешок с бронзовыми или медными подвесками.

И кроме того, антильские моря — это моря коралловые, а в коралловых морях все, что попадает на дно, обрастает белокаменной скорлупой.

Во многих цивилизованных странах у жителей прибрежных областей испокон веков имелся доходный промысел: они грабили суда, потерпевшие кораблекрушения. Эспаньола была островом нецивилизованным. И подданные «короля» Гуаканагари не присвоили себе ни единой агухеты с погибшего корабля. А сам «король» проливал горькие слезы, горячо и искренне сочувствуя великому вождю бледнолицых...

Смутно было в день кораблекрушения на душе Диего. Корабль был для него живым крылатым зверем. Нет, он не любил «Санта-Марию». Это большое каноэ, капризное и ветреное, ни во что не ставило сына младшего брата великого вождя Острова Людей, оно несло его к неведомым берегам и не желало возвращать на родину.

Но это был красивый и гордый зверь, любимое детище Сеньорадмирала. А чье сердце не сжалось бы от боли при одном лишь взгляде на его несчастную спину. Кусая губы, бродил Сеньорадмирал по палубе, и все старались обойти его стороной, и никто не смотрел ему в глаза.

Не уберегли. Погубили «Санта-Марию»!

Диего наведался к пленницам. Понуро, с безучастным видом сидели они за дощатой загородкой. Ни о чем они не спросили Диего, и, казалось, будто до них не доходит смысл его слов. И все они с тоской смотрели в сторону заката, но там, за Святым мысом, была не их родная бухта, а чужая гавань, на чужой земле.

Адмирал забрел к пленницам случайно, просто подвернулся ему по пути их загон.

— Ты здесь, Диего,— процедил он сквозь зубы и, не дожидаясь ответа, круто повернулся к выходу. И, протискиваясь через дверцу загона, заметил женщин.

— Индианки? Как они сюда попали? Ах да, помню. Но куда мы их теперь денем? Гм, пожалуй, лучше сделать так... Переведи им, Диего: я отпускаю их. И объясни — я сегодня попрошу короля доставить их на Кубу.

А труп «Санта-Марии» покачивался на тихой волне. Вернее, колыхалась волна, а бывший флагман адмиральской флотилии сидел недвижно, вращаясь в зыбучие пески. Кораллы-строители уже проведали о мертвом корабле. Нептун послал им отличную основу для вечной надстройки. Надстройки, которой суждено будет стать мавзолеем «Санта-Марии».

«Более много»

«Король очень обрадовался, когда увидел, как возликовал адмирал, и понял, что адмирал желает иметь много золота. Знаками король объяснил, что ему ведомо место, где есть великое множество золота, и что от чистого сердца он готов дать столько золота, сколько адмирал пожелает. Адмирал говорит, что король подтвердил свое обещание, а также сообщил, что в Сипанго, или как называют эту страну индейцы, в Сипао, золота столько, что там его ни во что не ценят. Король сказал, что он может привезти золото оттуда, хотя здесь, на острове Эспаньоле, называемом индейцами Бохио, и непосредственно в этой провинции Карибате золота даже больше, чем в Сипао».

В быстрых реках Эспаньола кое-где водился золотой песок. Вернее, обыкновенный песок с крупинками золота. У Гуаканагари золота много: несколько золотых масок, несколько поясов с золотыми пряжками, несколько золотых жезлов. У многих его подданных носы были украшены золотыми палочками, а старейшины-нитайно щеголяли в золотых браслетах.

Много... До чего же относительно это понятие. Скажем, в Севилье или Генуе тридцать золотых браслетов — ничто. В столице «королевства» Марьен десять золотых масок — это много-много золота, а трижды десять золотых браслетов — количество несметное и невообразимое.

Очень тесная тольдиля на «Нинье». Когда туда внесли обеденный стол и восемь стульев, не осталось ни единого свободного местечка. Все же каким-то чудом адмирал и капитан Висенте Яньес Пинсон умудрились рассадить за столом знатных гостей: «короля» и ближайших его советников. Диего, толмач адмирала, протиснулся за высокое адмиральское кресло и стоял там, внимая застольным речам.

С тонущей «Санта-Марии» удалось снять три-четыре бочонка хереса. В тонких высоких бокалах валенсийского стекла искрилась золотистая жидкость, и адмирал щедро подливал ее в фиал «короля».

Голова у Гуаканагари слегка кружилась, язык чуть заплетался, но на душе было светло и радостно. Ужасно хотелось осчастливить великого вождя бледнолицых.

— Скажи вождю,— обратился к Диего Гуаканагари,— что золота у нас очень, очень много. Сколько вождь пожелает, столько мы ему дадим.

— Он хочет дать вам много золота,— перевел Диего.

— Сколько же? — неторопливо спросил адмирал.

— Вождь бледнолицых хочет знать, сколько ты ему дашь золота?

Очень, очень много. Более много-много,— перевел Диего.

— Я полагаю, ваша милость,— проговорил Висенте Яньес,— что толку мы от короля не добьемся. Херес оказался больно уж крепким, хотя, клянусь святым Висентом, моим патроном, пинта-другая соленой водички все же попала в бочонок. «Более много-много-много» лучше, чем ничего.

— Я бы предпочел,— с тяжелым вздохом сказал адмирал,— чтобы счет велся на унции и на марки¹. Но я вижу, что здешняя счетная единица — «много». Что ж, это не так плохо.

— О чем говорят бледнолицые вожди? — спросил Гуаканагари у Диего.

— О касик! Понять ты их вряд ли сможешь, даже если они заговорят на языке Людей. Они любят считать, а мы не любим. И такие слова, как много-много, им непонятны.

— А тебе?

— В моем носу золотая палочка, больше мне ничего не надо.

— Ты мудр, мой брат. Скажи им снова: много-много-много — и попроси великого вождя, чтобы он отправил меня и моих старейшин-нитайно на берег. У нас стало от этой желтой воды по шесть глаз. Переведи им — пусть приходит ко мне вечером.

Адмирал вручил «королю» голубую шелковую рубашу, черные перчатки, красные штаны, звонкий бронзовый колокольчик и такие же колокольчики роздал королевским советникам.

— Если королю сие будет угодно,— заявил он,— я с ним отправлюсь на сушу. А! У короля шесть глаз. Хорошо. Мы сейчас вынесем стол и освободим тольдилю. Пусть король и его спутники отдохнут, я прикажу принести для них ковры. А тем временем я соберусь, и мы все вместе покинем корабль.

— Неужели у них нет гамаков? — спросил один из нитайно у Диего.— Как можно спать на жестких тряпках? Ведь на них все бока отлежишь!

— Ложись,— приказал Гуаканагари.— Мы же в гостях, так будем уважать обычаи хозяев.

Тем временем в носовую надстройку адмирал призвал всех оружейников.

¹ Марка — весовая единица для драгоценных металлов, равная 230 граммам. В марке насчитывалось десять унций.

— Сеньоры,— обратился он к ним.— Король дает на берегу ужин. Надо воспользоваться случаем и показать этим дикарям, что мы — просвещенные люди. Отрядите лучников в селение. Пусть возьмут большой турецкий лук и по колчану стрел. А когда я с берега подам сигнал, дайте два-три залпа из ломбард. Пошлите также четырех человек с эспингардами¹. Проку от эспингард мало, но зато гремят они на славу.

«Король пообедал на каравелле с адмиралом, а затем отправился вместе с ним на берег, где принял у себя с большим почетом и дал ужин, на котором подавалось два или три сорта ахе², крабы, дичь, индейский хлеб, что носит название кассавы, и прочие блюда. А потом король повел адмирала в рощу близ селения, причем его сопровождала по крайней мере тысяча человек и все были голые. Король уже был в рубашке и перчатках, и последние радовали его больше, чем все прочие дары. Его принадлежность к знатному роду проявлялась в том, как он держал себя за столом, и в его манерах, исполненных скромности и благородного достоинства. После ужина он отправился с адмиралом на берег, и адмирал послал за турецким луком и колчаном со стрелами, а затем попросил одного из своих спутников выстрелить из лука. И король, который об оружии не имел понятия — ведь у них оружия нет и они им не пользуются,— был поражен до крайности. Но он сказал, что у людей, которые называются карибами, или канибами, и которые сюда приходят, чтобы полонить местных жителей, есть луки и стрелы без железных наконечников. Во всех этих землях и слуха нет о железе, стали или других металлах, но медь, хоть и в малом количестве, адмирал видел. Знаками адмирал дал понять королю, что короли Кастилии приказали ему разгромить карибов и что он всех их приведет со связанными руками.

Приказал адмирал выстрелить из ломбарды и эспингарды, и король был потрясен, видя какво действие этого оружия. А люди его, услышав звук выстрела, поверглись наземь. Адмиралу принесли большую маску с изрядными кусками золота в глазницах, в ушах и других местах, и эту маску, а также иные золотые украшения король дал адмиралу, надев маску ему на голову, а все прочее повесив на шею. И много таких же вещей роздал король христианам, сопровождающим адмирала.

Адмирал был утешен и обрадован всем, что увидел, и умерились его тоска и его печаль, вызванные гибелью корабля, и он понял, что господь посадил этот корабль на мель, дабы именно в этом месте было бы заложено новое поселение».

¹ Эспингарда — длинная пищаль, очень тяжелое и неудобное оружие.

² Ахе — клубни бататов (сладкого картофеля); подавали их в печеном и жареном виде.

Дары данайцев

«Санта-Мария» погибла. «Пинта» гуляла неведомо где. Оставалась лишь «Нинья» — каравелла-малютка, и даже святой Николай, покровитель всех плавающих, не разместил бы в ее чреве семьдесят человек.

И адмирал решил основать во владениях Гуаканагари в бухте Навидад (Навидад по-испански — рождество, а в день рождества близ этой бухты затонула «Санта-Мария») крепость и в ней оставить тридцать девять своих спутников. Оставить временно. Самому же вернуться в Кастилию. Ведь чистое безумие продолжать поиски новых земель на одном утлом суденышке. А из Кастилии можно привести большую флотилию и прямо из бухты Навидад отправиться к Великому хану.

«Король» Гуаканагари Вергилия не читал. А поэтому он ничего не знал о троянском коне. Большом, деревянном, пустотелом коне, которого данайцы, осаждавшие Трою, по совету хитроумного Одиссея подарили своим врагам. Воины, скрытые в брюхе коня, врасплох напали на троянцев и захватили город.

Разумеется, оставляя в бухте Навидад тридцать девять человек, адмирал был далек от коварных замыслов. Эти люди могли бы, так по крайней мере считал адмирал, приобщить «короля» и его подданных к христианскому образу жизни. И кроме того, ко времени возвращения адмирала из Кастилии они успели бы сходить в Сибao и доставить в форт много золота.

Благими намерениями ад вымощен...

Пока адмирал строил крепость на берегу бухты Навидад, Диего курсировал между кораблями и резиденцией Гуаканагари. Как и прежде, посещая места, где многое напоминало Остров Людей, а многое было совсем несходно с тем, что было на родине, Диего впадал в уныние. Порой его одолевала такая тоска, что он готов был сбежать куда глаза глядят, но какое-то властное чувство удерживало его в бухте Навидад. Он знал, что Сеньорадмирал скоро уйдет в страну Кастилию, и он твердо решил сопровождать туда великого бледнолицего вождя.

Гуаканагари не раз подолгу беседовал с Диего. Говорил он с Пепе, Алонсо, Пако и Санчо, земляками Диего, и голова у него шла кругом: удивительны были рассказы этих людей, и, что совсем странно, почти во всем эти рассказчики друг другу противоречили.

Пепе, например, ругал бледнолицых. Алонсо и Пако говорили о них без неприязни, но оба они бестолковые; Санчо, который с некоторых пор явно тронулся умом, утверждал, что

бледнолицые вообще не люди и что в один прекрасный день они исчезнут. Их поглотит Большая Соленая Вода, и они уйдут к Мабуе. Верить в это пророчество Гуаканагари не хотелось. Пока у него не было основания жаловаться на пришельцев, а получил он от них много.

Разумеется, больше всех о бледнолицых знал Диего. Но странное дело, Гуаканагари от бесед с этим юношей становилось очень тревожно, хотя в отличие от Пепе Диего редко отзывался о бледнолицых плохо и неуважительно.

— Я никак не могу понять тебя, — говорил Гуаканагари, — добро или зло несут нам эти пришельцы? Чего ожидать от них? Как постичь их намерения?

Диего пожимал плечами.

— Ты большой вождь, тебе и решать. Я поведал тебе лишь то, что видели мои глаза и слышали мои уши. Одно могу тебе сказать. Они — другие. Представь себе, что наши собаки-алки вдруг обрели дар речи и стали ходить не на четырех лапах, а на двух ногах. Мабуя свидетель, ты их понял бы скорее, чем бледнолицых.

— Да, ты прав, кожа у них белая, тело они прикрывают тряпками...

— Нет, не в том дело. Сперва и мне казалось, что только этим они отличаются от нас. Но, великий вождь, теперь я вижу — они совсем другие и ничем на нас не похожи. Не могу я взять в толк, почему они такие жадные, не могу понять, почему нрав у них так переменчив.

Гуаканагари удивленно развел руками:

— Иногда мне кажется, что я тебя понимаю. А затем смысл твоих слов ускользает от меня, как макрель из прорванной сети...

— Ты увидел их лишь два дня назад, а я с ними две луны и десять и еще четыре дня. Но чтобы понять их, этого мало. Потому-то я и хочу отправиться с ними в Страну Восхода — они ее называют Кастилией. Нас туда пойдет пятеро. Пять умов хорошо, десять лучше. Мой тебе совет: пошли к великому касику Кастилии умных людей.

— Совет твой хорош. Я подумаю. Но увижу ли я тех, кого отправлю в Страну Восхода?

— Увидишь! Бледнолицые упрямы. Они снова придут сюда, им нужен желтый металл. И они неспроста оставляют часть своих людей. Помни это.

— Запомню. И вот что я скажу тебе напоследок: хотел бы я, чтобы духи предков переселили меня во времена моего деда. Он умер спокойно, он не знал, что есть на свете бледнолицые...

Да, не было счастья, так несчастье помогло. Форт Навидад уже строится. Материала сколько угодно. Доски, бревна, гвозди, всего этого добра на «Санта-Марии» вдоволь.

И вот обнажался ее скелет — очень похожи мертвые корабли на истлевших покойников, и кровь стынет в жилах, когда видишь голые ребра шпангоутов.

И уже составлен список. В нем тридцать девять имен. Эти люди остаются на Эспаньоле. Богу хвала, почти все смутьяны по собственной воле решили не возвращаться в Кастилию. Остается Чачу, остаются его дружки. У них особый расчет. Генузец велит колонистам жить в мире с индейцами. Как бы не так! Дай срок, уйдет «Нинья» в Кастилию, и мы покажем этим безмозглым дикарям, на что способны добрые христиане!

Оружия сколько угодно: бальесты, арбалеты, аркебузы, эспингарды; порох есть. А у «короля» Гуаканагари одни лишь острые тростинки да дубинки, они называют их маканами. И у него есть золото. Иисус-Мария! Золото будет у нас, и горе тем, кто станет на нашем пути.

Сеньоры Перо Гутьерес и Родриго де Эсковеда, шпионы их высочеств, тоже остаются в Навидаде. Они сами изъявили желание покинуть корабль. Говорят, будто Перо Гутьерес кому-то признался — лучше перезимовать на твердой земле, чем пускаться в обратный путь на такой жалкой посудине, как «Нинья». Вольному воля, пусть остается. Легче на душе, когда глаза и уши их высочеств не ловят твоего взгляда и твоего слова... Жаль, но приходится расстаться с достойным кавалером Диего де Араной. Главным альгвазилом — начальником всех вооруженных сил флотилии. В Навидаде он будет комендантом.

Дон Диего свойственник адмирала. Он кузен его второй (и, увы, незаконной) жены доньи Беатрисы де Араны, которая живет в Кордове. Дон Диего человек смелый и честный. А это очень важно. Верно, очень важно. Но дон Диего уступчив, нрав у него не крутой, а сердце отходчиво. Справится ли он со своей буйной командой?

Другой Диего, тот, что не из города Кордовы, а с Острова Людей, крайне опечален. Конечно, не тем, что ему предстоит разлука с извергом Чачу. В Навидаде остается дон Луис де Торрес, его наставник.

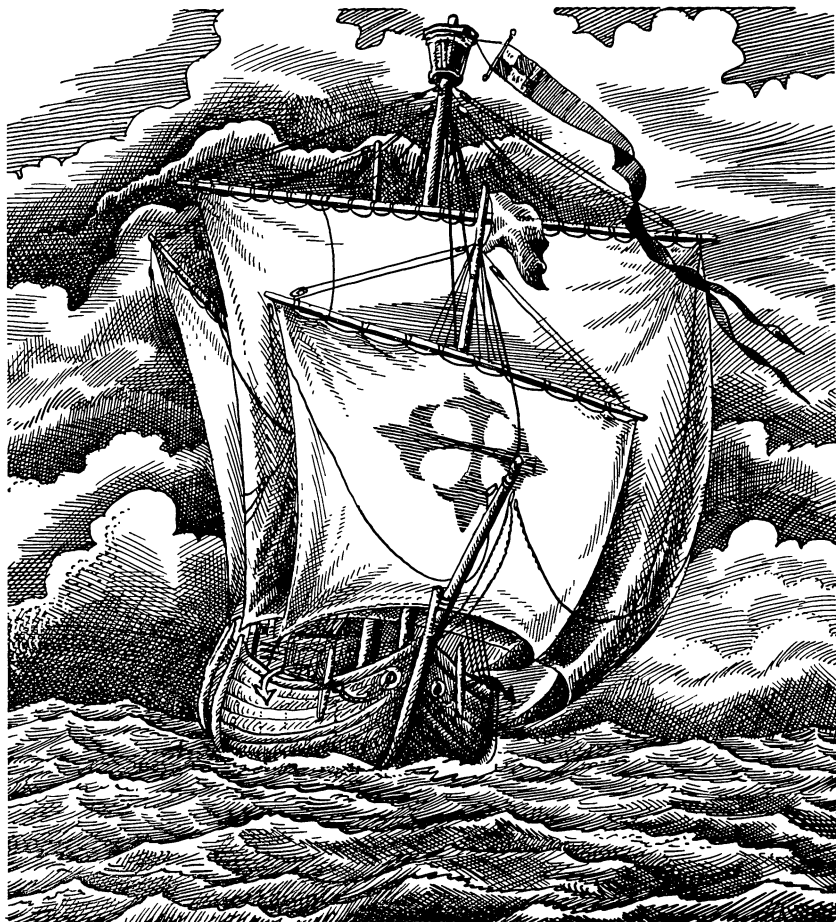
Новость! Нашлась «Пинта». Ее видели неподалеку от бухты, и весьма возможно, что скоро «Нинья» с ней встретится.

Форт готов. В его чреве вчетверо больше данайцев, чем в брюхе троянского коня. Пожалуй, и правда — зря «король» Гуаканагари родился на свет позже своего деда.

Путь к Востоку

*Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов
Ламосу.*

Одиссея

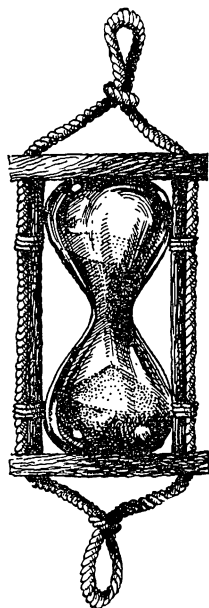
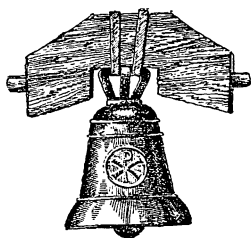

Прощай, Эспаньола!

Сумбурны были три последних дня 1492 и три первых дня 1493 года. Достраивался форт, перевозились для тридцати девяти его сидельцев всяческие припасы, и, кроме того, то на «Нинье», то на берегу адмирал и «король» устраивали торжественные приемы. Эти встречи были весьма выгодны для обеих договаривающихся сторон. Адмирал получил сведения о золотых долинах Сибao и о золотых островах в синем море, а Гуаканагари — великолепные гранатовые четки, а еще более роскошные сапоги из синего кордовского сафьяна и серебряное кольцо. Кольцо так понравилось «королю», что он взамен подарил адмиралу большую золотую пластинку.

Любой севильский ювелир оценил бы пластинку в тысячу раз дороже кольца, но Гуаканагари считал, что ему необыкновенно повезло. Возможно, он был прав. Разные мерила ценностей были в Новом и в Старом Свете, вдобавок эти «варвары»-индейцы сердцем были гораздо щедрее добрых христиан.

Диего разрывался на части. Надо было сопровождать Сеньорадмирала и присутствовать на торжественных встречах. Без своего личного переводчика Сеньорадмирал не мог обойтись. Надо было навещать великого вождя Гуаканагари и беседовать с ним о бледнолицых гостях. Надо было напоследок разокругой повидать дона Луиса, грустно было расставаться с ним.

И вот настал час последней встречи с доном Луисом.

— Помни, Диего, обычаи Кастилии непохожи на ваши индейские. Тебе нелегко придется в этой стране.— Дон Луис объяснил Диего, он едва сдерживал слезы, и сын младшего брата Гуабины потерял носом о колючую щеку учителя.

Пералонсо Ниньо, кормчий великой флотилии (ныне в ней лишь один-единственный корабль) стоял рядом: дон Луис не друг ему, но он всегда ценил и уважал этого человека, и он пришел вместе с Диего, чтобы последний раз пожать ему руку. И еще пришли Желтоголовый, дон Обмани-Смерть и Родриго де Херес, с которым дон Луис ходил к Великому хану.

— Диего я не оставляю,— сказал Пералонсо дону Луису.— Понятное дело, вас я не заменю, где мне! Человек я не больно ученый, но морское дело знаю, хотя бы этому я выучу Диего да, пожалуй, еще кастильской грамоте, тут мне и Педро поможет.

— Хорошо,— прошептал дон Луис.— Очень хорошо. Но боюсь я, что не так просто вести по курсу душу людскую.

— Ваша правда, дон Луис. Но я снова повторяю, Диего я не оставляю.

— И мы не оставим,— в один голос подтвердили Желтоголовый и Обмани-Смерть.

И вот за зеленой рощей скрылись крыши форта; четверо бледнолицых идут к берегу, а за ними, поминутно оглядываясь, следует Диего. Нет, уже не видать дона Луиса, мелькнул и исчез красный плащ наставника. Сколько утрат было за последние три луны! Великий вождь Гуабина, великий жрец Гуаяра, Каона, а теперь дон Луис, бледнолицый друг. И последняя ли эта утрата?

С Гуаканагари Диего распрощался еще вчера. Снова касик вел беседу о бледнолицых. Кое-что он, пожалуй, понял, но как объяснить то, что в сущности не слишком ясно тебе самому? Спрашивал Гуаканагари о тех бледнолицых, что здесь остаются. Одно ясно — Чачу-боцман опаснее любого каймана.

Несколько дней назад Гуаканагари говорил, что, быть может, пошлет в страну бледнолицых верного человека. А сегодня появился на «Нинье» не то племянник, не то брат Гуаканагари, очень бойкий юнец, зовут его Гуакагана, и объявил, что великий касик приказал ему отправиться в Страну восхода.

Таким образом, в Кастилию пойдут шесть бронзоволицых: пятеро с Острова Людей и один из страны Марьен.

4 января 1493 года на рассвете адмирал приказал поднять паруса. Дул легкий и нежный утренний бриз, за горой Христа чуть розовело просветлевшее небо. Над Святым мысом гасли

звезды. Бухта Навидад медленно уплывала на юг. Уплывали ее зеленые леса, дощатые крыши форта, толпа индейцев на песчаном берегу.

В немой скорби простер к небу кривые руки истерзанный скелет «Санта-Марии».

«Нинья», распустив расцвеченные зарей паруса, с кошачьей грацией обходила мели. Миновав узкий пролив, ведущий из бухты в открытое море, она резво понеслась на восток вдоль берега Эспаньолы. Бесконечно далека была Кастилия, но на пути к ней адмирал прошел уже первые лиги.

Минуло два дня, и Обмани-Смерть с вершины грот-мачты увидел «Пинту». На всех парусах, при свежем ветре в корму она шла навстречу маленькому флагману.

И вот Мартин Алонсо уже на борту «Ниньи». Шуршит песок в ампульетах (песочных часах), по которым на кораблях отсчитывают время. За полчаса опорожняется верхняя склянка, затем юнга переворачивает ампульеты, и сухая струйка вновь устремляется вниз, и растет на дне склянки золотистая песчаная горка.

На «Нинье» тишина. Все взоры прикованы к тольдиле, куда адмирал пригласил капитана «Пинты». Одна ампульета... две... три... четыре. Тихо отворяется дверь, и Мартин Алонсо выходит на ют. Кажется, все обошлось. Мартин Алонсо идет к трапу. Он спокоен, только рдеют красные пятна на скулах.

«Пинта» идет в кильватерной струе флагмана и в ночную пору перемигивается с ним сигнальными фонарями. Кажется, Третьего на ней нет. Не сбежал ли он на Эспаньолу? Если сбежал, то, уж конечно, до Кубы он доберется.

Прошло еще шесть дней и корабли отдали якорь на последней стоянке. Это огромная, подобная широкой бутылке, бухта, и берега ее обитаемы.

Дон Обмани-Смерть, Желтоголовый и Диего отправились на берег. В негустом лесу тревожная тишина. Кажется, будто за кустами и деревьями притаились люди. Кожей чувствуешь их зоркие взгляды. Фьють!.. Тонкая и длинная стрела вонзилась в землю у ног Желтоголового.

Карибы! ¹

Диего несколько раз взмахнул пальмовой ветвью. Заметив ветвь — знак мира, человек двадцать вышло из засады. Полу-

¹ Строго говоря, это были не чистые карибы, а «карибизированные» индейцы сигуано, родичи таинов и лукайцев, которые переняли многие обычаи своих южных соседей и освоили их излюбленное оружие — луки и стрелы.

кольцом они окружили чужеземцев. Так и есть. Это длинноволосые! Черные волосы заброшены на спину, на темени пучки ярких перьев. У каждого большой лук, у каждого на перевязи колчан. А кое у кого тяжелые палицы и длинные копья.

У всех лица измазаны сажей. Черные обводки вокруг рта и глаз, черные пятна на щеках.

Держались они смело и вели себя не слишком учтиво. Объясняться же с ними было нелегко. У них такой же язык, как на Острове Людей, на Кубе и в земле великого касика Гуаканари, но очень много в нем непонятных слов.

Один из длинноволосых охотно согласился отправиться на корабль. Большое каное бледнолицых его, конечно, озадачило, и все, что он там увидел, безмерно удивило. Но истинный воин должен сохранять хладнокровие и скрывать праздное любопытство.

Длинноволосый гость вел себя в стане пришельцев как император Карибии. Он сквозь зубы цедил слова и всем своим видом показывал, что лишь из милости удостоивает своим присутствием вождя бледнолицых.

— Золото? Этот желтый металл у нас называется туоб, и в нашей стране есть куски туоба величиной с корму этого каное. Только к чему он нам, мужчинам? Туоб — забава для женщин.

— Где мы обитаем? Куда ступила нога воина — там его земля.

— Откуда мы пришли? Оттуда. — Он указал на юго-восток и добавил: — Мы никого не боимся. У нас есть чем встретить любых гостей.

Несмотря на то, что он принял подарки — лоскутки зеленой и красной ткани и стеклянные бусы. И взамен ничего не дал.

Гордого посла переправили на берег, а затем неведомо по чьей вине у места высадки завязалась жестокая схватка; правда, карибы вскоре сменили гнев на милость и заключили мир с иноземцами.

На следующий день явился на «Нинью» их вождь, которому вручены были красивый колпак и кусок красного сукна, а день спустя в обмен на эти роскошные подарки он прислал золотую маску. Но вторично явиться на поклон не соизволил. Эти карибы не в пример прочим индейцам явно не склонны были дарить свои сердца кому бы то ни было. Они были расчетливы и прижимисты и меновой торг у борта «Ниньи» вели почти на европейский манер.

Наблюдая за действиями длинноволосых коммерсантов, адмирал вынашивал смелый замысел. Смелый и коварный...

Утром, 16 января, незадолго до того, как корабли должны были поднять паруса, адмирал вызвал в тольдию Висенте Яньеса Пинсона, Родриго де Хереса, боцмана Хуана Кинтеро, занявшего место своего коллеги Чачу, и Диего.

— Сеньоры,— сказал он.— Эта бухта — я назвал ее Заливом Стрел — наша последняя якорная стоянка на берегах Индий. Здесь, в Индиях, мы собрали всевозможные произведения природы. У нас есть образцы пряностей и злаков, мы возем разные изделия с новооткрытых островов. Захватили мы на этих островах и людей, у нас на «Нинье» их шестеро да, пожалуй, не меньше нынче и у сеньора Мартина Алонсо на «Пинте». Но в нашей коллекции, а ее мы обязаны преподнести их высочествам, нет ни одного кариба. За благо считаю коллекцию пополнить. Карибы спуют сейчас на своих каноэ у самого борта, да и на палубе их не меньше десятка. Нам надо схватить трех-четырех человек, связать их, а затем, коли это будет угодно святой троице, доставить в Кастилию.

Сделать же все это надо так: ты, Диего, заманишь к тольдии карибов, а капитан Висенте Яньес, боцман и Родриго возьмут пять-шесть матросов и захватят этих индейцев в плен.

Диего тяжело вздохнул. Ему вспомнилась охота на акулу. Да, что и говорить, рыба-прилипала гуаикан верно служит человеку. Но рыба есть рыба, она не задумывается, честна или нечестна ее работа. А тебя бледнолицые сделали гуаиканом: «Завлеки, Диего, этих карибов, а мы затянем потом сеть». Конечно, карибы не люди. Они длинноволосые, мажутся не краской, а сажей, у них немирный нрав — одним словом, душа за них не болит. Но что если завтра человеку-гуаикану прикажут заманить в силки Людей Острова, его земляков и братьев?

И вот заполоскались на ветру паруса, «Нинья» поворачивается кормой к берегу, а Диего ведет к тольдии четырех карибов. Карибы бегут за ним вприпрыжку. Как же не побежать, когда этот глупец предлагает там, у той пристройки, обменять большой нож из твердого и светлого металла на колчан со стрелами...

Колчан катится по палубе, его подхватывает боцман. Карибы лежат у самой тольдии, они связаны по рукам и ногам. Туча стрел летит на корабль, но они не в силах поразить вероломных похитителей. «Нинья» стремглав несется в открытое море. На ней теперь десять пленников.

Курс северо-восток — четверть к востоку

Великий жрец Гуаяра, наслаждаясь радостями медового месяца, давным-давно позабыл о последних уроках, данных накануне пришествия белокрылых каноэ сыну младшего брата Гуабины.

А ведь отнюдь не исключено, что именно благодаря Гуаяре адмирал покинул Эспаньолу, повел корабли единственно верным курсом. Северо-восток, четверть к востоку — N0tO. На первый взгляд очень странный курс. Ведь, следуя им, великий мореплаватель, казалось бы, должен был привести свои корабли не в Кастилию, а к берегам Ирландии.

Северо-восток? А почему не восток? Прямой, как стрела, путь от Эспаньолы к Канарским островам — именно путь восточный, тот путь, которым адмирал пришел в Новый Свет.

Однако в море-океане прямая не всегда кратчайшее расстояние между двумя точками. Течения и ветры не подчиняются эвклидовым аксиомам.

В XVI веке некоторые капитаны, покидая Антильские острова, принимали восточный курс, им казалось, что прямая дорога в Кастилию самая удобная и быстрая. Но восточные пассаты дули в нос кораблям, а пассатные течения неуклонно относили суда к западу.

Между тем, следуя к северо-востоку, мореплаватели попадали в попутную струю Гольфстрима, и паруса их кораблей надували западные и юго-западные ветры.

Колумбоведа и сейчас ведут ожесточенные споры. Одни считают, что адмирал совершенно случайно избрал курс N0tO. Другие полагают, что кое-что адмиралу было известно о ветрах и течениях в северной Атлантике. Вполне вероятно. Адмирал плавал и к берегам Англии, и, возможно, даже к Ирландии. Он почти шесть лет провел на островах Порту-Санту и Мадейре — португальских форпостах в море-океане, лежащих в скрещении главных морских дорог Атлантики.

Но ведь не только Гуаяре, но и многим его землякам было известно: если каноэ судьба относит в сторону между полночью и восходом, оно никогда не возвращается восвояси. Могучие течения и ветры увлекают его в направлении восхода.

Когда «Нинья» и «Пинта» покинули Залив Стрел, на обоих кораблях шли горячие споры. Куда идти — на восток или на северо-восток? И право же, ученик Гуаяры мог дать адмиралу весьма полезный совет. Мог и не дать. Но несомненно, сам адмирал выспрашивал и Диего, и кузена Гуаканагари Гуакагану, и пленных карибов о ветрах и течениях в водах их родных ост-

ровов. И сравнивал их сведения с знакомой картиной восточной Атлантики.

Так или иначе корабли приняли верный курс.

В январе бог Ураганов тих и благодушен. Он отдыхает после осенних оргий. В двадцатых широтах северного полушария январь и февраль — ранняя весна, ясная и теплая. Часто дуют ласковые восточные пассаты, ветры утренней свежести. Правда, кораблям, идущим из Нового Света в Старый, они не слишком выгодны. Приходится держать очень круто к этим ветрам на северо-северо-восток. Но недаром «Нинью» и «Пинту» строили лучшие корабли Андалузии. В крутой бейдевинд — курс, при котором судно идет под самым острым углом против ветра, оба корабля шли под углом в пять румбов (56°).

Разумеется, если бы пассаты держались на всем пути к Европе, крутой бейдевинд завел бы адмирала в гренландские воды. Но на тридцать второй — тридцать третьей параллели «Нинья» и «Пинта» пересекли северные рубежи полосы пассатов, вступили в пояс устойчивых западных ветров и, словно гончие псы, понеслись прямо на восток.

Диего отлично усвоил уроки дона Луиса. Он уже знал — океан широк и просторен. И все же он и представить себе не мог, как необъятна эта водная пустыня. День, два, три, десять дней, целую луну идет белокрылый корабль по морю, а ему, этому морю, этой Большой Соленой Воде, конца нет. И сегодня, и завтра глаз видит лишь зеленоватые волны и небо, которое на горизонте сливается с бескрайней океанской гладью.

Невидимые утии вонзают свои коготки в самое сердце. О Мабуя! Как же далека от Острова Людей Страна Восхода — Кастилия. Вечность отделяет ее от родной земли. Соленая и равнодушная вечность, перед ней ты — жалкая песчинка, и она несет тебя туда, откуда возврата быть не может.

Но Диего успел пройти краткий курс науки, которую бледнолицые называли географией. Его же землякам ничего неизвестно было о необъятности моря-океана. И с тихим ужасом они плыли в неведомую Страну Восхода. Большая Соленая Вода убивала их души, гасила надежды на возвращение в родные края.

Им было очень плохо. Жить невозможно, когда день и ночь тебя укачивает зыбкое море. Из-под тебя уходит деревянная корабельная земля, от тебя бежит все, что к ней не прибито намертво, злые духи выворачивают наизнанку твои внутренности, желудок извергает пищу, голова кружится и в глазах муть и туман.

«Нинья» вышла из Палоса с командой из двадцати двух человек. Команда ворчала: слишком много людей для такой скорлупки. А теперь, на обратном пути, эта посудинка вместила в себя тридцать пять живых душ. А длина ее восемнадцать, ширина девять шагов. Стало быть, на каждую душу приходится четыре с половиной квадратных шага.

Спать негде. Продавленные тощие тьюфяки достаются лишь людям, отбывшим вахту. И всего лишь на четыре часа. И как уснешь на этом ложе, если бодрствующие наступают на бороду — ведь тьюфяки валяются на самых бойких местах и обойти их нельзя. Правда, индейцам лучше: Гуаканагари, да пребудет с ним мир, подарил Сеньорадмиралу десятка полтора гамаков. Бледнолицые спать в гамаках не умеют, и поэтому этот дар великого касика достался пленникам. Но не так просто найти гамакам место, приходится их привязывать к вантам, а ванты капризны, они то натягиваются, то провисают, и гамак пляшет, словно жрец, одержимый темными духами, и норовит выбросить тебя на палубу. И тем не менее кое-как в гамаке можно выспаться.

Хуже другое: мерзкая пища бледнолицых. Иссякли запасы свежих плодов, и приходится жевать солонину, а вкусом она хуже тех веревок, из которых сплетены гамаки. Сухари — им скоро будет шесть лун — зелены от плесени. И кроме того, мало на корабле пресной воды, ее берегут как зеницу ока, а от солонины у всех лютая жажда.

Пепе и Алонсо пьют морскую воду, разбавляя ее пресной. Но прочим пленникам это соленое пойло отвратно.

Зато радуют сердце морские обычаи бледнолицых. На ранней заре юнга будит людей приятной песней:

Благословен будь свет дневной,
Благословен будь крест святой!

Все-все бледнолицые, не исключая Сеньорадмирала, становятся на колени и читают заклинание «Ave Maria». Духам Большой Соленой Воды этот утренний обряд, должно быть, очень нравится.

У бледнолицых есть очень важные земли — странного вида сосуды из прозрачного металла — ампольеты. В этих сосудах пересыпается тонкий песок из верхнего в нижний, и юнга время от времени переворачивает ампольеты. А когда он это делает, то поет чудесные песенки. Например, такую:

Пять минуло, шесть пришло.
Бог захочет, семь придет.
Ход быстрее, усердней счет.

Или такую:

Лишь в склянке кончится песок —
И время вахты минет.
Мы доплывем, хоть путь далек,
Господь нас не покинет.

Или такую:

Давайте господа молить,
Чтоб в гавань счастливо прибыть.
Защита наша — божья мать,
Нас не коснется горе, —
И нам ни смерч, ни ураган
Не страшны будут в море.

Песенку о богине бледнолицых поют в ночное время. И это хорошо: Ночь — пора Мабуи, и людям в ночные часы нужна сильная и надежная защита.

Карибы плохо переносят неволю. Один из них тяжело захворал, а знахарей у бледнолицых нет. Было у них два лекаря, да и тех Сеньорадмирал оставил в бухте Навидад. А между тем больному с каждым днем становится все хуже и хуже и есть он ничего не может.

На Острове Людей от любых болезней верное средство — целебные травы. Диего — ученик великого жреца и знахаря Гуаяры, и ему ведомы тайны многих трав. Но где найти их на Большой Соленой Воде?

От живота помогает настой из листьев курбаны, того кустарника, который Сеньорадмирал называет корицей. Сухие листья курбаны у Сеньорадмирала есть, но от них никакого проку.

Зато, как заправские моряки, переносят плавание в море-океане пернатые пленники адмирала. Четырнадцать попугаев едут в Старый Свет, и им, пожалуй, живется вольготнее, чем пленникам индейцам. У каждого просторная клетка, а кормит и поит их Родриго де Херес. Он же учит попугаев кастильскому языку, и ему удалось добиться заметных успехов.

Правда, даже Кинтеро-боцман стыдливо краснел, когда крылатый хор приступал под руководством своего регента к словесным упражнениям...

Гуаяра не раз говорил: духи тьмы и печали выходят на ловлю в дни, когда на убыль склоняется луна.

27 января (по счету бледнолицых, этот счет Диего понимает, но им не пользуется) луна была круглой, как голова Каоны. А затем по суровому небесному закону она стала уменьшаться. И в одну из ночей — по календарю бледнолицых случилось это

2 февраля — корабли вошли в воды волшебного моря. Казалось, будто за бортом цветущий зеленый луг. Мягко шуршали травы, встревоженные «Ниньей», колыхались над черной водой высокие стебли. Ночь, день и еще одну ночь шли корабли через эти морские луга, и на рассвете, в пору, когда трава стала уже редеть, духи смерти взяли больного кариба в страну Коаиваи.

Смерти бояться негоже. Придет твой час, и ты переступишь последний порог. Но в страну Коаиваи ты попадешь, если тебя туда проводят живые люди, если они, соблюдая древние обычаи, заруют в землю твой прах.

А несчастный кариб умер в море, и тело его ушло на дно.

Взяли железный брус, привязали к ногам покойника, и покойник погрузился в пучину. Страшнее нет судьбы...

Духи тьмы съели уже половину луны, и Сеньорадмирал говорит, что корабли прошли половину пути. Ветер крепчает. Стынет тело от стужи, должно быть донеслось до кораблей первое дыхание суровой страны Восхода.

Аргонавты учат Одиссея

Дон Обмани-Смерть учил индейцев благородному моряцкому делу. Никто лучше его не умел вязать узлы, сплеснивать размочаленные концы, латать паруса, драить палубу. Он был суров, этот дон Обмани-Смерть, и часто пускал в ход свою тяжелую руку. Суров, но справедлив, и пленники не обижались на крепкие затрецины.

Ученики его делали успехи. Особенно Санчо и Пако. Им шутя давалось хитрое искусство дона Обмани-Смерть, и скупой на похвалы наставник как-то сказал:

— Не пройдет и месяца, как эти красноногие обставят любого боцмана.

Высокому искусству письма, чтения и счета учили только Диего, кузена «короля» Гуаканагари Гуакагану и кариба Бехечо. Сперва занятия вел сам Сеньорадмирал, но за недосугом он передал бразды Педро Желтоголовому.

Желтоголовый постиг грамоту в доме своего отца, благородного кавалера Доминго Сальседо. Отец владел ею не ахти как, но каким-то образом у него оказалась песня о подвигах славного рыцаря Сиды-воителя. С этой книгой Педро не расставался никогда, и по ней он стал учить кастильской грамоте Диего, Гуакагану и Бехечо.

Вязать тройные морские узлы было стократ легче, чем овладевать искусством грамоты,

Можно изобразить на бумаге любой осязаемый предмет. Допустим, мачту, парус, сухарь, колокольчик. Они, эти мачты и колокольчики, существуют, ты их видишь, ты их можешь ощупать, твои глаза и пальцы помогают узнать свойства этих предметов и перенести их образ на белую бумагу. Но как передать на ней, на этой бумаге, звуки человеческой речи? Неуловимые, зыбкие, текущие. И ведь произносят эти звуки по-разному: Желтоголовый говорит не так, как дон Обмани-Смерть, а резкое двойное «рр» у Сеньорадмирала вовсе не «рр», а «гх» или «кх». И как получается, что эти непохожие друг на друга звуки сливаются воедино и образуют слова? Как они могут сливаться? Слово — это вещь, слово зримо и осязаемо. Мачта — это слово, парус — тоже слово, колокольчик — опять же слово. И проще простого привязать эти слова к бумаге, стоит только нарисовать мачту или парус, или колокольчик. Так нет же, Желтоголовый ловит не эти слова-вещи, а призраки звуков. Ловит и привязывает их диковинными значками.

Абстрактное и конкретное. Снова пропасть в сто поколений, но сегодня Диего легче понять учителя, чем две луны назад. А Бехечо уже уловил тайный смысл кастильской грамоты, вчера у него звуки-значки сами собой слились в слово-вещь.

Гуакагане чтение дается труднее, чем Бехечо и Диего, но зато он с удовольствием выводит на бумаге значки-буквы. Диего не может держать в руках перо, которым колдуют бледнолицые, макая его в черную жижу. Перо вырывается у него из рук, оно бунтует, и силой его обуздать никак не удастся. А Желтоголовому это перо покорно, и в его ловких пальцах оно само летает по бумаге.

Связка желтой бумаги в твердой коже называется книгой. Желтоголовый, перелистывая ее, читает песню о великом касике Сиде. Песня занимательная, но не все в ней понятно. Должно быть, эти мавры, с которыми сражался Сид, похожи на длинноволосых, но длинноволосые скверны тем, что не дают покоя мирным людям, а в песне покой возмущают не мавры, а Сид и его друзья и за это Сиды хвалят. Странно.

Ну а истинную радость доставляют занятия с Сеньорпералонсо. Прежде Диего думал, что Сеньорпералонсо жрец, которому подчиняются земли бледнолицых — Компас и сосуд с песком. Но оказывается, что Сеньорпералонсо не жрец, а эти земли совсем не земли. По песку в амполъетах отсчитывается время, а Компас указывает, где полночная сторона. В Компасе сидит железная игла, и она всегда показывает только в сторону полночи. Теперь понятно, как бледнолицые посреди Большой Соленой Воды находят дорогу на восход или на закат.

Конечно, тут не все чисто. Игла, несомненно, волшебная. В этом Диего убедился на опыте. Он взял плошку, налил в нее воды и пустил по воде деревяшку с большой иглой. Иглу Диего выпросил у дона Обмани-Смерть. И эта игла плясала в разные стороны и не желала смотреть в полночную сторону. Сеньорпералонсо сказал:

— Дурачок, ведь ты взял обыкновенную иглу, а в Компасе игла магнитная.

Стало быть, догадки Диего справедливы. На полночь указывает лишь волшебная игла, в которой живет великий дух Магнит.

Сеньорпералонсо очень толково объяснил, какие звезды путеводны, как по высоте солнца можно узнать, где плывет корабль. Диего узнал, что такое широта, и уяснил, какие земли лежат ближе, а какие дальше от студеной макушки земного шара.

Все это хитро, но довольно просто, хотя многого Диего так и не понял. Сеньорпералонсо долго толковал ему, как можно наперед узнать, куда придет та или другая звезда и когда луна закроет солнце. Оказывается, это очень важно для мореплавателей, но почему, Диего толком не уразумел. Сеньорпералонсо на него за это не обиделся.

— Не огорчайся, брат,— утешил он Диего.— Я и сам не сразу постиг эту премудрость. Коли нам с тобой еще придется поплавать, ты мало-помалу всему научишься и станешь таким же кормчим, как я.

Что-то не верится...

Ну а пока Сеньорпералонсо доверил Диего перевертывать ампольеты. И заставил его выучить все заклинания, которые при этом читают.

Весельчак Родриго де Херес учит всех пленников очень важному делу. Он объясняет, какие боги у бледнолицых самые могучие, а какие послабее. Тут тоже пока не все понятно. И совсем неясно, почему бледнолицые твердят, что бог един, когда оказывается, что у бога сын тоже бог, почему мать божьего сына не богиня, хотя ей поклоняются как самому Иисусхристу.

А Большая Соленая Вода спокойна, как Озеро Духов в тихий весенний день. Никто не знает, что далеко на севере сгущаются грозные тучи, никто не подозревает, что вскоре аргонавтам станет не до уроков кастильской грамоты, морского дела и богословия.

Черный гнев

*Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
По морю так беззащитное судно носили
Ветры.*

Одиссея

Что именно произошло в Атлантике лютой зимой 1493 года, трудно узнать спустя 481 год. Но в летописи того времени эта зима вошла как сезон великих бедствий.

Студеные арктические ветры прорвались на юг, обморозили лимонные рощи Севильи, в Генуе и Марселе корабли впаялись во льды, через пролив Каттегат шведские волки посуху перебегали в Данию.

Сотни кораблей потерпели крушение в водах Средиземного моря и Атлантики. Семь недель не могли из-за жестоких штормов прорваться в Лиссабон суда из соседних портов.

И надо полагать, что центр грандиозного циклона как раз в те дни, когда адмирал приближался к Азорским островам, сместился из исландских широт к этому архипелагу.

На рубежах арктического и тропического фронта ветры вступили в жестокую схватку, они закружились в дьявольском хороводе и развели на море чудовищное волнение.

Случилось это в день святого Валентина — 14 февраля.

«...Волны были ужасны. Они сталкивались друг с другом и сотрясали корабль, который не мог ни продвинуться вперед, ни вырваться на свободу. А столкнувшись, разбивались о корпус корабля».

Паруса сорвало. «Нинья» кружилась в бешеном водовороте под одним-единственным парусом — зарифленным гротом, но и этот лоскут надежды ветер рвал в клочья. Волны перекачивались через палубу, штурмовали кормовую и носовую надстройки.

Адмирал стоял у руля. Никому он не мог доверить кормило. Малейшая опасность, и судно развернет лагом к волне, а если это, не дай господь, случится, тогда — конец: в одно мгновение «Нинья» опрокинется, и никто не узнает, что путь в «Индию» открыт.

Не узнает потому, что, может быть, «Пинты» уже нет на свете. Либо ветры угнали ее неведомо куда, либо Мартин Алонсо вторично бросил адмирала, желая его упредить на пути в Кастилию.

И на Острове Людей, и на Эспаньоле в осеннюю пору бьют ураганы неистовой ярости. Обезумевшие ветры выдергивают столетние сейбы с корнем, ураган срывает кровли канеев и бохио и с лютой злобой швыряет их оземь.

Но одно дело, когда ты обеими ногами стоишь на незыблемой земле, когда ты можешь укрыться от гнева Мабуьи за стенами канея, в расщелине ближайшей горы или на худой конец припасть к земле и вцепиться в нее всеми десятью пальцами, и совсем иное дело, когда ураган застает тебя на Большой Соленой Воде. Палуба уходит из-под ног, и сердитые волны тащат тебя к борту, отрывая от веревок, которые Кинтеробоцман велел еще утром натянуть между мачтами.

Огромная волна поднялась выше мачт и с грохотом обрушилась на «Нинью». Корабль стал на колени, корма взметнулась вверх, люди, как горошины, покатались к носовой надстройке.

На камбесе взбесилась большая бочка с водой: она сорвалась с привязи и пустилась в пляс, сшибая на своем пути все живое и мертвое.

— Эй, красноногие, за мной к тольдиле!

Дон Обмани-Смерть, схватив обломок рей, бросился к бочке, и ему на помощь кинулась вся индейская команда. Бочка увернулась, сделала ловкий пируэт и притиснула Гуакагану к стенке тольдилы. Обмани-Смерть подпер плясунью реем и накинул на нее крепкую петлю.

— Эй, красноногие, а вы молодцы! Поймали-таки! А парня отнесите в тольдилю. Недельки две ему узлов не вязать, но мы ему мигом вправим плечо. Вывих и помята нога.

Спасибо бочке! Она «взбесилась» кстати, как раз, когда мужество покинуло пленников. Маленькая победа у тольдилы вселила в их души надежду. Бледнолицые приуныли, их тоже грызет страх, ведь они такие же смертные создания, как и Люди Островов. Но надо отдать им должное, держатся они прекрасно, только лица у всех осунулись и губы шепчут слова молитв.

Быть может, смерть можно обмануть? Кто сильнее — Мабуя или Сеньорадмирал? Великий вождь бледен, как пена морских волн, но он спокоен. Он не только великий вождь, он избранник бледнолицых богов, и после того как он дал им твердые зарок, духи Большой Соленой Воды должны ему поклониться. А зарок эти вот какие:

«Адмирал приказал выбрать по жребию человека, который исполнил бы обет, и совершил бы паломничество к святой Марии Гвадалупской, и

поставил бы перед образом ее свечу весом в пять фунтов, а для этого он распорядился принести столько горошин, сколько людей было на корабле. На одной из горошин он ножом пометил знак креста, а затем взял колпак, высыпал в него все горошины и тщательно их перетряхнул. Адмирал первый вложил руку в колпак и первый вытянул горошину с крестом, и таким образом, жребий пал на него, и отныне считал он себя в паломничестве и должником данного обета.

Снова брошен был жребий, дабы отправить второго паломника к святой Марии Лоретской в храм ее, что в городе Анконе, в папской земле. Жребий пал на одного матроса из Пуэрто-де-Санта-Мария, а звали его Педро де Вилья, и адмирал обещал снарядить его в паломничество за свой кошт.

Еще одного паломника решил адмирал отправить в храм святой Клары Могерской, дабы там отстоял он всенощную и заказал благодарственную мессу. Снова метили жребий по горошинам, и выпал он адмиралу, ибо ему опять досталась горошина, помеченная крестом.

А затем адмирал и все прочие люди соборне дали обет по прибытии на первую же землю в одних рубищах пойти в храм, посвященный нашей владычице.

И помимо этих общих обетов каждый принял свой собственный обет, ибо никто не думал, что удастся избежать ему гибели в час этой страшной бури».

Очень трудно понять бледнолицых, но ясно одно: давая свои зарок, они поступали так же, как и обитатели Гуанахани и Кискейи-Эспаньола. Когда беснуется ураган, жрецы обещают духам ветров всяческие дары и приносят им щедрые жертвы.

Сеньорадмирал уже после того, как даны были обеты Великой матери бога Иисусхриста, принес Большой Соленой Воде жертву. Он вложил в порожний бочонок лист сухой кожи — она называется пергаментом — и на ней записал, в каких землях был. Эту кожу обернули в промасленную тряпку, а бочонок залили смолой и бросили в море.

И удивительное дело: сразу же стих ветер, и дул он теперь прямо в корму, так что «Нинья» резво понеслась в сторону восхода.

А Желтоголовый сказал:

— На всем белом свете нет людей мудрее нашего адмирала. Это правда. Только он, Сеньорадмирал, мог смирить черный гнев Мабуи. И хотя «Нинья» пострадала от бури, жертв на ней не было. Если не считать четырех попугаев, чьи клетки волна смыла за борт.

Диего открывает Старый Свет

В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.

Скорбью объятый, сказал он великому сердцу:

«Горе мне! Что претерпеть мне назначило небо!»

Одиссея

Дон Луис, да пребудут с ним в краю великого касика Гуака-нагари светлые духи, не раз говорил Диего, что сторона Восхода велика, и что в ней много разных стран, и в каждой стране свой язык.

И Диего думал, что страна Кастилия со всеми христианскими странами пребывает в вечной дружбе.

Но на поверку оказалось, что дон Луис не все сказал своему ученику. Во всяком случае португальские и кастильские христиане жили друг с другом примерно в таком же мире, как акулы с макрелью или ястребы с ласточками.

Первая христианская земля в стороне Восхода остров Санта-Мария была землей португальской. И ее касик вероломно напал на Сеньорадмирала и захватил в плен десять и пять матросов. Правда, этот касик отпустил затем пленников и не стал задерживать «Нинью», но Сеньорадмирал был в большом гневе и очень ругал португальских христиан.

Моряки в один голос утверждали, что теперь, когда Азорские острова позади, даже бури не так уж страшны. До Кастилии оставалось всего каких-нибудь десять дней, и этот путь был проведен еще отцами нынешних кормчих.

Однако Мабуйя не дремал. 26 февраля снова разразилась буря. Она свирепствовала пять дней и пять ночей и относила «Нинью» на северо-восток, совсем не туда, куда ей нужно было идти. 2 марта небо прояснилось, ветер стих, и адмирал повел корабль к юго-востоку. Коварству стихий нет предела. Внезапно налетел яростный шквал, он в клочья разорвал все паруса, а затем шквал перешел в бурю.

Бог сохранил «Нинью», но привел ее в львиное логово. На рассвете 4 марта она вошла в устье реки Тэжу и отдала якорь в гавани Риштеллу, у самых ворот Лиссабона.

Король Жуан Второй Португальский отлично знал, куда в августе прошлого года отправился адмирал. И с адмиралом у него были особые счеты. Восемь лет назад он отклонил проект генуэзского мореплавателя, его советники высмеяли этого чужеземца и его нелепые замыслы.

Западный путь в Индии? Как бы не так! Кому нужен журавль в небе, когда синица уже в руках. Шаг за шагом, мила

за милей португальцы приближались к Индии, прокладывая к ней морской путь вокруг африканского материка. Правда, тогда, в 1485 году, они еще не дошли до его южной оконечности, но в Лиссабоне знали: скоро, очень скоро португальские корабли обогнут ее и вступят в Индийский океан. И действительно, три года спустя капитан Бартоломеу Диаш обогнул Африку. Ее самый южный выступ он назвал мысом Бурь, но Жуан Второй переименовал мыс Бурь в мыс Доброй Надежды. Король был убежден: путь в Индию открыт, стоит лишь пересечь море к востоку от Доброй Надежды, и португальцы окажутся в гаванях Малабара.

Жуана Второго не слишком взволновала весть об отбытии из Палоса трех Колумбовых кораблей. Западный путь в Индию, опасный, непроездной и долгий, принесет, пожалуй, горькое разочарование королям Кастилии и Арагона. Впрочем, на всякий случай Жуан Второй приказал своему азорскому губернатору подстеречь генуэзца в пору, когда он, потерпев неудачу в Атлантике, будет возвращаться в Кастилию.

Губернатор упустил адмирала моря-океана, но зато сама судьба привела его корабль в устье Тэжу.

У Португалии с Кастилией мир. Худой мир, который лучше доброй ссоры. Король Жуан Второй отменный дипломат и стратег. Если ему выгодно будет нарушить мир, он его нарушит: он может задержать адмирала, может бросить его в сырые подземелья замка Сан-Жоржи, дабы овладеть всеми тайнами «Ниньи».

Но в день 4 марта 1493 года король еще не знает, открыл ли генуэзец Индии. Король три недели назад покинул столицу. Он находился в монастыре Марии Благостной неподалеку от Лиссабона.

Однако к нему уже послан курьер. С письмом от генуэзца и с кратким донесением капитана Бартоломеу Диаша. Да, в гавани Риштеллу «Нинья» отдала якорь у борта огромного корабля, которым командовал герой мыса Бурь. И Диаш крайне непочтительно обошелся с адмиралом, спор двух великих мореплавателей едва не привел к стычке.

От монастыря Марии Благостной до Лиссабона тридцать миль. Тридцать и тридцать — шестьдесят. Следовательно, ответ от короля придет на третий день. И до поры до времени кастильские гости ждут в Риштеллу высочайших указаний.

Плывут в небе сизые тучи, моросит холодный дождь, покачиваются на свинцовых водах широкой, как море, реки сотни больших и малых кораблей. «Нинья» кажется жалкой скор-

лупкой в сравнении с огромными «науш-ридондуш» — кораблями гвинейских флотилий короля Жуана Второго. Рядом — генуэзские тартаны, венецианские караки, парусники из ганзейских городов, Антверпена, Лондона, Плимута, Дьеппа, боевые королевские галеры, каравеллы азорских флотилий, гребные фусты из Сетубала и Синиша, рыбацьи суденышки с берегов Бейры и Алгарви.

Вдоль правого берега реки сплошной чередой тянутся склады: дощатые, каменные, бревенчатые, с узкими оконцами-амбразурами, забранными железными решетками, и вовсе слепые. На причалах, на тесных набережных, на складских дворах и задворках горы ящиков, пирамиды винных бочек, бунты тугих мешков с мукой, горохом, рисом, сахаром, перцем, штабеля досок, завалы всяческого корабельного добра — парусины, пакли, скобяного и канатного припаса, смоляных бочек, мачтового леса.

Этот деловой берег, грязный, исхлестанный дождем, открытый гнилым мартовским ветрам, кишит народом. Двух десятков языков вобрала в себя набережная городка Риштеллу. Тут и немцы, и шведы, и фламандцы, и каталонцы, и французы, и англичане, и венецианцы, и корфиоты, и силийцы; и люди из гиперборейских стран — Норвегии, Дании, Швеции; тут и поляки из Гданьска и Щецина; тут и мавры из Сеуты, Танжера, Орана и Туниса, и турки из Стамбула и Смирны.

Вот, лавируя среди корабельной мелюзги, протискивается к причалу невольничье судно, только что пришедшее из гвинейской гавани Сан-Жоржи-да-Мина. По шатким мосткам гонят на берег партию негров. Черные рабы — живые скелеты, скованные попарно звонкими цепями, — сходят на набережную, и над ними свистит хлесткий бич.

О Мабуя! Ведь не верилось, когда дон Луис говорил, что есть на земле люди, у которых кожа чернее черной ночи!

Смотри, Гуакагана: как странно вот та черная женщина несет младенца. А! Понятно: младенец-то мертв. И у той, что идет позади, тоже на руках мертвое тельце. За что же такая мука этим черным людям?

А на корме боцман Кинтеро, глядя, как выгружают негров, говорит матросам: да, худо приходится этим неграм. Но и португальцам я не позавидую.хлопотно возить из Гвинеи рабов да и накладно. Судите сами: в пути добрая половина невольников гибнет. А мертвые негры — это же чистый убыток.

Обмани-Смерть не согласен с боцманом. Какой уж там убыток! В восемьдесят седьмом году я ходил с португальцами

в Сенегал и как на духу скажу: барыши у этих сеньоров немалые. Затратят дукат, а выручают, небось, дукатов семь-восемь.

Много это или мало? Ни Диего, ни Гуакагана не знают, что такое семьсот или восемьсот процентов чистой прибыли. И совсем не о прибылях и убытках они думают, глядя, как надсмотрщики отнимают у женщин мертвых младенцев и швыряют тела в воду.

Тосклив и страшен этот берег, эта первая земля в стороне Восхода.

От Риштеллу до Лиссабона мили полторы. Чуть выше по реке, на том же правом берегу, лежит это седьмое чудо христианской Европы. Париж, Прага, Венеция, Генуя, Лондон, Севилья — шесть чудо-городов, и седьмой ничуть им не уступает.

Даже в эти дни небывало холодного и сырого марта Лиссабон был прекрасен. После грязного и суетливого Риштеллу Лиссабон показался изумленным пленникам сказочным видением. Высоко в небесах парил замок Сан-Жоржи, рукотворный утес, венчающий дворцовый холм Коллину-ду-Кастеллу. В туманной дымке чернели зубчатые башни замка, они рвались к облакам, эти каменные стражи Лиссабона, но их прочно сковали могучие обводы древних стен. Под замком на крутых уступах гнездились дворцы магнатов, там и здесь вонзались в хмурое небо острые шпили церквей и часовен. Чуть пониже лепились друг к другу узкоплечие дома с высокими крышами из красной, зеленой, желтой и голубой черепицы.

Еще ниже широкие бедра дворцового холма охватывал пояс густых садов.

От подножия Коллину-ду-Кастеллу во все стороны шлейфом расходился нижний город — россыпь белых и золотисто-желтых домов и домишек, вкривь и вкось прорезанная извилистыми ходами проулков и тупиков.

Нижний город спускался к реке, но от нее он отгородился кварталами складов, верфей и мастерских. Этот лиссабонский Подол оглушал иноземца рабочим гулом: ухали молоты, визжали пилы, стучали бондарные колотушки. На всех перекрестках чадили жаровни, в узких проходах, в подворотнях, на пяточках тесных площадей шла бойкая торговля печеными каштанами, жареной рыбой, фруктами, орехами, липкими сладостями, над которыми кружились тучи весенних мух. На переброшенных через щели улиц веревках сохло белье. Голова кружилась от запахов рыбы, лука, чеснока, а часто в

пору было и вовсе зажать нос: в булыжных руслах струилась, сбегая в Тэжу, зловонная жижа.

Нижний Лиссабон был родным братом Риштеллу, он никого восхитить не мог, но зато верхний город подавлял своим грозным величием.

Здесь все изумляло Диего: и мощные стены домов, должно быть воздвигнутые великанами, и глубокие рвы с подъемными мостами, и бохио великого португальского касика. Эти каменные бохио были выше самых высоких сейб, и вели в них чудо-двери из литой меди, а в огромных окнах сверкали пластины из гладкого стекла.

Окна шли рядами, один ряд над другим, и внутри бохио ряд соединялся с рядом широчайшими лестницами из скользкого белого камня. А в каждом бохио было по крайней мере десять раз по десять зал — высоких горниц со стенами из того же камня. Впрочем, в некоторых залах этот камень был не белым, а красным и зеленым, а кое-где стены были покрыты тканью, а на ней резвились диковинные звери и вели бои бледнолицые воины в железных рубашках.

Ноги ступали по мягким коврам, а глаза разбегались, глядя на белокаменные изваяния, — их тут было великое множество.

Еще в Риштеллу Диего увидел необыкновенных зверей. Больше всего его потрясли лошади. Так назывались огромные четвероногие твари с густыми волосами на шее. Вид у них был грозный, но вели себя они на удивление смирно. Чудо из чудес: бледнолицые ездили на лошадиных спинах и привязывали лошадей к своим повозкам — ящикам на круглых деревяшках.

А кошки, которых не раз поминал дон Луис, оказались на редкость милыми особами. Любо глядеть было на их ушастые головки, и очень уж ловко они выпускали и прятали свои острые коготки.

По пути на корабль Диего думал обо всем, что он увидел за последние два дня. И сердце его разрывалось от жгучей тоски по Острову Людей. По родной земле, где не было ни черных рабов, ни безумной суеты лиссабонских гаваней, ни высоких бохио со стенами из скользкого камня.

Король Жуан Второй 6 марта получил письма из Лиссабона. Они огорчили его и привели в замешательство. Генуэзец явился в Лиссабон, его видели там не только подданные короля Жуана, но и сотни иноземцев. Несомненно, уже вчера о визите генуэзца донес Высокой Сеньории венецианский посол, безусловно тайные агенты уже отправили королеве кастиль-

ской сообщение о прибытии в Португалию этого неожиданного гостя.

А коли так, то во избежание серьезных дипломатических осложнений не следует прибегать к крутым мерам; генуэзца надо вызвать в монастырь Марии Благостной и выведать, что же он, собственно, открыл, плавая западным путем. Ну а затем сделать все возможное, чтобы плоды этих открытий достались не Изабелле Кастильской и Фердинанду Арагонскому, а португальской короне.

Король любезно пригласил адмирала моря-океана в свою временную резиденцию. Королевское приглашение — это приказ. И адмирал принял решение — ехать.

Диего обучает географии короля Португальского

Отвратительная страна... Холодно, от стужи зуб на зуб не попадает. Дождь идет не переставая, и это не благодатный, теплый ливень Острова Людей, а мерзкая небесная мокрота, от которой киснет душа.

Грязная, вконец разбитая дорога извивается среди черных полей и голых перелесков, вползает на невысокие холмы, на холмах чахлая трава. Деревья (они ничуть не похожи на родные сейбы, гуаканы и гуанабаны) тяжело больны. Должно быть, по причине неизлечимого недуга они такие плешивые и такие облезлые — листьев у них нет. Правда, кое-где попадаются сосны, и тогда вспоминаются Куба и Эспаньола, там сосны не редкость.

Не раз встречались стада странных зверей — тонконогих, с густой курчавой шерстью. Называются эти звери овцами.

Дорога проходит через большие селения. Бохио в этих селениях из грязной глины, крыши из очень жесткого и тонкого тростника — соломы. В каждом селении обязательно дом богов, он самый большой и красивый, и на нем большой крест.

Ночевали в очень большом селении, название ему Сокавен. Там бохио каменные, такие же как в Лиссабоне, но пониже ростом. Люди в этой стране изъясняются на странном языке, и хоть похож он на кастильский язык, но понять их невозможно. Речь у них гулкая и в то же время невнятная. Плоха была ранняя весна в 1493 году, морозы держались в Португалии до середины марта и в довершение всех бед дожди шли беспрестанно со дня волхвов до самого благовещения — с 6 января до 25 марта. А ведь в обычные годы поистине райской кажется португальская земля с зеленеющими нивами,

цветущими садами и лучшими в христианском мире виноградниками...

Ехал к королю адмирал, и сопровождала его большая свита. Дюжина знатных португальских кавалеров гарцевала на гнедых, караковых и буланных конях, но сам адмирал, Пералонсо Ниньо и пятеро моряков с «Ниньи» предпочли лошадям мулов. И трем индейцам — Диего, Пако и Алонсо дали мулов, однако эти упрямые создания их тут же с себя сбросили: пришлось посадить индейцев в открытый возок покойного королевского сына. С ними ехали два попугая — адмирал вез их в дар королю Жуану.

Угрюм монастырь Марии Благостной, а еще угрюмее был его высочайший постоялец король Жуан. В субботу, 9 марта, в день приезда гостей, король долго беседовал с адмиралом. Это была не очень теплая встреча. Адмирал нелегко забывал старые обиды и дал понять королю, что Португалия много потеряла, отклонив в свое время его, адмирала, проект. Не часто королю доводилось слышать столь дерзкие речи, а короли не любят, когда их открыто порицают. Галеры, рудники, быть может, даже петля нередко доставались в удел не в меру дерзким подданным короля Жуана. Но адмирал не состоял в португальском подданстве, и король, ничем не проявляя своих истинных чувств, выслушал дерзкого гостя и назначил ему на завтра торжественную аудиенцию.

Адмирал готовился к ней с раннего утра. Ему отвели трапезную — полутемное сводчатое подземелье; похоже оно было не на зал для торжественных приемов, а на застенок. Весьма возможно, что в не столь давние времена здесь работали мастера заплочных дел. Блоки, ввинченные в свод, и железные кольца с легким налетом ржавчины настолько примелькались, что никому в этой трапезной не портили аппетита.

Спутники адмирала сколотили невысокий помост, на нем адмирал разместил дары Индий: золотые палочки и пластинки, мешок из-под сухарей с золотым песком, образцы разных заморских растений и изделий и две клетки с попугаями. К счастью для знатных дам, пернатые ученики Родриго де Хереса молчали, их утомила дорожная тряска.

Главные экспонаты — Диего, Пако и Алонсо мерзли в дальнем углу застенка-трапезной, и само пребывание в этом сыром погребе было для них такой же пыткой, как дыба и испанский сапожок для жертв монастырского правосудия.

Часов в десять утра явился король, а с ним и вся его свита — кавалеры и дамы в церемониальных уборах.

Диего, Пако и Алонсо по сигналу адмирала взошли на помост. Они чихали и кашляли — сказались и поездка к Марии Благодной, и ночь, проведенная под монастырскими сводами.

А сейчас беднякам и вовсе было плохо. Ведь адмирал велел им раздеться, он разрешил им оставить лишь набедренные повязки...

Расчет адмирала оправдался. Португальцев нельзя удивить золотыми безделушками и жалкой кучкой золотого песка. Из Сенегала, Гвинеи и Анголы капитаны короля Жуана привозили золотой песок бочками, оттуда же доставляли они слоновую кость, драгоценные камни, красное дерево, плоды из тропических лесов Черного материка.

Иное дело индейцы. Ни на островах Зеленого Мыса, ни на берегах Африки не было людей с кожей цвета бронзы, и, конечно, голые пленники адмирала похожи были скорее на жителей Индии, чем на гвинейских негров.

Король потрепал индейцев по плечу, заглянул им в рот.

— Сеньоры, — сказал он. — Эти люди меня удивляют. Смотрите: кожа у них золотистая, волосы прямые. Венецианец Марко Поло встречал таких людей в индийских землях, но в Гвинее таких нет.

«Так, отлично, наконец-то ты, о Жуан неверующий, убедился, что гемуэзец, чьи советы ты с презрением отверг, нашел новый путь в Индии. Путь, который тебе заказан, ибо он уже стал кастильской дорогой в Азию». И эту речь без слов адмирал закончил совсем на иной лад:

— Истинная правда, ваше высочество. Люди, которых я привез с дальних островов, рождены под солнцем Индии. Жаль, непонятен их язык, но за три с лишним месяца они научились говорить по-кастильски.

— Вот как? — обрадовался король. — В таком случае я постараюсь с ними столковаться.

Король взял с помоста горсть индейских орешков и рассыпал их перед Пако.

— Гляди, — сказал король, — я положил здесь дюжины две этих орехов. Представь себе, что перед тобой острова, откуда тебя привезли, и разложи их так, как будто это не орехи, а земли, где живут такие же люди, как ты.

Пако понимал по-кастильски, когда с ним объяснялись медленно, но этот тощий касик с узкой и длинной бородой сыпал словами ужасно быстро, и, кроме того, он говорил невнятно — на свой, а не на кастильский манер.

— Я его не понимаю, — прошептал он Диего.

Король с досадой передернул плечами.

— Эти дикари скудны разумом, толку от них никакого.

Диего вышел вперед, стал на колени и в определенном порядке разместил на помосте все орешки.

— У нас много островов,— произнес он, глядя в лицо королю.— И на них живут люди разумом не скудные. Вот мой остров, вот острова, что лежат от него в сторону полночи, а вот эти острова расположены ближе к полудню.

Король закусил губу, чело его нахмурилось, но внезапно он весело рассмеялся.

— Благодарю тебя за урок, который ты мне дал. В географии ты сильнее короля Португальского.

И снова ухабистая дорога, но на этот раз она ведет не к Марии Благостной, в львиное логово Жуана Второго, а в Лиссабон. Возок с индейцами тащится по грязи, он подскакивает на выбоинах, кренится из стороны в сторону, как корабль в сильную бурю, но на душе у Диего легко. Он дал урок касику касиков португальского королевства. И за это получил награду: длинный суконный плащ, подбитый темным и очень теплым мехом.

Плащ широк, его хватает на обоих спутников Диего, их уже не терзает стужа.

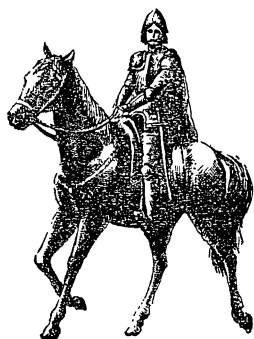
Завтра Сеньорадмирал выходит в море. До Кастилии пути три дня.

Далеко от Итаки (Испанские скитания)

*Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнобъятном
Острове заперт, жизнью он иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших.*

Одиссея

В воротах Кастилии

Сорок морских ворот ведут в страну Кастилию. Широких и узких, распахнутых настежь и почти наглухо закрытых. Ворот бискайских, астурийских, галисийских, андалузских...

Прекрасен кантабрийский Неаполь — Сан-Себастьян, чарует глаз белокаменный Кадис. Но не очень лестное мнение о Кастилии остается у чужеземца, который вступает в Кастилию через ее палосские ворота.

Реки-сестры Одьель и Рио-Тинто, слив в низовьях свои воды, прорываются к морю через низкие песчаные гряды. По краям этих гряд унылые дюны, голые или в струпьях чертополоха.

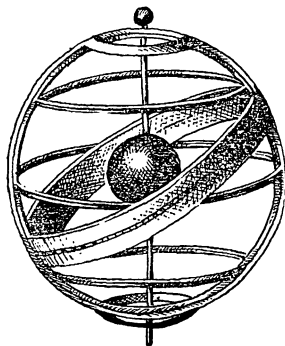
Места здесь скудные, и пусть уныла эта палосская земля, однако у тех, кто родился на берегах Одьеля и Рио-Тинто, от запахов вереска, прелой травы и влажного песка замирают сердца.

— Гляди-ка, Обмани-Смерть, не мыс ли это Умбрия? Ну да, этот утиный нос ни с чем не спутаешь! Кто у руля? Сеньорпералонсо? Прекрасно! Уж он-то проведет судно в Рио-Тинто с закрытыми глазами. Молодец, взял влево, теперь отмель Сальтес нам не страшна!

Все столпились на носу, корма безлюдна, все смотрят вперед, никто не оглядывается назад. Только у Педро Желтоголового голова вертится во все стороны, любопытен он, как сорока.

— «Пинта»! Смотрите, «Пинта» идет за нами!

Право же, спятил на радостях этот юнец. Откуда «Пинте» взяться, если потерялась она в азорских водах и не было ее в Лиссабоне? Все давно отмолились за упокой двадцати шести утоп-

ленников, и адмирал простил покойному Мартину Алонсо его грехи.

«Пинта»? Да, и вправду, это она! В полумиле от «Ниньи» за ее кормой идет корабль Мартина Алонсо. На левом берегу показался монастырь Рабида, от него до Палоса ровно три мили.

Палос! Двести двадцать пять дней назад адмирал вышел из этой гавани и взял курс на земли Индий. Девяносто безумцев покинуло кастильские берега, чтобы найти гибель в море-океане. Отцы, матери, жены, братья и сестры палосских моряков Колумбовой флотилии молили господа о чуде. И чудо свершилось. К дощатому причалу подходит «Нинья», за ней следует «Пинта».

Но еще до того как «Пинта» подошла к причалу, Мартин Алонсо Пинсон приказал спустить на воду лодку и незаметно пристал к берегу. И через несколько дней он умер¹. И никто не узнает, какие тайны он открыл на исповеди, каким образом объяснил, почему дважды бросил адмирала.

Пленники-индейцы сошли на кастильскую землю. Девять выходцев из Нового Света, сбившись в кучку, стояли на палосской пристани и с тоской глядели в сторону заката. Стояли у ворот Кастилии, на чужой земле Чужого Света.

Севильский триумф

31 марта 1493 года адмирал выехал в Севилью. Его сопровождали двенадцать спутников: шесть белых христиан и шесть индейцев-язычников.

Девять пленников привез адмирал в Палос, и трое из них — два кариба и смертельно больной Санчо — остались в этом городе. В Барселону, ко двору их высочеств, взяты были Диего, Гуакагана, кариб Бехечо, Пако, Пепе и Алонсо. Накануне в Триане, заречном пригороде Севильи, адмирал утвердил порядок процессии.

«Король» Гуаканагари загодя обеспечил адмиральский кортеж необходимым реквизитом. Все шесть индейцев получили золотые маски-гуаясы и великолепные пояса-себы. Пришлось слегка ощипать попугаев и украсить головы пленников пышными перьями. А для своих пернатых любимцев Обмани-

¹ Умер 20 марта 1493 года, через пять дней после прибытия в Палос. Увы, неизвестна судьба индейских пленников Мартина Алонсо Пинсона. Во всяком случае ни один из них не вернулся на родину.

Смерть раздобыл в Триане прекрасные клетки. Осталось только восемь попугаев, скитания по морям и землям даром и для них не прошли. Вид у них был унылый.

Адмирал, возглавляя процессию, ехал на белом коне. На нем были алый плащ и алая шляпа со страусовыми перьями. Индейцы в масках и в полном праздничном уборе шли вслед за адмиралом, а за ними следовали носильщики с птичьими клетками.

Прекрасна весенняя Севилья, царица кастильских городов. Цвели, роняя нежные лепестки, лимонные, гранатовые, вишневые деревья, цвели яблони и каштаны, цвели весенние розы, и по живому ковру из цветов по узким севильским улицам шла адмиральская процессия к кафедральному собору.

Лукавые обманщицы, эти улицы. Неказисты они с виду: ряды белых стен с окнами-щелями, а то и вовсе без окон, но переступи порог любого дома, и ты уже не в Кастилии, а в Дамаске или в Бухаре.

Двести сорок пять лет назад король Фердинанд III Кастильский штурмом взял Севилью, но ни ему, ни его преемникам так и не удалось вытравить вольный дух мавританских жизнелюбцев.

Как и встарь, в жемчужной пыли фонтанов дремлют севильские патио — внутренние дворики, серебристые ручейки орошают прелестные клумбы и бормочут в канавках, выложенных зелеными, лазурными и золотистыми изразцами.

Упорно трудились завоеватели, разрушая мавританские мечети и перестраивая их в христианские храмы. Но побежденная Севилья завоевала завоевателей. Кастильские зодчие и каменщики вольно или невольно поддавались очарованию басурманского Аль-Андалуса. И смягчались суровые лики церквей и часовен, в строгий канон врывались багдадские мотивы, и дух мавританской Испании оживал в стрельчатых арках, затейливом орнаменте монастырского фасада и в легких витых колоннах церковных галерей.

Обаянию Севильи вряд ли, однако, в этот день поддались шестеро пленников-индейцев.

В те времена, когда Севилья была столицей Бетики, одной из испанских провинций Рима, в Вечном городе нередко устраивались триумфальные шествия. Не по своей воле участвовали в них пленники, взятые с бою на берегах Рейна, Дуная и Евфрата. Они шли в цепях за колесницей триумфатора, шли опустив головы, не глядя на дворцы и храмы Рима, ненавидя и презирая падкую до зрелищ римскую чернь.

А для римского народа эти косматые галлы, британцы или парфяне были варварами, обреченными на подъяремное существование.

Севильский народ не испытывал столь великодержавных эмоций. Но он считал адмиральских пленников дикарями и язычниками и тешил себя редким зрелищем, куда более занятным, чем пляски уличных скоморохов.

А идти было трудно. День выдался жарким, пленники в своих тяжелых масках обливались потом, да к тому же прорезы в масках все время съезжали на нос и передвигаться приходилось вслепую.

Но шли они, как подобает идти великим вождям — высоко подняв голову, распрямив плечи, и толпе эти гордые пленники невольно внушали уважение.

Закончилось наконец шествие, в соборе отслужили торжественную мессу, к ней заморские нехристи допущены не были.

Адмирал отправился в свою временную резиденцию — в картезианский монастырь Марии Пещерной, на трианскую сторону. Индейцев и попугаев поместили в пустующем доме у Иконных ворот, в приходе святого Николая.

У входа в этот дом собралась кучка любопытных. И среди них восемнадцатилетний студент из Саламанки Бартоломе Лас-Касас, которому вскоре суждено было стать летописцем века открытий и конкисты, а также великим защитником народов Нового Света...

Дон Андрес знакомится с Диего

В понедельник, 1 апреля, в день Марии Египетской, к адмиралу пришел желанный гость. Это был священник из селенья Лос-Паласиос, лежащего милях в сорока от Севильи на кадисской дороге. Обыкновенный сельский священник дон Андрес Бернальдес. Во всяком случае по виду он ничем не отличался от всех прочих священников севильской епархии. Был он дороден, слегка лысоват, ходил в рясе из грубого толедского сукна. Волосы его заметно тронула седина.

И все же это был не совсем обыкновенный священник. Сидя в глуши, дон Андрес изо дня в день вел хронику всех замечательных событий. Событий, которые происходили не только в его приходе и даже не только в его епархии.

Опытный лекарь без труда определит признаки чумы, проказы и оспы, но не в его силах спасти пациента от смертельного недуга.

Дон Андрес был великим диагностом, но исцелить свою страну от болезней, более опасных, чем чума и проказа, он не мог. Кое-где на него давно уже посматривали косо, и он скрывал и тайл свои наблюдения и свои труды.

Кастилия велика и бездорожна, а негласная деятельность дона Андреса требовала постоянных передвижений. Пусть даже не из Лос-Паласиос в Бургос или Корунью, до которых было добрых семьсот миль. Но хотя бы в Севилью или Кордову.

Доходы сельского священника невелики, особенно если он, радея о благе своей паствы, не стрижет ее догола. Да и, кроме того, быстрые кони положены по церковным правилам лишь епископам.

Поэтому дон Андрес пускался в ближние и дальние путешествия на не очень молодом, но не по летам резвом муле. Он был упрям, но с годами все охотнее и охотнее шел на уступки своему хозяину.

Когда в прошлом году до Лос-Паласиос дошли вести о Колумбовой экспедиции, дон Андрес поспешил в Палос и там познакомился с адмиралом моря-океана. И так искренне и горячо он желал адмиралу успеха, что совершенно покори́л генуэзского странника.

Теперь адмирал пригласил дона Андреса в Севилью. Адмирал знал: многие в Кастилии, оказывая ему помощь, действуют по расчету, а дон Андрес всегда бескорыстен. И если он порой и докучал адмиралу, выпрашивая его о малейших подробностях подготовки экспедиции, то лишь потому, что желал донести до потомства историю плавания, в счастливый исход которого он свято верил.

Мул сердито топтался у монастырской стены. Прошло три часа, а в торбе, которую ему повесили на шею, уже давно кончился овес.

Хозяин и не думал расставаться с адмиралом. На узких желтых листках хативской бумаги записывал он речи великого странника.

— Ну, кажется, все.— Адмирал кончил и, перебирая четки, погрузился в свои думы.

— Все ли, ваша милость? А индейцы? Что будет с ними дальше?

— Индейцы? Вы, дон Андрес, говорите о моих пленниках? В судьбе их я не волен. Решаю не я, а их высочества. Ну, а как бы вы поступили на моем месте?

— Никак, сеньор адмирал.

— Не понимаю.

— Я вернулся бы в Кастилию без пленников.

— Каюсь, дон Андрес, там, в Индиях, не раз я думал — стоит ли привозить этих индейцев в Кастилию, но я всегда преодолевал подобные сомнения. Провидение указало христианскому миру путь к новым землям, и мы, христиане, должны ими овладеть. Для этого нам понадобятся толмачи и проводники, и они должны быть из индейских земель. А у меня они уже есть.

— У вас ли, сеньор адмирал? Сдается мне, что не у вас, а у их высочеств. А это не одно и то же. Впрочем, неисповедимы помыслы государей наших...

Дон Андрес тяжело вздохнул и сказал:

— Явилась у меня, сеньор адмирал, благая мысль. Ваши индейцы к кастильским порядкам непривычны, и, как знать, не пойдет ли у них голова кругом от всего, что доведется им увидеть в нашей стране. Так не лучше ли было бы объяснить им христианские обычаи. Вам и без того дела много, а я мог бы на досуге кое в чем наставить этих людей. Отпустите их со мной. С месяц побудут индейцы в Лос-Паласиос, и за это время я постараюсь их кое-чему обучить к вящей их пользе.

Адмирал призадумался.

— Что и говорить, мысль эта и в самом деле благая, — сказал он. — Но их высочества приказали мне доставить индейцев в Барселону, и дня через три я туда отправлюсь. Стало быть, сейчас я никак не могу отпустить с вами этих нехристей. Но месяца через полтора-два я, пожалуй, их отдам вам на некоторое время.

— *Rex vobiscum*¹, сеньор адмирал, — проговорил дон Андрес. — Воля их высочеств — закон, но я напому вам об индейцах, когда вы вернетесь из Барселоны. Дозвольте же мне поглядеть на них.

Обмани-Смерть, принимая священника, по привычке схватился за пуговицу. Хоть уважал он дона Андреса, а все равно от дурного глаза пуговица отлично помогает.

— Эти нехристи, ваше преподобие, — напутствовал он дона Андреса, — народ славный. Только мерзляки они страшные. Так что глоток-другой доброго хереса им не повредит. Кстати, не грех был бы, если ваше преподобие пожаловали бы пинту этого зелья и мне, их хранителю...

Бедная пуговица! И так на одной ниточке держится, а тут, на тебе, еще одну духовную особу нечистый несет в дом у Икон-

¹ Мир вам (латин.).

ных ворот. Обмани-Смерть неохотно открыл дверь, гость, оттолкнув его плечом, ворвался в дом. На госте была замызганная сутана, перехваченная широким кожаным поясом, за поясом торчала великолепная толедская дага (кинжал у священника — неслыханное это дело!), а обут он был в солдатские сапоги, подбитые звонкими подковками. Шляпа же сидела у него на затылке, как боевой шлем на подгулявшем коннике.

— Ты, что ли, хозяин этого зверинца? — пролаял гость.

— Кого имею честь принимать в доме адмирала моря-океана? — сухо спросил Обмани-Смерть.

— Заруби на своем красном носу, сеньор питух, — отрезал священник, — что адмирал твой здесь такой же хозяин, как король польский. Я — архидиакон кафедрального собора Фонсека. Дон Хуан де Фонсека. Вижу, вижу, тебе, пропойце, это имя ровно ничего не говорит. Ладно. Скоро ты узнаешь меня покороче. Где твои филистимляне? Показывай их да поворачивайся поживее, тюлень. Что? Разрешение адмирала? Знать я не хочу никаких адмиралов! Гляди!

Архидиакон отвернул полу сутаны, запустил руку в кошель, подвязанный к ремешку, на котором держались штаны, и достал свернутую в трубочку грамоту.

«Сим предписывается всем, кто с нижеизложенным ознакомится... оказывать содействие... и препон отнюдь не чинить... архидиакону... Хуану де Фонсеке, к сему вверяется для пользы службы нашей... заморских дел подготовка... Я, Королева. Я, Король... дня года тысяча четыреста девяносто третьего от воплощения Господа нашего Иисуса Христа Искупителя».

— Ясно тебе, увалень? Препон отнюдь не чинить! Ну, долго я буду ждать? Давай сюда своих нехристей! Тьфу, сморчки какие-то. В чем только душа у них держится.

Гость бесцеремонно ощупал руки и ноги пленников, заглянул им в рот и пересчитал зубы.

— Тридцать два! Совсем как у нас! Ну и хлипкие они людишки, эти язычники. Впрочем, ежели торговать ими оптом, то... Однако не твоего ума это дело. На!

Он сунул прямо в губы своего собеседника руку.

— Целуй, целуй, не мне, а сану моему воздаешь должное. Не провожай. Сам найду дорогу.

И архидиакон исчез, как бес при первом крике петуха. Исчез, чтобы во благовремении появиться снова. Очень любопытным деятелем был этот дон Хуан де Фонсека, архидиакон севильского собора. В Кастилии множество соборов, в каждом свой архидиакон. Но из всех соборных архидиаконов только на долю дона Хуана де Фонсеки выпал счастливый жребий —

быть главой ведомства заморских предприятий кастильской короны.

От севильского собора два шага до Калье-де-лос-Сьерпес — Змеиной улицы, где жили богатейшие банкиры и купцы андалузской столицы.

Король севильской биржи флорентиец Хуаното Берарди как-то сказал:

— Ее высочество превзошла самого Христа, а дон Хуан де Фонсека превзошел нашу королеву. Сын божий в Канне Галилейской обратил воду в вино, королева же обратила диакона в банкира, а диакон обращает воздух в деньги. Устами месера Хуаното говорила сама истина.

Ее высочество была негласной компаньонкой банкиров Змеиной улицы, а ее наперсником стал архидиакон дон Хуан де Фонсека. У него был тончайший нюх на выгодные сделки, он знал, когда и при каких обстоятельствах надо скупить или спустить с рук хлеб из королевских амбаров, вино из погребов ее высочества.

Королеве нужны деньги? Пятьдесят миллионов мараведи? Деньги будут сегодня к вечеру. И Змеиная улица по просьбе дона Хуана развязывает кошельки, открывает кубышки. Не из любви к нему. Змеиная улица никого не любит. Но ей по душе девиз архибанкира... простите, архидиакона Фонсеки: *do ut des* — даю, чтобы ты дал.

Королеве нужны корабли? Двадцать каравелл для перевозки войск? Десять гребных судов для зерна и муки? От собора до гавани рукой подать, а в гавани у судовладельцев и капитанов дон Хуан свой человек. И здесь формула *do ut des* отворяет все двери.

Он был бескорыстным корыстолюбцем, этот дон Хуан де Фонсека. Себя он не обогащал. Довольствовался малым, взяток не брал. Но ведь извлечение денег из воздуха — занятие необычайно азартное и услаждающее душу.

У ее высочества было немало верных рыцарей, подобных дону Хуану. Рыцарей не рыцарских кровей. Судьи, правители канцелярий, сборщики податей, палачи служили ей верой и правдой, их она пестовала и лелеяла...

Адмирал, выслушав донесение Родриго о визите странного гостя, лишь пожал плечами. Не знал он, что скоро, очень скоро придется ему на узкой дорожке встретиться с доном Хуаном де Фонсекой, главой ведомства заморских предприятий их высочеств.

Барселонская идиллия

Путь в Барселону лежал через Кордову, Мурсию, Валенсию и Таррагону. За Мурсией река Сегура стерегла рубежи королевства Арагонского. Стеречь, правда, было нечего. Кастилия состояла с Арагоном в законном браке. Брачный союз почти четверть века назад заключили Изабелла и Фердинанд, и уния эта оказалась весьма прочной.

Но так или иначе дорога пересекала два королевства. И она проходила через самые цветущие их земли, а кортеж великого адмирала передвигался по ней в самое цветущее время года. Ведь недаром с апрельской Испанией сравнивал адмирал райские берега Эспаньолы.

И снова чужая страна. И снова города, люди, лошади, собаки, кошки, ослы, мулы, оливковые рощи, ветряные мельницы, сады, поля, горы, морские берега. И снова толпы зрителей. Слух о проезде адмирала возбудил десять провинций обоих королевств. Из дальних селений, из городов, лежащих за тридевять земель от барселонской дороги, потянулись в Кордову, Мурсию, Валенсию, Таррагону тысячи любопытных. Плотными шпалерами стояли люди вдоль улиц, и в каждом городишке на всем семисотпятидесятимильном пути повторялись картины торжественного маскарада.

Адмирал на белом коне, индейцы в золотых масках, попугаи... Всем пленникам больше всего на свете хотелось забиться в какой-либо тихий уголок, сбросить с себя маскарадные одежды и погрузиться в сон.

Ведь спать приходилось урывками на шумных постоянных дворах, и только одному Пако снились берега Острова Людей. Остальные пленники даже во сне видели оружие толпы бледнолицых зевак, церковные шпили, лошадиные хвосты и бесконечные ленты испанских дорог.

Барселона. Все путалось, сливалось, переплеталось в глазах измученных индейцев. Стены невероятной толщины, башни, и над городом каменная голова горы Монтжуич. Узкие улицы, они уже, чем в Севилье, и толпа здесь другая. Меньше криков, меньше шума, лица хмурые, плечи квадратные, береты наведены на лоб. Каталония. Серьезная страна и серьезные люди.

Их высочества — серьезные высочества. И у королевы, и у короля ум ясный, и оба они знают, как наилучшим образом поступать в любом случае. Королева (короля вообще не очень заботили кастильские заморские дела) не слишком надеялась на успех этого заморского предприятия. Но затея адмирала

оправдалась. Разумеется, его сообщения нужно проверить, но если он и в самом деле нашел путь в новые земли на пороге Индий, то прежде всего следует подумать, как поскорее прибрать к рукам и этот путь, и эти Индии.

Адмирал... Надлежит его встретить с почетом, воздать ему по заслугам. Утвердить адмиральский и вице-королевский титул и поскорее послать на запад, в новообретенные страны. Этот генуэзец околдован собственными замыслами, он доверчив, он благоговеет перед ее высочеством.

Королева умна, она обаятельна. Очаровать милостивой улыбкой, пленить сладкоречием, внушить пламенные надежды такому человеку, как этот лигуриец, — дело нехитрое.

Церемония приема намечена и утверждена. Открытая эстрада. Три кресла и один табурет. Кресла для их высочеств и для наследного принца дона Хуана. Табурет для адмирала. Милость неслыханная, невероятная. В присутствии их высочеств сидеть дозволено только принцам крови и грандам из самых родовитых фамилий.

Слезы признательности в начале приема, возможно и ближе к концу. Наготове держать соборный хор, прием завершится мощным *Te deum laudamus*.

Все продумано до последней мелочи. Указано, где стоять индейцам: справа от эстрады, на нижних ее ступеньках.

Королева прозорлива. Эта эстрада, этот табурет, эти слезы, этот благодарственный гимн очаруют не только простодушного лигурийца...

А шестеро пленников стояли у королевской эстрады. Стояли в золотых масках-гуаясах, чресла их были опоясаны роскошными себами из реквизита «короля» Гуаканагари, головы украшены разноцветными перьями, и эти живые образцы несметных сокровищ Нового Света покорно ждали, когда же наконец окончится утомительная церемония и великие касики Кастилии и Арагона прикажут своим старейшинам и своим жрецам разойтись по домам.

Итак, первый акт барселонской идиллии был разыгран блистательно.

Барселонская проза

Осушив слезы умиления, их высочества приступили к делу. Уже не на открытой эстраде, а во дворце арагонских королей Изабелла и Фердинанд приняли адмирала.

Сколько островов и каких? Много ли на них жителей? Их вооружение? Где и какие залежи золота? Как его добывают?

Как очищают и плавят? На какое количество золота можно рассчитывать на Кубе? На Эспаньоле? На малых островах? Выносливы ли индейцы? Легко ли будет вывозить их в Кастилию? Сколько нужно войска, чтобы удержать их в покорности?

Вопросы сыпались на адмирала, как горох из прохудившегося мешка. Порой их высочества ставили адмирала в тупик. Откуда, например, ему знать, какова должна быть цена на севильском рынке за индейца при оптовой продаже? Или сколько индейцев можно за один рейс перевезти из Эспаньолы в Кастилию при наименьших затратах?

Правда, король — а именно он задавал эти вопросы — обычно сам же на них и отвечал. Он знал, сколько стоят рабы на лиссабонском и севильском рынках и сколько невольников грузят работоторговцы в трюмы каравелл на гвинейских берегах. Смущало его другое: дешевле или дороже негров окажутся краснокожие нехристи и не слишком ли велика будет убыль индейского поголовья при перевозке через открытое море.

Королева была гуманна. Как истинная христианка, она любила ближних, как самое себя. И она сказала:

— Я думаю, король моего сердца, что нам, католическим государям, следует прежде всего позаботиться о спасении душ этих язычников. Отныне они наши подданные и вассалы, и, чтобы ввести их в лоно святой веры и утвердить их в ней, мы должны направить в Индии достойных и сведущих людей. А расчеты — это суета сует. — И, обращаясь к адмиралу, она добавила: — Мы решили послать вас снова к этим островам и дать вам уже не три, а пятнадцать — двадцать кораблей. И чтобы снять бремя забот с ваших плеч, сочли мы за благо вверить снаряжение экспедиции дону Хуану де Фонсеке, севильскому архидиакону. Он муж богобоязненный, и у него в подобных делах немалый опыт...

Королева была тактична. Только после ухода адмирала она позволила себе мягко пожурить короля:

— Мой друг, вы, как всегда, обратили внимание на самое важное: конечно, нам прежде всего нужно подсчитать грядущие доходы с новых земель. Но право же, нет смысла посвящать адмирала в некоторые наши замыслы. До поры до времени лучше держать его в неведении, такие люди отлично таскают каштаны из огня, не замечая ожогов. Мне кажется, он не понял, что мы уже впрягли его в колесницу архидиакона Фонсеки...

Барселонская мистерия

Христофор — Несущий Христа — такое имя дали адмиралу моря-океана при святом крещении в 1451 году. Быть может, и не знал легенды о святом Христофоре шерстящик Доминико Коломбо, отец адмирала. Зато адмиралу она была ведома. Жил на берегу широкой реки старый паромщик. И однажды услышал во сне небесный глас: «Человече! Выйди и перенеси меня через реку». Старик выбежал из хижины и увидел на берегу младенца. Он посадил младенца на плечи, вступил в бурные воды и перенес его через реку. Дитя оказалось неимоверно тяжелым, и паромщик спросил: «Почему так трудно мне было нести тебя?» Тот же ответил:

«Весь мир земной ты перенес на своих плечах, ибо я его творец и создатель. Поставь свой посох у порога, а наутро он покроется дивными цветами в награду за твой подвиг. И помни, отныне твое имя Христофор — Несущий Христа».

В Барселоне радостные встречи с королевой навели адмирала на мысль, что душа паромщика Христофора переселилась в его телесную оболочку. Он в этом утвердился, когда ее высочество сказала: «Христа-младенца вы перенесли через море-океан, ибо ныне, обрета эти языческие земли, я не пощажу сил, чтобы ввести в лоно истинной веры народы, лишенные евангельского света».

И он ответил королеве: «Посох мой зацветет, если крестной матерью моих пленников будет ваше высочество».

Крестить шестерых индейцев? Что ж, отличная мысль. Королева от нее пришла в совершенный восторг. Она любила христианские мистерии, недаром же отец-папа Александр VI даровал ей и ее супругу титул католических королей. Даровал за такие мистерии, как победа над гранадскими маврами и очищение испанских земель от иноверцев и врагов христианской веры.

Королева решила: обряд святого крещения назначить на первый день троицы. Королева приказала: подготовить индейцев-язычников к таинству крещения. Заняться этим примасу Кастилии архиепископу толедскому дону Педро де Мендосе. Королева объяснила: восприемниками будут она сама, его высочество король Фердинанд и наследный принц дон Хуан.

После тяжелого похода в Барселону пленники наслаждались покоем и отдыхом. Кормили их прекрасно. Оказывается, в странах Восхода есть плоды, отменные на вкус: яблоки, сливы, груши, гранаты, абрикосы, дыни. Есть и плоды похуже —

огурцы и капуста. Порой приятно отведать и звериное мясо. Пышущее жаром, только что снятое с огня мясо — прелесть, но от него очень болит живот. А вот к красной и желтой воде, от которой шумит в голове и цепенеют ноги, пристрастия у пленников нет. Один только Гуакагана пьет ее и днем и ночью, и от этого у него все время ум заходит за разум.

Королева дозволила им спать в гамаках. Это хорошо. Королева не велела их тревожить без нужды. Это прекрасно. Ведь первые дни отбою не было от любопытных, причем особенно назойливо вели себя женщины.

Странно. На Острове Людей и на Эспаньоле женщины очень скромны и никогда не теснят локтями своих мужей и отцов на всевозможных церемониях. Кроме того, непонятно, почему на них столько тряпок. Возможно, им приходится скрывать какие-то недостатки, хотя Обмани-Смерть, когда это предположение высказал Бехечо, долго над ним смеялся.

В королевстве Арагонском было немало чудес. Пленникам показали удивительных зверей. Мохнатых, огромных, неуклюжих, с когтистыми лапами, и эти звери (называются они медведями) ходят и на четырех, и на двух ногах. Возможно, что это даже не звери, а дикие люди, одержимые Мабуйей. Уж больно они свирепы. Держат их в клетках близ большого дома великих касиков.

А в саду великих касиков бродят красивые звери с человеческими глазами, печальными и добрыми. На голове у них ветвистые сучья. Это олени.

Здесьний большой бохио поменьше лиссабонского, но всяческих диковинок в нем тьма-тьмуцая. Чего стоят одни зеркала — плоские камни во всю стену, в них ты отражаешься, как на тихой глади Озера Духов. Или очаги-камины, которые целиком пожирают большие деревья. Или картины из мелких камешков, они тоже во всю стену. Или светильники, в которых горят сразу великое множество белых и желтых свечей, а отблески пляшут на полах, выложенных красным, зеленым и белым камнем.

Блеск двора их высочеств приводил пленников в изумление. А между тем послы королей Англии и Франции, Венецианской Сеньории и императора Максимилиана твердили в своих донесениях, что Изабелла и Фердинанд государи скаредные, что двор их убог, что сами они трижды перелицовывают свои одежды и наводят экономию даже на корме для собак.

Он и постоянной резиденции не имел, этот двор; он кочевал по стране к вящей выгоде королевской четы, ибо издержки на содержание государей-скитальцев принимали на себя те города

и селения, где на неделю или на месяц останавливался царственный табор.

Но зато у их высочеств войска было больше, чем у Карла VIII Французского и Генриха VII Английского. Зато ни одна страна Европы не имела такой армии инквизиторов, доносчиков и соглядатаев, как Кастилия и Арагон. Зато укреплялись в этих королевствах основы единодержавия и единоверия.

Довелось однажды Диего в свите адмирала посетить барселонский морской арсенал. Близ арсенала Диего попал в квартал портовой голытьбы. Грязь, теснота, зловоние этих мест потрясли Диего. «Как же так? — думал он. — Ведь не только великие касики Кастилии и Арагона, но и все их приближенные живут в просторных бохио, едят на золоте и серебре, а рядом, в двух шагах от этих светлых и чистых палат, люди, бледнолицые люди вповалку лежат на гнилой соломе и гибнут от голода».

На Острове Людей не все живут одинаково. У Гуабины три жены и очень большой бохио, у безродного набории одна жена и маленький каней, но и великий касик Гуабина, и чужак-набория спят в гамаках из волокна кабуи, едят макрель и кассаву, пьют отстоявшийся сок юкки и рыхлят землю острыми коа. Правда, нет у них ни ковров, ни зеркал, ни сосудов из прозрачного камня-стекла. Однако в хижинах барселонского предместья только одна солома, да и та прелая.

Настал день троицы, и в Сео, барселонском кафедральном соборе, всех шестерых пленников торжественно ввели в лоно истинной веры.

Диего дали еще одно имя (бледнолицые ужасно любят имена, и чтобы их было много). Отныне он был уже не просто Диего, а Диего Колон, и он этим гордился, потому что Сеньорадмирала звали доном Кристобалем Колоном.

Гуакагана стал Фердинандом Арагонским, тезкой его высочества короля, а Бехечо — Хуаном Кастильским. Бехечо очень полюбил принц Хуан, и их высочества подарили этого индейца своему наследнику. Пако, Пепе и Алонсо были также удостоены святого крещения, но у них так и осталось по одному имени.

А королева сказала: «Теперь я ваша сестра во Христе». Она очень ласково улыбалась всем новокрещеным братьям, но сердито нахмурилась, когда увалень Пако задел ее плечом. Сестра во Христе... Боязно быть братом такой сестры.

А на следующий день Сеньорадмирал сказал:

«Радуйтесь, мои друзья: всех вас я беру с собой в новое

путешествие. Не пройдет и трех месяцев, как мы отправимся на Эспаньолу». А затем он слегка замялся и добавил:

— Бехечо, впрочем он теперь уже не Бехечо, а дон Хуан, остается с его высочеством принцем Хуаном.

Бехечо-Хуана никто не спрашивал, желает ли он остаться. Крещеной собственности вопросов не задают, и мнения своего иметь она не может.

Принцу нужна была живая игрушка, и он ее получил.

Историк Овьедо весной 1493 года жил в Барселоне, он присутствовал на церемонии крещения шестерых индейцев адмирала, а затем не раз встречался с Бехечо-Хуаном и о дальнейшей судьбе его писал:

«Этого дона Хуана Кастильского пожелал иметь принц, и дон Хуана оставили при дворе наследника и содержали его очень хорошо, и относились к нему, как будто он был сыном знатного кавалера, и его очень любили. И приказали наставлять и обучать его нашей святой вере, и препоручили его заботам майордома наследного принца сеньора Патиньо. Мне довелось этого индейца видеть, и он сносно говорил по-кастильски, а два года спустя умер».

Попугаи умерли раньше. С ними тоже обращались хорошо, их тоже очень любили.

Без попугаев и без Бехечо-Хуана адмирал с пятью пленниками отбыл из Барселоны и направился в Севилью, где дон Хуан де Фонсека снаряжал большую флотилию. Флотилию, которая должна была отправиться к берегам новооткрытых Индий.

Жаркое лето в Севилье

Сухой ветер свистел в лимонных рощах, и от его горячего дыхания жухли травы, свертывались в трубочки молодые листья, желтели луга. Небо выцветало от зноя, солнце всходило в багровой дымке и в час заката скрывалось в мутном мареве. Пахло гарью, полынной горечью, вихрилась по дорогам желтая пыль, сухими струпами покрывалась истомленная духотой андалузская земля.

Июнь выдался на диво жарким, такого июня старожилы не знали со времен короля Хуана, ушедшего в лучший мир сорок лет назад, и во всех храмах божьих добрые христиане молили бога о дождях, но ни единой тучки не объявлялось на горизонте, и жгучие африканские ветры дули день и ночь уже третью неделю.

В день святого Варнавы, 11 июня, дон Андрес спозаранку собрался в дальний путь. До Лос-Паласиос дошла благая весть — адмирал прибыл в Севилью, и дон Андрес поспешил в андалузскую столицу.

Мул то и дело сворачивал с дороги, норовя то там, то здесь отхватить клочок пыльной травы на обочине, и однажды предпринял попытку сбросить дона Андреса. Правда, попытка эта была робкая, и мул, поднявшись на дыбы, немедленно подчинился властной руке дона Андреса.

— *Dulce est desipere in loco* — приятно вовремя подураться, — сказал дон Андрес, отпуская узду. — Надеюсь, что ты теперь образумился, мой дружок. Поверь, мне и самому страсть как не хочется колесить в такую жару по андалузским дорогам. Но адмирал возвратился из Барселоны, и нам необходимо повидать его.

Primo ¹, потому, что следует узнать все барселонские новости, secundo ², в силу того, что сеньор адмирал во мне нуждается в такой же мере, как и я в нем, и tertio ³, я убежден, что наши друзья-индейцы вернулись в Севилью, а стало быть, весьма возможно, что адмирал их отпустит в деревеньку Лос-Паласиос.

Мул, угрюмо пофыркивая, слушал эти назидательные речи и понуро шагал по пыльной и разъезженной дороге. Несмотря на адскую жару, движение на ней довольно оживленное. В Утрере и Гуадайре на постоянных дворах полным-полно было путников, причем многие из них странствовали по казенной надобности. Дону Андресу не составило труда выяснить, что эти люди едут из Кадиса или в Кадис по делам его преподобия дона Хуана де Фонсеки, главы ведомства заморских дел. Узнал он, что в Кадисе готовится огромная флотилия, которая вскоре должна выйти к берегам новооткрытых Индий, и что адмирал не сегодня-завтра отбудет из Севильи в этот порт, чтобы принять уже готовые к плаванию корабли.

У Трианских ворот дон Андрес повстречал пажа адмирала Педро Сальседо.

Педро Желтоголовый всегда сопутствовал адмиралу, и дон Андрес от бойкого пажа узнал, что его другу был оказан в Барселоне отличный прием. Узнал он, что сам архиепископ толедский окрестил шестерых индейцев.

Уже смеркалось, когда дон Андрес и его спутник подъехали к монастырю Марии Пещерной, где, как и прежде, остановился адмирал. Ворота гостеприимно распахнулись, и монас-

¹ Во-первых (латин.).

² Во-вторых (латин.).

³ В-третьих (латин.).

тырский служба проводил мула в конюшню, а Педро, поддерживая дона Андреса за локоть, помог ему одолеть крутую лестницу, которая вела в адмиральские покои.

— Святая троица вняла моим молитвам! — воскликнул адмирал при виде дона Андреса. — Именно вас я хотел видеть здесь, и именно с вами мне нужно держать совет. Но прежде всего я расскажу вам о моем барселонском триумфе: воистину сама пресвятая дева открыла мне путь к сердцам их высочеств.

И адмирал поведал дону Андресу о торжественном приеме в Барселоне и о великих милостях, оказанных ему королевой и королем.

— Все это безмерно меня радует, — сказал он в заключение, — однако нынче тревожные предвестия смущают мою душу. Барселона приняла меня прекрасно, но здесь, в Севилье, я снова, как в былые времена, чувствую себя пасынком Кастилии.

— Догадываюсь, что вас тревожит, сеньор адмирал. И хоть духовной особе негоже биться об заклад, но готов я поставить звонкий дукат против старой подковы мула, что более всего вам досаждают один хитроумный архидиакон. Не так ли?

— Вы имеете в виду, дон Андрес, архидиакона Фонсеку?

— Да, именно его, сеньор адмирал.

— Гм... право же, не знаю. Дон Хуан де Фонсека принял меня как родного брата и усладил мой слух очень красивой речью. Он сравнил меня с Энеем, Геродотом, Ксенофонтом, но, признаться, я многого в этой речи не понял: говорил он сразу на четырех языках и больше по-гречески, чем на христианских наречиях. И еще он сказал, что здесь хозяин я и что мое слово закон.

— *Timeo danaos et dona ferentes*¹, сеньор адмирал. Это очень дурной признак. Когда архидиакон переходит на язык Гомера, жди беды. Но я вас прервал. Что же случилось после вашей встречи с доном Хуаном?

— Я убедился, что последний юнга обладает здесь, в гавани, где снаряжается моя флотилия, большими правами, чем ее командир. Корабли приобретают без моего ведома и все дела решают контролеры и писари, которые насмеются надо мной, хотя и не забывают при этом кланяться мне в пояс.

— *Homo proponit, sed regina disponit* — человек предполагает, а королева располагает, — прошептал дон Андрес.

«Ее высочество, — подумал он, — великая государыня. Львица, истинная львица, а уж ежели львицам что-либо попа-

¹ Боюсь данайцев и дары приносящих.

дает в когти, пиши пропало, делиться добычей они не станут ни с кем».

— Вы что-то сказали, дон Андрес? Мне слышалось, что вы упомянули о ее высочестве? На нее, и только на нее я нынче уповаю. Не сомневаюсь, что, наградив меня титулом вице-короля Индий, она в прах повергнет тех, кто с этим титулом не желает считаться.

Дон Андрес тяжело вздохнул. И, вздыхая, пожалел, что эту беседу ему приходится вести не с мулом, от которого нет нужды скрывать сокровенные мысли, а с вице-королем Индий. Индий, которые отныне принадлежат не вице-королю, а ее высочеству.

— Нет, нет, сеньор адмирал, о королеве я не говорил ни слова.

«Увы,— сказал он про себя,— даже добрым пастырям приходится быть понтиями пилатами. Умывать руки — занятие не слишком достойное, но куда опаснее открывать глаза слепцам».

— Вы, сеньор адмирал, просили моего совета. Поверьте мне, я охотно его дал бы вам, но пока мне многое неясно. Дозвольте мне осмотреться, узнать, что здесь происходит, кое с кем потолковать, а уж затем высказать вам свое мнение. Хочу, кстати, напомнить вам — в пасхальные дни вы обещали отпустить в Лос-Паласиос нескольких индейцев. Могу ли я неделики на три взять их с собой?

— С вами, дон Андрес, я отпущу их с радостью. Тем более что, уезжая из Барселоны, я получил на это дозволение от ее высочества.

— Вот как! Это весьма существенно. При случае не премину сослаться на разрешение королевы. Да хранит вас Христос, сеньор адмирал, и да пребудет над вами господняя благодать.

И вот мул подъезжает к дому у Иконных ворот, и снова дон Андреса встречает настоятель этой индейской обители Обмани-Смерть.

Но увы, только один Диего смог принять приглашение дон Андреса. Все остальные индейцы были больны: не прошла им даром прогулка в Барселону.

— Утром мы отправимся в Лос-Паласиос,— сказал дон Андрес Диего.— Оно, конечно, лучше было бы выехать на заре, по холодку, но у меня в Севилье есть кое-какие неотложные дела. Думаю, что управлюсь я с ними скоро. Приободрись, сын мой Диего. Слышал я, что скоро адмирал выйдет в море, стало быть к концу года ты вернешься в свои Индии.

Коротки июньские ночи, и здесь, в Кастилии, они совсем не такие, как на Острове Людей. Дует от полудня сухой и жаркий ветер, в каменном бохио душно, не хватает воздуха, нечем дышать в этой постылой Севилье, да и духи сна бегут от тебя, их гонят прочь тревожные мысли.

Снова предстоит долгий путь через Большую Соленую Воду, снова Мабуяя сделает все, что от него зависит, чтобы вытрясти из тебя душу, снова надо будет терпеть невыносимую качку, пить тухлую воду, снова бог Ураган будет срывать паруса, ломать мачты и швырять корабль в зеленые бездны...

Ночной зной нелегко переносить, когда тебе пошел пятый десяток: одолевает одышка, тело покрывается потом, жаркая тьма душит тебя и сна нет ни в одном глазу. Дон Андрес перекачивался с боку на бок по смятой простыне и в голове, отяжелевшей от бессонницы, ползли думы об архидиаконе Фонсеке, адмиральных индейцах и непутевых прихожанах сеньица Лос-Паласиос.

А мул дремал, стоя над кормушкой. Дремал, беспокойно переступая с ноги на ногу; бока его лоснились от пота, чесалась искусанная оводами спина, и грезились ему зеленые луга на берегах тихого Марона...

Золотая башня

В 1220 году, в те времена, когда Севилья была еще мавританским городом, ее правитель построил на берегу Гвадалквивира могучую башню. Похожа она была на шахматную ладью. Ладью с зубцами, но ладьи обычно бывают круглые, а эта башня родилась на свет двенадцатиугольной.

Стены ее мавританские умельцы выложили изразцами цвета осенних листьев, и сооружение это севильцы прозвали Золотой башней.

Сто с лишним лет спустя кастильский король Педро Жестокый сделал Золотую башню своей сокровищницей. Но эта каменная кубышка была так велика, что остались в ней свободные помещения. Педро Жестокый, как о том свидетельствует его кличка, был скор на расправу и нуждался в надежных тюрьмах. И он приказал занять пустующие камеры башни под узилище для особо опасных врагов кастильской короны.

Ему не удалось вместить в Золотую башню всех своих недругов. Враги в конце концов одолели жестокого короля, после чего Золотая башня перешла в ведение севильского арсенала.

Эта бывшая тюрьма-сокровищница совершенно заслуженно считалась самым мрачным зданием Севильи. Естественно, что дон Хуан де Фонсека облюбовал ее в качестве своей резиденции.

Впрочем, стояла она на удобном месте: рядом находились главные склады, от нее было рукой подать до пристани, и, не выходя из башни, дон Хуан обзирал и прослушивал всю севильскую гавань.

Каземат дона Хуана, тесный, темный и сырой, заключал в себе изъеденный червецом стол, два-три пустых бочонка, с успехом заменявшие и стулья, и кресла, полки, сбитые из корабельных досок, и невысокий эшафот, на котором отдыхал глава ведомства заморских дел в редкие часы досуга.

Дон Андрес явился к архидиакону в десятом часу утра, когда глава заморского ведомства уже успел принять первых посетителей. Дон Хуан де Фонсека, оседлав пустой бочонок и навалившись грудью на стол, делал быстрые записи в толстой книге. Он исподлобья взглянул на нового визитера и пролаял:

— Чем обязан?

— До селения Лос-Паласиос, ваше преподобие, дошли слухи, что в Индии их высочества намерены отправить для насаждения истинной веры достойного священнослужителя брата Буйля. Мне хотелось бы осведомиться у вас, скоро ли он прибудет в Севилью. У меня есть кое-какой опыт общения с индейцами, и я хотел бы поделиться им с моим...

— Так! Значит, это вы и есть тот самый священник, который то и дело ездит в гости к адмиралу? Брат Буйль нужен вам, как мне лжепророк Магомет.

— Простите, но я...

— Не оскверняйте свои уста ложью. Мне отлично известно, что вчера вы были в монастыре Марии Пещерной и что с адмиралом вы не раз встречались прежде. Поверьте, с доном Христором я могу толковать без посредников с длинными носами. Надеюсь, вы меня поняли?

— Но я в мыслях не имел...

— Имели, имели... уж мне-то это известно. Какого дьявола, спрашиваю я вас, вы суете нос не в свое стойло? Да будет вам известно, что заморские дела никакой огласке не подлежат. О них надлежит знать тем, кому это положено, а вам я советую пасти ваше двуногое стадо и забыть дорогу к Золотой башне. Не смею вас больше задерживать, дон Длинный нос. Стойте! Помните, что филистимляне, которых привез из Индии адмирал, собственность короны. Без моего ведома не смейте увозить их из Севильи.

— К несчастью, я не могу исполнить ваше распоряжение.

— Вот как? Видимо, вы о себе столь высокого мнения, что ни во что ставите приказы ее высочества, а она повелела ни под каким видом не отпускать этих басурман из Севильи.

— Возможно. Но эти приказы не распространяются на меня. Сеньор адмирал сообщил мне, что ее высочество поручило именно мне заботу об индейцах, пока снаряжается флотилия. К сожалению, в добром здравии лишь один из индейцев — Диего, его я и заберу сегодня. Остальных надеюсь перевезти в Лос-Паласиос во благовремении.

Архидиакон весело расхохотался.

— Черт возьми, вы, оказывается, пройдоха, каких мало на божьем свете. Если ее высочество доверило вам этих халдеев, то я умываю руки. Но от чистого сердца советую вам не доводить меня до крайности.

Дон Хуан учтиво поклонился гостю и не менее учтиво проводил его до дверей.

— Прощайте, брат Андрес, смею надеяться, что вы не скоро осчастливите меня своим визитом.

Как это ни удивительно, но и архидиакон, и священник из Лос-Паласиос остались довольны этой краткой беседой. Во всяком случае мул — а уж он-то знал, когда у его господина отличное настроение, — в этом нисколько не сомневался.

Однако по мере приближения к Иконным воротам дон Андрес становился все более и более мрачным.

— *Indignus servus dei sum*¹, — бормотал он, покачиваясь в высоком седле. — Да, я недостойный раб господний. Недостойный и тщеславный. Одержав верх в стычке с архидиакonom, я упустил из виду главное. А главное в том, что дела нашего адмирала обстоят куда хуже, чем я предполагал. И чем он это себе представляет. Теперь я окончательно убедился: ключи к Индиям находятся ныне не в монастыре Марии Пещерной, а в Золотой башне.

*Tertium non datur*²

Селеньице Лос-Паласиос ненамного больше родной деревни Диего, той, что стоит в бухте Четырех Ветров на Острове Людей. Оно приютилось на берегах речки Марон. Ленивый Марон, разливаясь по сочным лугам, нес свои мутные воды в Гвадалквивир. Впрочем, порой трудно было понять, кто куда

¹ Я недостойный раб господний (латин.).

² Третьего не дано (латин.).

впадал: в часы приливов морские воды заполняли широкое горло Гвадалквивира и соленые волны докатывались до Лос-Паласиос.

Солеными были зеленые маронские луга, солью и морем дышала вся Марисма — болотистое низовье Гвадалквивира.

Хотя чужое было это море и чужая река, но запахи соленой прели кружили голову гостю дона Андреса.

Жили в Лос-Паласиос рыбаки и виноделы и люди иных, порой весьма темных, профессий. Многое о них мог рассказать дон Андрес, но тайна исповеди нерушима, и он лишь сокрушенно качал головой, когда доходили до селения слухи, будто Кривого Пепе повесили за разбой на Кадисской дороге, а Пабло Крадись-На-Цыпочках угодил на королевские галеры не то за контрабанду, не то за угон лошадей из каких-то монастырских конюшен.

Сказать, что дона Андреса любили его прихожане, — значит не сказать ничего. Они готовы были пойти за него и на галеры, и на дыбу, и на каторгу, хотя свои чувства никогда не выражали открыто.

Однако, когда Хорхе Упади-В-Грязь украл и продал в Утре-ре медный котел из кухни священника, совет старейшин навсегда изгнал вора из селения Лос-Паласиос, и тут уж никакие заступничества пострадавшего священника помочь изгнаннику не могли.

У Диего началась страдная пора. Дон Андрес знал: времени для учения осталось немного. Великая флотилия должна была осенью выйти в Индии, и за каких-нибудь два-три месяца надо было своротить горы. Учили Диего агрономии, кузнечно-му делу, приемам врачевания, письму и чтению, начаткам богословия, истории и географии.

В саду и в поле его наставником был древний старец по кличке Смотри-В-Оба, в кузнице его обучал хромой молчальник Руис, знаток своего дела и завзятый лошади-ник. Местные власти не без основания подозревали, что Руис приумножает свои доходы конокрадством, но с поличным его поймать не удалось — ловок был этот хромой кузнец. Он же учил Диего искусству верховой езды. Все прочие науки преподавал дон Андрес.

Занятия начинались на заре, кончался учебный день на закате. Разумеется, и учителя, и ученик отдыхали в час полуденной сиесты.

На Острове Людей Диего порой приходилось чуть ли не целый день работать гребками в дальних рыбацких походах или от зари до захода рыхлить землю на родовом кануко. Но

теперь он вспоминал об этих днях как о приятном времяпровождении. Кузнечный молот не в пример тяжелее гребков, а запоминать имена святых или названия разных стран куда труднее, чем мотыжить неподатливую землю в Бухте Четырех Ветров.

Дон Андрес подозревал, что кузнец Руис выходит за рамки учебной программы и знакомит Диего с кое-какими приемами мастеров отмычки. Явно завывшал программу курса агрономии и сеньор Смотри-В-Оба. С его помощью Диего хватался таких словечек, которые вгоняли в краску почтенного священнослужителя.

Однако не эти обстоятельства внушали тревогу дону Андресу. Гораздо больше его беспокоило другое. Диего, человек иного света, не впитал в себя с молоком матери тех начал самоконтроля, которые оберегают сынов Кастилии от ненужных толкований сомнительных истин. Девственный ум индейца не признавал никаких авторитетов. Диего не понимал, почему черное становится белым, если на этом настаивают великие жрецы христианского мира. Истину ему надо было ощупать, попробовать на вкус, со всех сторон обозреть, ссылки же на древних мудрецов и ученых комментаторов Священного писания, построенные на сцеплениях ловких силлогизмов, на него совершенно не действовали.

Имеющий уши, да слышит, имеющий очи, да видит. Слух и зрение у Диего были не менее острые, чем у дона Андреса, и до его сознания не могло не дойти, что христианский мир — это не мир Христа...

И не раз дон Андрес убеждал своего трудного ученика, что не следует поспешно судить о нравах и обычаях страны Восхода. И не раз он внушал Диего: «Помни, сын мой, мы, христиане, нашли путь в ваши земли и рано или поздно на этих землях утвердимся. А стало быть, ты должен лучше узнать нас. *Tertium non datur!*»

Да, третьего не дано. Ведь и в самом деле, свершилось то, о чем никто на Острове Людей, решительно никто, даже мудрый Гуаяра, и думать не мог несколько лун назад. Вчерашний день не вернется. Так сказал великий вождь Гуабина в день, когда корабли бледнолицых вступили в воды Острова Людей. Да, великие беды ожидают всех, кто живет в стороне заката, по ту сторону моря-океана.

Ну а что должен делать я, Диего, если, то ли по воле Мабуйи, то ли по произволу христианских богов, стал я спутником бледнолицых? «Вам надо лучше узнать нас», — сказал дон Андрес, но понимает ли он, что мы совсем другие, что нам

не нужны ни люди из стран Восхода, ни их хитрые приманки. И все же он прав: поможет ли это нам или нет, но знать я должен много, больше, чем знаю сейчас. Третьего не дано...

Дурными намерениями рай вымощен

В начале второй недели сентября Обмани-Смерть явился в Лос-Паласиос с письмом от адмирала. Письмо было бодрым, пожалуй, даже радостным, святая троица исполнила все желания автора послания. Семнадцать кораблей, писал адмирал, стоят в Кадисской гавани, весь провиант доставлен в этот порт, ее высочество благоволит новому Ясону, и, если будет на то господня воля, не позже дня святого Михаила флотилия отправится в путь. В конце следовала приписка: «Я намерен вскоре переправить в Кадис всех индейцев, а поэтому прошу вас отпустить Диего ко мне с подателем сего письма. Разумеется, я был бы счастлив видеть вас в Севилье. Надеюсь, вам удастся отлучиться из Лос-Паласиос на несколько дней».

И дон Андрес тут же принял решение немедленно ехать в Севилью.

«Кафедры» кузнечного дела, полеводства и верховой езды пришли на проводы своего единственного ученика. Кузнец Руис молча преподнес ему подкову, магистр агрономии от полноты чувств разразился совершенно непотребными заклятиями. Руис привел с собой чалую кобылку и, опасливо поглядывая на дона Андреса, сказал:

— Бери ее, парень. Лошадка добрая, в пору самому апостолу Петру на ней скакать, только лучше бы вам, сеньоры, путь держать, минуя Утреру, а коли не с руки вам давать крюк, то через нее проезжайте ночью.

— Не ровен час,— с улыбкой проговорил дон Андрес,— и по вине твоей Путы мы с Диего прослышем конокрадами. Но кобылка и в самом деле отменная. Так и быть, возьмем грех на душу и в случае чего скажем, что купили ее в Кадисе на ярмарке.

Диего потерся щекой о колючий подбородок похитителя коней и сказал:

— У тебя большое сердце. Ты великий охотник, хочу тебе удачи и пусть поможет тебе святой Ипполит.

Пута и в самом деле доставила всей честной компании много забот, но совсем по другим причинам. Игривая кобылка покорила сердце мула. Он, желая перед ней покрасоваться, всю дорогу вел себя как лихой рысак.

Он то пускался в галоп, то шел резвой иноходью и за Гуадайрой, как раз в том месте, где глубокий оросительный канал вплотную подходил к дороге, сбросил с себя дона Андреса. Сбросил прямо в воду.

У Трианских ворот Андрес распрощался со своими спутниками. Обмани-Смерть и Диего отправились к адмиралу, а дон Андрес завернул в близлежащую корчму «Золотой Петух». Там расторопные служанки развесили на солнце плащ, который очень неохотно выпускал воду из своих суконных пор.

Дон Андрес устроился неподалеку от стойки со жбаном слабого хаэнского винца. К стойке он протиснулся с трудом: в «Золотом Петухе» было истинное столпотворение. Бранились и ржали десятки вконец упившихся забулдыг и гуляк; по сальным столешницам растекались винные лужи, отовсюду несло перегаром, хрустели под ногами осколки бутылок; оловянный стук кружек заглушала грязная ругань.

В левом углу хором завывала лихая компания, ею дирижировал низкорослый кавалер в грязном голубом камзоле. Пустой мех, словно дохлая кошка, валялся на столе перед кавалером, но он был трезв. Трезв, злобен и угрюм. Свирепые огоньки вспыхивали в его глазах цвета стали, на скулах перекатывались твердые желваки. Хоть и мал он был ростом, но угадывалась в нем лютая сила; была она и в широких плечах, и в мускулистых руках, туго обтянутых рукавами несвежей сорочки.

У дона Андреса память на лица была отменная, и он сразу же узнал этого кавалера. То был дон Алонсо де Охеда, воин из дружины герцога Мединасели, герой гранадской войны. О его похождениях слагались легенды, и трудно было понять, какие из них правдивы, а какие ложны. Известно, что шпагу он обнажает по любому поводу и вовсе без повода. На счету у него числилось множество жертв. А года два назад вся Севилья оказалась свидетельницей его поистине удивительного подвига. На глазах у королевы, во время крестного хода, Охеда с верхушки высокого дерева перепрыгнул на узкий карниз Хиральды — колокольни кафедрального собора, прошелся по нему на руках и спокойно спустился на соборную площадь.

Мертвецки пьяный хор подчинялся Охеде беспрекословно. Но вот один из пьяниц, чтобы повеселить собутыльников, пустил петуха. Дирижер выхватил длинную шпагу и ее эфесом нанес шутнику удар в висок.

— Убрать падаль, — приказал Охеда.

Чьи-то услужливые руки подхватили поверженное тело, а хор продолжал петь.

Тяжелый взгляд Охеды зацепился за дона Андреса.

— Молчать,— скомандовал он хористам.— Ждите, я сейчас вернусь.

Охеда прошел к стойке и, сбросив с табурета какого-то пьянчугу, сел рядом с доном Андресом.

— Если не ошибаюсь,— сказал он с учтивым поклоном,— я имею удовольствие видеть его преподобие дона Андреса Бернальдеса?

— Вы не ошибаетесь,— сухо ответил дон Андрес.

— Я давно хотел представиться вам, ведь не часто можно встретить в Кастилии достойных слуг божьих. Достойных и смелых разумом.— Он говорил, слегка улыбаясь, глядя на дона Андреса в упор, и трудно было понять, испытывает ли он уважение к собеседнику или издевается над ним.

— А я,— резко отрубил дон Андрес,— не часто встречал кавалеров, которые столь дерзко пренебрегали бы рыцарскими правилами. Я вижу вас в обществе мерзких пьяниц и возмущаюсь вашим поведением.

— Веду я себя так, как считаю нужным. Но скажу вам, что вы вряд ли берете на свою душу грех, называя этих людей мерзавцами и пьяницами. Однако хоть они не вполне трезвы, но зато в их жилах течет рыцарская кровь. И пьют они, чтобы взбодрить душу перед свершением великих и богоугодных подвигов. Вы, ваше преподобие, видите в этом злачном месте воинов, которые спустя две недели отправятся в Индии. И не просто воинов, а крестоносцев, призванных ввести в лоно истинной веры заморских дикарей. Мой дядюшка дон Хуан де Фонсека вчера выплатил им жалованье, ну и, естественно, они нашли королевским деньгам должное применение.

— И много ли таких крестоносцев завербовал ваш дядюшка?

— Порядком, если память мне не изменяет, свыше тысячи душ. Каждой душе платят в день по тридцать мараведи. Это немного, столько же получает у нас в Севилье каменщик или плотник, но дядюшка сомневается, достойны ли они и этой платы.

— Но ведь адмирал...

— Ах, адмирал... Насколько мне известно, он не вмешивается в сухопутные дела. И поступает верно. Он породил бурю, но унять ее все равно ему не под силу.

— Не понимаю.

— Вы когда, ваше преподобие, последний раз были в Севилье?

— Месяца два назад.

— О! За эти два месяца много воды утекло в море-океан. Уж вам-то отлично ведомо, сколько у нас в Кастилии добрых христиан, которых носит по стране что твое перекати-поле. И когда до них дошла весть, что их высочества готовят поход в Индии, вся эта саранча кинулась сюда. Признаться, я покривил душой, когда сказал вам, что мои собутыльники чистокровные идалго. Верно, у каждого на боку меч, но готов присягнуть, что среди них есть не только бродяги, но и беглые галерники; весельчака, которого я пристукнул на ваших глазах, кое-кто видел в восемьдесят восьмом году на площади Сокодовер в Толедо. Стоял он у позорного столба с колодкой на шее. За кражу кошелька. Думаю, веселенькие денечки настанут в Индиях, когда вся эта орда высадится на берегах Эспаньолы.

Охеда потер руки и усмехнулся, оскалив крепкие, ослепительно белые зубы.

— Все же мне непонятно, какое к этому отношение имеете вы? — спросил дон Андрес.

— Ха-ха, самое непосредственное, я ведь тоже отплываю в Индии. Платить мне будут, разумеется, не тридцать мараведи. А рука у меня легкая, и, если у этих индейцев действительно есть золото, уж поверьте, я его раздобуду. Стыд и позор, коли этот чудесный металл останется у язычников. Но, клянусь честным крестом, такого не случится. Тому порукой моя верная подруга.

Охеда обнажил шпагу и вонзил ее в стойку. Узкий клинок на целую пядь вошел в дерево. Шпага некоторое время упруго раскачивалась над стойкой, затем амплитуда ее колебаний стала уменьшаться, и, отдав последний поклон своему хозяину, она приняла строго вертикальную позицию.

Охеда ласково погладил ее эфес.

— Она скучает, моя верная подруга, но, надеюсь, за морем-океаном ей найдется работа. Вижу, вижу, вы осуждаете меня. Вам, должно быть, мнилось, что мы, христиане, обратим в рай земной эти распроклятые Индии. Что же, даже мудрецам свойственно заблуждаться. И я полагаю, что дурными намерениями вымощен всякий рай. И земной, и небесный. Имею честь.

Охеда выдернул клинок, кинул его в ножны и вернулся к своей пьяной компании. По мановению его властной руки хор снова затянул песню о трех соvrащенных пустынноиках.

Спустя полчаса дон Андрес покинул «Золотого Петуха».

— Да, дружок, — сказал он, обращаясь к мулу. — Попали мы с тобой в Содом и Гоморру. А что касается экспедиции нашего адмирала, то сеньор Охеда прав — рай вымощен дур-

ными намерениями. Бедный Диего, бедные индейцы. Что будет с ними, когда тысяча прощелыг, недостойных воды святого крещения, окажется по ту сторону моря-океана.

А в этот час дон Хуан де Фонсека скреплял своей подписью длинные списки. Списки людей, отбывающих в Индии на семнадцати кораблях флотилии адмирала Христофора Колумба. И было в этих списках не тысяча, а тысяча пятьсот человек. Тысяча пятьсот «добрых христиан», которым суждено было из кабаков Трианы отправиться к воротам заморского земного рая.

Прощай, Кастилия!

Героиня великого плавания маленькая «Нинья» покачивалась на тихой волне у нижней сеvilьской пристани. Час отлива еще не наступил, и корабль спокойно отдыхал, привалившись бортом к дощатому настилу. Корабль, но не его команда. Экипаж «Ниньи» готовился к отплытию, а последние минуты перед выходом в путь всегда беспокойны. Даже если путь не слишком дальний. Пока что от «Ниньи» требовалось немного. Совершить переход из Севильи в Сан-Лукар-де-Баррамеду, гавань в устье Гвадалквивира, а затем направиться в Кадис и доставить туда багаж адмирала и пятерых индейцев — Диего, Гуакагану или Фердинанда Арагонского, Алонсо, Пако и Пепе.

Дон Хуан Кастильский, он же Бехечо, кочевал вместе с заморскими попугаями по Испании в таборе их высочеств. Два кариба, в канун пасхи оставленные в Палосе, были уже переправлены в Кадис, а Санчо, тяжело захворавший на пути из Лиссабона в Андалузию, скончался в Ильин день. Санчо не успели окрестить, и прах его похоронили по ту сторону кладбищенской ограды — в том месте, где покоились самоубийцы, скоморохи и цыгане.

Сходни уже были убраны, и пассажиров «Ниньи» разлучили с провожающими. Индейцы, Обмани-Смерть и Родриго выстроились на левом борту, а дон Андрес с мулом стояли на пристани. Предстоящая разлука не волновала мула. Погрузив морду в торбу с овсом, он жевал свою жвачку. Но его хозяин был угнетен и расстроен. С тоской глядел он на своего питомца и старался скрыть горькие слезы.

— Отдать швартовы! — Команду повторили на корабле, смоленные канаты втянулись на палубу, и «Нинья» нехотя отошла от причала. Легкий бриз наполнил белые паруса, лоцман круто положил руль вправо, и сеvilьская пристань уплыла вдаль. Давно уже скрылись в туманной дымке шпили со-

бора, исчезла стройная Хиральда, а человек в сутане все еще стоял на пристани, осеняя крестным знамением едва заметное черное пятнышко, которое уносилось все дальше и дальше к югу.

Мул слегка толкнул хозяина в плечо.

— Да, да, дружок, ты прав, пора идти. Ну что ж, пойдем...

Человек и мул сошли с пристани и медленно направились в сторону Золотой башни.

А «Нинья», миновав опасные мели у Сан-Лукара, спустя полтора дня вышла в море и взяла курс на Кадис. Дул крепкий северный ветер, корабль на всех парусах мчался на юг, оставляя по левому борту унылые берега Кадисского залива.

Прошла неделя, и адмирал отдал приказ: в среду, 25 сентября, в час рассвета всем семнадцати кораблям выйти в море. Это была очень сумбурная неделя. Полторы тысячи буйных странников скопилось в Кадисе, и обыватели с нетерпением ждали, когда наконец нелегкая унесет на край света этих незваных гостей: никому от них не было покоя.

Местные альгвазилы предпочитали отсиживаться по домам, юным девицам мамыши запретили выходить на улицу, собак спустили с цепи. Винные погреба быстро пустели, в кабаках и притонах стоял дым коромыслом, а на кораблях творилось черт знает что.

Известное дело: на корабле хозяин капитан, его приказ — закон. Но буйные пассажиры флотилии никаких капитанов и никаких законов не признавали. Просто-напросто собиралась в какой-нибудь корчме теплая компания и занимала затем облюбованный ею корабль. А поскольку на этот же корабль одновременно пробивались и другие, не менее буйные банды, на флотилии завязывались лихие стычки.

Каким-то чудом все, однако, утряслось, возможно потому, что адмирал во всеуслышание объявил, что властью, данной ему королевской четой, он повесит на реях всех, кто будет нарушать морские порядки.

На каждом рее два нока, на каждом корабле с десятков реев: на семнадцати кораблях без труда можно развесить сотни три смутьянов.

Расчет этот сделал, однако, не адмирал, а один из отъявленных смутьянов — дон Алонсо де Охеда.

— Наша цель — Индии, — сказал он своим друзьям. — А путь туда неблизкий. И в море-океане акул не меньше, чем бесов в аду. Поэтому до поры до времени, сеньоры, извольте сдержать свою прыть. Иначе, клянусь честным крестом, я вздерну любого из вас на грота-рей.

Адмирал возблагодарил святую троицу за столь полезного соратника и взял Охеду на флагманский корабль «Мария-Галанте». Флагман флотилии удостоился высокой чести: на нем отбывали в Индии наиболее родовитые участники великой экспедиции. Адмирала почтили своим обществом царедворцы их высочеств и знатный арагонский кавалер Педро Маргарит.

За адмиралом следовал, как тень, бывший альгвазил двора ее высочества сеньор Берналь де Писа — главный счетовод флотилии. Таково было его официальное звание. Неофициально он выполнял сверхдоверительные поручения дона Хуана де Фонсеки, действуя в качестве негласного осведомителя главы заморского ведомства.

Индейцы также оказались на «Мария-Галанте». Тогда знатный кавалер Педро Маргарит заявил адмиралу протест:

— Мне, дворянину чистых кровей, невместно дышать одним воздухом с гнусными язычниками.

Адмирал вежливо разъяснил чистопородному кавалеру, что индейцы крещены их высочествами и примасом Кастилии.

— Вы, сеньор Маргарит, первый человек, который позволил себе усомниться в подобных восприемниках. Но сомнения эти вряд ли основательны — ведь сам отец-папа одобрил почин королевской четы. Впрочем, если достойный кавалер пожелает, то адмирал не преминет довести до сведения их высочеств его особые соображения.

Достойный кавалер побледнел и клятвенно заверил адмирала, что отныне он будет считать всех семерых индейцев истиннейшими христианами и готов дышать с ними общим воздухом.

Хотя это маленькое недоразумение благополучно уладилось, адмирал и индейцы чувствовали себя неважно. Адмирала угнетали его именитые пассажиры. Они явились на корабль с целым штатом оруженосцев и слуг и заполнили не только трюм, но и палубу своим громоздким багажом. Чего-чего только они не везли с собой в Индии: не позабыли ни о серебряной посуде, ни о роскошных туалетах, ни о рысках арабских и кастильских кровей. Один из знатных кавалеров захватил с собой шубу, должно быть полагая, что Индии лежат на рубежах Московии, другой пригнал свору гончих псов, третий вкатил на палубу десять бочек хереса.

И опять-таки бесценные услуги оказал адмиралу дон Алонсо де Охеда. Положив руку на эфес, он вступал в тихие беседы со знатными пассажирами.

— Собачек, мой любезный друг, вы отправите на берег не позже полудня. Что? Вы, если меня не обманывает слух, по-

мянули все моих достойных родителей? — Шпага на два дюйма выползала из ножен, белейшие зубы обнажались в дерзкой улыбке, и любезный друг, не вступая в дальнейшие пререкания, перебрасывал свою псарню на берег...

Индейцев же построили в тесном закутке между бочками с солониной и мешками с горохом. Их перегоняли с места на место, им наступали на ноги, им щедро раздавали подзатыльники и затрещины. Адмиралу было не до них, а Обмани-Смерть и Родриго, их друзья и покровители, попали на другие корабли. Правда, Желтоголовый был на флагмане, но адмирал так задержал его разными поручениями, что он и минуты не мог уделить своим меднокожим друзьям.

И кроме того, шестимесячное пребывание в Стране Восхода не прошло для индейцев даром. Оба кариба и Пепе кашляли кровью, у Алонсо и Пако все тело покрылось незаживающими язвами, Гуакагана поминутно прикладывался к баклажке и если не спал мертвым сном, то, пошатываясь, бродил по палубе, издавая нечленораздельные звуки. Только Диего, которому на пользу пошло селеньице Лос-Паласиос, пребывал в добром здравии, но племянника великого вождя Гуабины изрядно донимала предотъездная суета.

С нетерпением ждал он часа отплытия. Подумать только: если Мабуя или дон Сатана не помещают Сеньорадмиралу, родные берега через две луны покажутся на горизонте. Пусть даже не совсем родные — ведь земля Кискейя, которую христиане называют Эспаньолой, лежит не так уж близко от Острова Людей, — но все равно снова Диего увидит зеленые леса, переплетенные цепкими лианами, руки его коснутся чуть шероховатой коры могучей сейбы, грудь будет дышать пряным воздухом Страны Заката, ноги будут ступать по мягким травам и влажному песку на тихом взморье.

И вот наконец настал долгожданный день. Среда, 25 сентября. Семнадцать кораблей покачивались на легкой волне в широкой бухте, матросы всех вахт, знатные, полужнатные и вовсе незнатные пассажиры толпились на палубах, и суда заметно накренились на левый борт. Слева на узкой пристани скопились друзья и родичи аргонавтов.

Чудом вместила в себя эта пристань шесть тысяч алых, зеленых, желтых, голубых, розовых плащей, мантилий, камзолов, юбок, широких как колокола. Колыхались над толпой штандарты с единорогами, вепрями, львами, змеями и тритонами — геральдический зверинец провожал за тридевять морей достойных и недостойных отпрысков именитейших фамилий кастильского королевства. В голос рыдали покидаемые

жены, выкрикивали бодрые напутствия отцы, братья и собутыльники баловней судьбы, на казенный кошт идущих за золотым руном. Вопили, стараясь перекрычать друг друга, лишние аргонавты, истошно лаяли собаки, ржали кони, звонко перекликались колокола собора и монастыря капуцинов.

В пять часов утра с кормовой надстройки «Мария-Галанте» адмирал дал сигнал к отплытию. Семнадцать капитанов рявкнули: «Поднять паруса, курс на мыс Сан-Фелипе». Пристань поплыла влево, и крепкий ветер понес корабли на север, вдоль могучих стен цитадели Сан-Антонио к острому носу святого Филиппа. Кадис, белый город, вынесенный на самую оконечность длинной косы, раскрылся как на ладони.

Корабли повернули на запад. В сторону багрового восхода уходила кастильская земля. Диего стоял на корме, взглядом провожая удивительную страну, которую ему и восьми его собратьям удалось открыть спустя пять месяцев после того, как Сеньорадмирал отдал якорь у берегов Острова Людей.

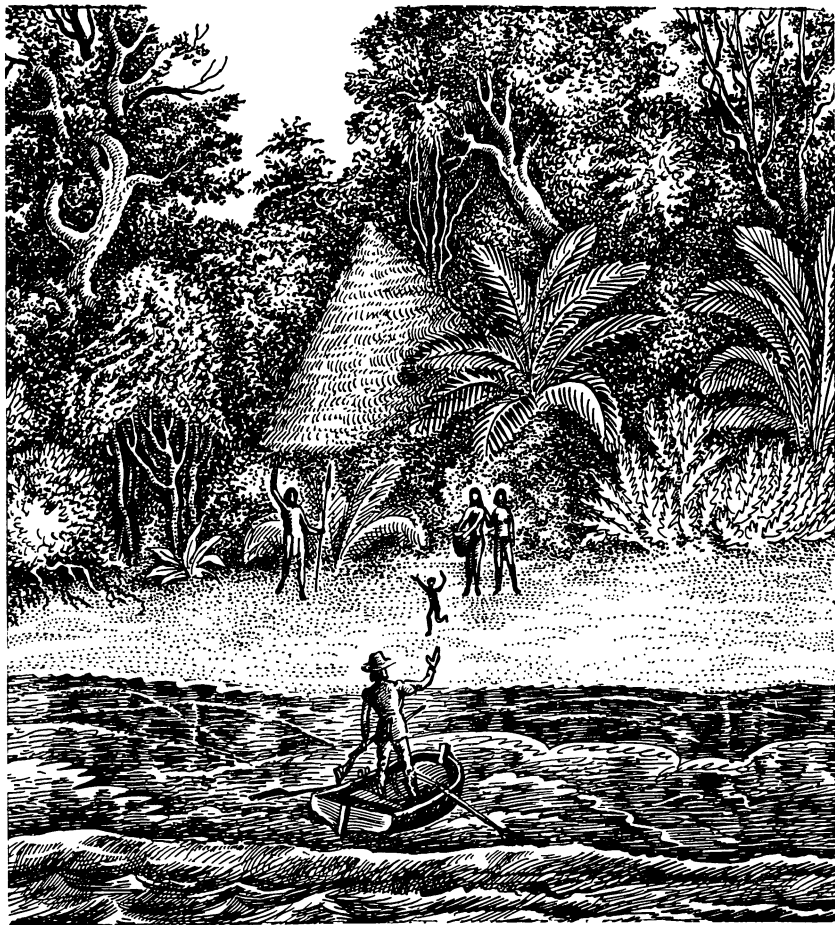
Взошло неяркое осеннее солнце, последний раз мелькнул на дальнем горизонте кастильский берег, флотилия вышла в открытое море и взяла курс на юг, к Канарским островам. Позади осталась Страна Жестоких Сердец, Страна Корыстных Желаний, Страна Железа и Камня. Постылая страна, которая, однако, навеки овладела его помыслами.

Началось второе плавание в Новый Свет адмирала моря-океана. Окончилось скитание нового Одиссея по чужим и далеким землям.

Возвращение на Итаку

*Быстро своим кораблем океана поток перерезав,
Снова по многоиспытанному морю пришли мы на остров
Эю.*

Одиссея

Черный четверг

На пятьдесят девятый день плавания, в пятницу, 22 ноября 1493 года, флотилия адмирала моря-океана подошла к берегам Эспаньолы.

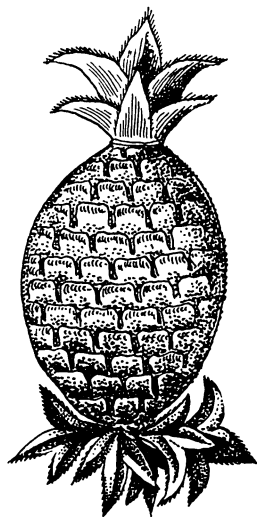
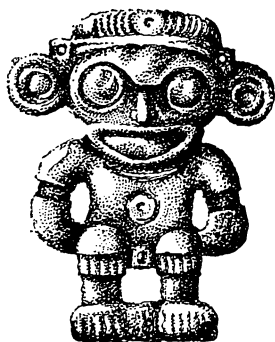
Большая Соленая Вода в этом походе вела себя примерно. Устойчивые пассаты гнали флотилию на запад по тихим и приветливым водам.

А на подступах к Индиям адмиралу посчастливилось открыть цепь больших и малых островов, и населяли эти острова длинноволосые карибы.

Только один белый христианин отдал в пути богу душу. Он погиб в стычке с карибами. Полторы тысячи минус один — ничтожная цена за переход через море-океан. Правда, с индейцами дело обстояло хуже. Их было семеро, когда флотилия вышла из Кадиса; их осталось трое, когда корабли подошли к Эспаньоле. Умерли Алонсо, Пепе и Пако, умер один из карибов. Хоронили их так: мертвые тела засовывали в большие мешки из-под муки, мешки обвязывали веревками, к веревкам подвешивали каменное ядро, а затем бросали эти тюки в море.

Брат Буйль, монах-бенедиктинец и глава маленькой духовной миссии, которую их высочества послали в Индии, провожал покойников в последний путь короткой заупокойной молитвой: ведь эти дикари были дикарями крещеными, и он полагал, что его молитва откроет им врата чистилища.

Итак, теперь у адмирала осталось трое пленников: Диего, Гуакагана и один из карибов.

Флотилия подошла к Эспаньоле в том месте, где в январские дни состоялась встреча с длинноволосыми стрелометателями. Тогда адмиралу не удалось завоевать доверие этих немирных индейцев. И, следуя на запад вдоль берегов полуострова Самана, он решил, что, пожалуй, стоит послать к этим упрямам их земляка — пленника-кариба: пусть расскажет им, как сильны и добры христиане, пусть склонит их сердца к пришельцам из Кастилии.

Кариб сказал — я пойду. А покидая корабль, он шепнул Диего:

— Бледнолицые слабы разумом: они думают, что я исполню их волю и оскверню ложью уста, как бы не так!

Шлюпка доставила пленника на берег. Флотилия до ночи дрейфовала у негостеприимного полуострова. Но хитроумный посол на корабль не вернулся, и адмирал направился дальше, он стремился как можно скорее попасть в бухту Навидад, где оставил тридцать девять христиан.

Милях в тридцати от бухты адмирал заметил большую реку, которая впадала в море у подошвы высокой горы.

— Клянусь святой троицей, — сказал адмирал, — в жизни я не видел более благодатных мест. Миром дышит этот райский уголок, и грех мы возьмем на душу, если не обследуем эту землю.

Дон Алонсо де Охеда, Педро Желтоголовый и Диего на лодке отправились к устью волшебной реки. Они высадились, прошли шагов сто и на отлогом песчаном берегу увидели два мертвых тела. То были трупы старца и юноши. У старика горло стягивала веревка кастильской выделки, а ноги и руки были накрепко привязаны к перекладинам длинной крестовины.

Ярко светило солнце, безмятежно чирикали птицы, с тихим плеском набегали на берег речные воды.

Охеда острым ногтем царапнул одну из крестовин:

— Красное дерево, — сказал он, — такому дереву цены нет в Кастилии. А распяли покойника христиане. Клянусь честным крестом, это наша работа.

— Ваша, — отозвался Диего.

Молча вернулись разведчики на корабль. Молча выслушал их донесение адмирал. Он не сомневался: дурным предвещием была эта находка на берегу благодатной земли.

В зловещей тишине корабля в среду, 27 ноября, отдали якорь в бухте Навидад. Ни звука не доносилось с берега. Дремал под вечерним солнцем пустынный пляж, дремали безмолвные леса, никто не отзывался на залпы судовых бомбард,

нигде в час, когда землю покрыла черная мгла, не загорались сигнальные огни.

Одиннадцать месяцев назад на здешнем берегу вырос крепкий форт с высоким частоколом. За одиннадцать месяцев адмирал едва успел износить башмаки, года не прошло с того дня, когда над фортом взвился белый штандарт с алыми литерами Y и F — инициалами королевской четы.

Четверг день легкий, несчастья случаются обычно по понедельникам. Так всегда полагал адмирал, но поистине черным днем оказался этот последний четверг ноября.

Ясный, не очень жаркий четверг.

Дует легкий ветерок, слегка клубится седая пыль. Впрочем, это вовсе не пыль, а зола, и на утопанной земле среди черных головешек рассеяны оловянные пуговицы, обгоревшие обломки матросских сундуков, оплавленные бронзовые застежки, опаленные обрывки арамбелей — грубых покрывал, которые на кораблях заменяют и одеяла, и скатерти.

В лесу нашли одиннадцать трупов. Полуистлевшие тела в христианских одеждах, тела, чуть присыпанные землей.

— Наша работа, — сказал Охеда. — Свой своему пощады не давал. Вот этого прикончили ударом ножа, этому прокололи шпагой грудь, а вот того, что лежит рядом, подстрелили из аркебуза. Стреляли в упор — глядите, борода черна от пороха.

— Ваша работа, — сказали индейцы, которые, узнав адмирала, осмелились выйти к бледнолицым пришельцам.

И они сообщили, что все тридцать девять христиан погибли. Дурной и нелепой смертью. Как только адмирал покинул Эспаньолу, почти все бледнолицые разбрелись по острову. Они искали золото и попутно захватывали индейских женщин и жгли индейские дома. Из-за добычи и женщин они непрерывно между собой ссорились и в конце концов друг друга изничтожили.

Правда, пять-шесть христиан во главе с доном Диего де Араной остались в крепости. Они вели себя достойно, но головы сложили за чужие грехи.

Вождь соседнего племени великий воин Каонабó, которому бледнолицые изверги доставили много хлопот, в один прекрасный день напал на форт, сжег его и перебил всех его защитников. А великий касик Гуаканагари тщетно пытался спасти этих людей. Каонабо прогнал доброго касика, ранив его в ногу.

Так перевел рассказ индейцев Гуакагана. Только один Диего знал, что не слишком точным был этот перевод. Кое-ко-

го из бледнолицых отправили к Мабуйе в гости воины Гуа-каннагари, ведь его селение дотла сжег чернобородый выродок Чачу.

Добрые духи земли Кискейя и великий бог христиан Иисусхристос наказали бледнолицых злодеев. В этом Диего был убежден. Но дон Луис, как и за что погиб этот человек с ясной душой и большим сердцем? Сгорел ли он в тот час, когда люди Каонабо подожгли форт, или пал от руки боцмана Чачу? Нет дона Луиса, так пусть дух его обретет великий покой в стране Коаиваи.

Горькую думу думал адмирал на пепелище форта Навидад. Жаль, очень жаль ему было своего свойственника, от которого остались лишь оплавленные пуговицы. Жаль было и прочих покойников, однако сжималось сердце не только от скорби по павшим христианам, но и от каких-то тревожных предчувствий.

Полторы тысячи вооруженных до зубов христиан рвались на берега обетованной земли, как свора псов, учуявших лакомую добычу. До поры до времени они топчутся на палубах, с трудом уговорил их адмирал повременить с высадкой.

Но что будет завтра, когда они сойдут на берег? Он не сомневался, что господь явил ему неизреченную милость, указав путь в Индии. Не в госпoде боге испытывал сомнение адмирал, а в своих спутниках, и поэтому так горячо и страстно молил он святую троицу, чтобы вразумила она его буйных соратников.

А доблестный рыцарь удачи дон Алонсо де Охеда ворошил острием шпаги золу и пепел, и на его устах гуляла дерзкая улыбка...

Когда волки сыты, овцы не целы

В бухте Навидад адмирал опасался, как бы его рать не разбредлась по всем Индиям, но неминуемые беды нагрянули не по этой причине. Изабелла! В ней оказался корень зла. И не Изабелла — королева, а Изабелла — город. Город, который адмирал основал на Эспаньоле.

Долго, очень долго искал он место, где бы могли обрести надежное пристанище полторы тысячи добрых христиан. Владения Гуаканагари ему не внушали доверия. И он отыскал райскую долину милях в семидесяти к востоку от бухты Навидад. Зеленую, широкую и ровную долину, а лежала она у самого моря.

Возблагодарив господ, адмирал обошел это милое местечко; колышками землемеры обозначили будущие улицы и площади, по шнуру отмерили они поселенцам участки для застройки. И вот наскоро сплели из прутьев шалаши, выкопали землянки, притащили из леса бревна.

Окрестные индейцы в недоумении пожимали плечами. Трудно, очень трудно было найти для города худшее место. Трава, буйная, сочная, ядовито-зеленая, росла на гнилом, непросыхающем болоте, гнилая вода текла в здешней речушке.

А в канун рождества зарядили упорные дожди. Жадная трясина засасывала постройки колонистов, землянки заплывали жидкой грязью, грязь эта, зловонная и черная, чавкала под ногами, спасения от нее не было. А в воздухе реяли тучи moskitov, их тонкий писк доводил поселенцев до иступления.

С дьявольской быстротой таяли скудные запасы провианта. Иссакло вино, кончилась солонина, доедались жалкие оскребки муки, протухшая соленая рыба, на вес золота ценилось склизкое бурое месиво — остатки искрошившихся и размокших сухарей.

Лихорадка, кровавый понос, жестокие простуды косили колонистов, а лекарств от них не было, ведь это были не кастильские, а местные, изабелльские, недуги, от которых голова шла кругом у лекаря экспедиции доктора Диего Альвареса Чанки.

Грязь, голод, болезни губили город, но эти напасти можно было умалить. Было бы на то желание. Не так уж трудно отвести излишнюю воду в море: стоит прорыть с десятков-другой не слишком глубоких канав. Кастильские хлеба — пшеница, рожь, овес — быстро созревают на соседних, более сухих землях. Дают они урожай сам-сто, а в корабельных трюмах есть запас семян.

Но копать землю, плескаться в грязи, корчевать лес? Как бы не так! Не для этих подлых мужицких работ прибыли в Индии благородные кастильцы. На родине их кормил длинный меч.

Золото! Ради него, ради этого звонкого желтого металла пришли они на Эспаньола. И, распаяя себя грёзами о золотых россыпях Индий, они гнили в сырых и темных землянках, проклиная адмирала и свою злосчастную судьбу.

— Клянусь честным крестом, я расшевелю этих лежебок, — сказал как-то Охеда адмиралу. — Здешние индейцы твердят, будто в стране Сибео — а до нее отсюда дней пять пути — есть золото. Есть ли оно там или нет, я не знаю.

Но лучше погибнуть в походе, чем околеть в этой вонючей трясине. Я пойду в Сибao и ставлю сто дукатов против медного гроша, что эти висельники вприпрыжку побегут за мной, забыв о своей хвори.

— Возьми свой одр и иди — так сказал Христос расслабленному. Воистину вы, дон Алонсо, уподобитесь сыну божьему, если поднимете с места этих несчастных ленивцев.

— Подниму, сеньор адмирал. Еще как подниму!

И на следующий день Охеда кликнул клич. Выползли из шалашей и землянок недужные и голодные и встали в строй. Ковыляя опухшими ногами, шатаясь от ветра, они двинулись за Охедой на юг, в страну Сибao.

Он был хитер, этот маленький рыцарь. И своим спутникам сказал:

— Наша дорога лежит через большие индейские селения. Придет время, и от них не останется камня на камне. Но сейчас вы слабее шакалов, зубы и когти у вас притупились. Поэтому вот мой наказ: не задирайте красноногих овечек. За бусы и агухеты эти нехристи дадут нам корм, жрите, уплетайте его за обе щеки, набирайтесь сил. И смотрите в оба: запоминайте, где язычники держат золото, где у них закрома и амбары. Придет час, и мы снова придем к ним в гости, и, клянусь честным крестом, тогда они узнают нас получше.

Охеда и его орда добрались до Сибao, нашли там немного золота и вернулись обратно. Вернулись гладкие и сытые, и, о чудо из чудес, ни малейшего зла они не причинили жителям тех мест, через которые шла дорога в Сибao.

Диего исстрадался в злосчастной Изабелле. Правда, лихорадка не терзала его: индейцам она была не страшна, но ему опротивели спесивые и наглые бездельники, с которыми судьба свела его в этом мерзком месте. Больше года он жил среди бледнолицых, но поди-ка узнай, на что способны эти страшные люди. Ничего дурного, к примеру, он не замечал за доном Берналем де Писой, живой тенью адмирала. Дон Берналь был отменно учтив, он не скупился на поклоны Сеньорадмиралу, и невдомек было Диего, что главный счетовод флотилии — это шпион всесильного архидиакона.

И вдруг открылось, что этот аккуратный, вежливый, сладкоголосый человечек оказался душой гнусного заговора. Он и его сообщники решили захватить стоящие в гавани корабли и бежать в Кастилию. Бежать с последними запасами провианта, бежать, лишив колонистов всех средств сообщения с родиной. И чтобы обезопасить себя в будущем и снять с себя вину за предательство, дон Берналь заготовил донос на адмирала.

Донос, который он намерен был по возвращении в Испанию вручить их высочествам.

На Острове Людей никого не лишали жизни за тяжкие проступки. Но Диего охотно задушил бы своими руками этого выродка. А между тем адмирал помиловал предателя.

Негодяя посадили на корабль и отправили в Кастилию. Акулу бросили в море. Попробуй пойми адмиральскую душу да и души прочих христиан — сплошные потемки.

На Острове Людей Диего ни к одному своему соплеменнику не испытывал ненависти. Слов нет — младшего Гуакана он не любил, не за что было любить этого пройдоху, но зла похитителю своей Каоны он не желал. Иное дело бледнолицые. Разумеется, Диего отдал бы свое сердце за таких славных людей, как дон Андрес, Родриго или Обмани-Смерть. Кстати говоря, припомнив уроки великого знахаря Гуаяры, он поставил на ноги дона Обмани-Смерть, исцелил его здесь, в Изабелле, от лихорадки. Но знатного кавалера дона Педро Маргарита Диего ненавидел и презирал. Кавалер называл индейцев грязными ублюдками. Кавалер на всех перекрестках орал, что, будь его воля, он перевешал бы всех здешних язычников; кавалер обучал своих собак охоте на индейцев. Собак канарской породы, натасканных на ловлю беглых рабов. По пути в Индии он за большие деньги купил трех таких псов на Канарских островах.

Но дона Алонсо де Охеду Диего боялся. Боялся, как грома небесного, боялся, как самого Мабуйю. А ведь дон Алонсо был весьма любезен, он не оскорблял и не высмеивал Диего, он подолгу его расспрашивал о нравах и обычаях Острова Людей. И все же белозубая улыбка этого человека приводила Диего в содрогание, а его голос (говорил он с хрипотцой, тихо, но очень внятно) замораживал в жилах кровь.

А время шло. Миновала сырая зима, наступил сухой и теплый март, и злые духи, ворча и огрызаясь, ослабили свою хватку. Но стало еще голоднее, адмирал повел свое двуногое стадо на подножный корм в страну Сибао. Это был мирный поход, и индейцы везде встречали христиан как родных братьев. В Сибао адмирал заложил крепость и оставил в ней небольшой отряд. Командиром же его назначил дона Педро Маргарита. Диего — а он сопровождал адмирала и вел переговоры с разными вождями — ничего хорошего от этого арагонского петуха не ждал. Его лишь радовало, что отныне одним исчадием Мабуйи будет меньше в Изабелле. Адмирал возвратился в свою мокрую ставку в хорошем настроении.

— Теперь, — говорил он, — дела у нас пойдут. Индейцы

нас любят, и они помогут сеньору Маргариту раздобыть в стране Сибao золото.

Прошла неделя, и от сеньора Маргарита прискакал в Изабеллу гонец с не очень приятными вестями: комендант крепости рассорился с окрестными индейцами.

В Изабелле слухи распространялись с быстротой молнии, и спустя полчаса после прибытия гонца Охеда ворвался в адмиральский домик, по пояс ушедший в черную грязь.

— Не смею советовать вашей милости, но полагаю, что если бы вы послали в Сибao меня, то вскорости тамошние жители стали бы кроткими, как овечки.

— Сколько вам потребуется людей?

— Нашим бездельникам и ленивцам не повредит прогулка в Сибao. Чем больше их уйдет со мной, тем легче, ваша милость, будет вам. Мне понадобится сотни четыре длинных мечей, а управлюсь я недельки за полторы.

— Я надеюсь, дон Алонсо, что вы воздержитесь от напрасного кровопролития.

— Воздержусь, ваша милость, клянусь честным крестом, воздержусь! По мере возможности, разумеется.— На дочерна загорелом в недавнем походе лице Охеды блеснула улыбка. Дерзко оскалив сахарно-белые зубы, он добавил: — Коли овцы целы, волки не сыты. А наши волки не прочь забраться в здешние овчарни. Для этого, ваша милость, они и пошли с вами за море-океан...

Затем, покинув адмиральскую резиденцию, Охеда разыскал Диего.

— Ты,— сказал он племяннику Гуабины,— хвалился, что стал в Кастилии лихим наездником. Так вот, дам я тебе доброго конька, и завтра поедешь со мной в Сибao. Толмачом. Что с тобой? Ты, я вижу, недоволен? Клянусь честным крестом, это будет веселая прогулка. И компания у нас с тобой окажется отменной.

Прекрасны берега Эспаньолы, но еще прекраснее ее привольные долины, которые отгородились от моря цепью зеленых гор. Едва заметная тропа сперва пробивается через непролазные чащобы, затем медленно поднимается по крутому склону в прохладное густолесье. Исчезают гуанабаны, мамеи и разные пальмы, исчезают могучие сейбы с их длинными моховыми бородами, тропа вьется под сенью столетних дубов и вязов, а затем вступает в косматый сосновый бор.

Огромные сосны провожают ее до самого перевала, до голого скалистого гребня. За перевалом тропа спускается в земной рай.

От края до края тянется широкая равнина с кудрявыми перелесками, золотыми пятнами возделанных полей, голубыми жилами рек.

Бесчисленные ручейки сбегают с гор в изумрудную долину, ветерок колышет волнистую траву, сочную и пахучую, далеко на горизонте курятся сизые дымки — там в белой кипении садов и рощ прячутся людные селения.

Полсотни конников в колонне по два рысят по узкой дороге, за конниками шагают пехотинцы в желтых и красных куртках. У всех на головах железные шлемы, у всех высокие сапоги, но шпоры только у конников, и только у них длинные пики и копыя. Зато у тех, кто идет в пешем строю, оружие дальнего боя — арбалеты и аркебузы. А в арьергарде дюжие молодцы несут тяжелые ломбарды.

Охеда со своим неизменным помощником — одноглазым кавалером доном Хоакином ехал во главе отряда и ни на минуту не отпускал от себя Диего. Переправились через широкую реку. Вступили в небольшое селение. Въехали на пыльную площадь — здешний бате́й.

Касик этого селения и его приближенные вышли навстречу и преподнесли вождю бледнолицых щедрые дары. Вождь молча их принял. А затем сказал Диего:

— Спроси касика, почему он обидел наших людей. Несколько дней назад его люди раздели трех христиан и завладели их одеждой. Я хочу знать, где эти тряпки.

Касик с изумлением выслушал Диего и развел руками:

— Не пойму, о какой одежде и каких христианах говорит великий вождь бледнолицых. Мы не видели никаких христиан.

Диего перевел Охеде слова касика. Маленький рыцарь, перегнувшись через седло, шепнул своему помощнику — тощему кавалеру с черной повязкой на глазу:

— Меня ничуть не удивляет такой ответ. Никаких христиан никто не раздевал, но ведь подобное в конце концов могло случиться если не здесь, то где-нибудь в другом месте. А коли так, то у нас есть повод для справедливого возмездия. Прекрасный повод. Мы ведь не разбойники и мечи без повода не обнажаем.

Касика схватили, одноглазый дон Хоакин надел на него цепи. Схватили его приближенных, — цепи нашлись и для них. Все это было проделано в мгновение ока. Индейцы — а их немало столпилось на батее — обратились в бегство. Но нашелся смельчак, который попытался разъяснить вели-

кому вождю, что, по всей видимости, произошло какое-то печальное недоразумение. Диего передал его слова Охеде.

— Ах вот как, этот наглый ублюдок пытается замести следы. Взять его!

Индейца взяли и подвели к Охеде. Охеда взмахнул мечом и отрубил ему левое ухо. Снова взмахнул и отрубил правое. Выхватил у соседнего конника пику и наколот на нее уши.

— Забить мерзавца в колодки. Коннице остаться на месте, пехоте рассыпаться по селению. Очистить хижины, затем их поджечь.

Через час отряд Охеды с богатой добычей и закованными в цепи пленниками вышел в путь. Клубился над селением черный дым, ветер нес в лицо горячий пепел.

Диего, понуриив голову, ехал позади Охеды. Ела глаза горькая мгла, и из глаз текли слезы. Поход продолжался, христианское войско не спеша двигалось на юг.

В Изабелле разгрузили трофеи. Адмирал приказал: съестные припасы, взятые в походе, раздать колонистам. Пленников помиловать.

Волки насытились. Это были цветочки, говорил Охеда в кругу своих боевых соратников. Ягодки еще впереди. А сушеные уши он привязал к поясу. Пару сушеных ушей из земли Сиао.

К земле Начала и Конца

Имя свое Диего получил не случайно. Так назвал его адмирал в дни первого своего знакомства с обитателями новооткрытых земель, а много месяцев спустя, уже в Барселоне, оно освящено было торжественным крещением.

Адмирал, однако, случайностей не признавал. Во всем он усматривал волю святой троицы, везде видел указующий перст провидения. В Кастилии осталось у него два сына: первенец — четырнадцатилетний Диего, сын законный, и младший отпрыск — пятилетний Фернандо, мать которого в браке с адмиралом не состояла.

Диего рос сиротой, его мать умерла восемь лет назад, и судьба мальчика постоянно беспокоила адмирала. Беспокоила и в ту пору, когда «Санта-Мария» плавала у берегов Гуанахани и когда на ее борту оказались первые пленники. Ягуа стал тезкой его старшего сына. В этом адмирал усматривал мистический смысл. Никаких обязательств подобное совпадение имен на адмирала не налагало, да и настолько одоле-

вали его всевозможные заботы, что иногда он забывал о родных своих сыновьях. И тем не менее адмирал все же считал себя в известном долгу перед святой троицей. Он редко расставался с Диего, порой беседовал с ним и не давал его в обиду.

И кроме того, Изабелла была ничтожным островком в необъятном индейском море. Индейцы окружали адмиральскую резиденцию со всех сторон, индейцы внушали адмиралу смутные тревоги — их намерений и замыслов он понять не мог, языка их он не знал.

— Где Диего? Пошлите за Диего! Ради бога, найдите его немедленно! — поминутно требовал адмирал, и Диего отыскивали, Диего приводили к адмиралу, Диего объяснялся с послами всевозможных касиков, Диего советовал, Диего разъяснял, Диего помогал. Диего, и только он, мог истолковать слова и поступки окрестных индейцев.

И Диего предостерегал:

— Мы очень-очень терпеливы, — не раз говорил он адмиралу. — И добрые, и злые мы не помним, но если нам будут резать уши и жечь наши бохио и уводить наших жен, то не хватит у нас терпения. Зачем так делать, зачем нас обижать?

Слух у адмирала был отличный. Но он прекрасно знал, что его людям нужно золото и что им не в пример легче отобрать его у индейцев, чем собственными руками добыть в россыпях. И им проще было отнять у беззащитных язычников бататы, кассаву и маис, чем самим сеять и жать кастильскую пшеницу или кастильский ячмень.

И имеющих уши не слышал. Диего говорил, а адмирал перебирал янтарные четки, лицо его было также бесстрастно, как у беломраморных святых в кастильских кафедральных соборах.

Так или иначе, но Диего был нужен адмиралу, обойтись без Диего он не мог. Особенно рассчитывал адмирал на Диего в дни новой морской страды, которая началась сразу после того, как головорезы сеньора Охеды возвратились из Сибао.

Адмирал готовил экспедицию в страну Великого хана. Теперь он мог на время покинуть свою мокрую резиденцию. Охеда, очистив индейские закрома, досыта накормил всю христианскую колонию. Апрельское солнце подсушило болота и трясины, демон лихорадки уgomонился и оставил колонистов в покое.

Полтора года назад поиски Великого хана не увенчались успехом. Дон Луис тогда не отыскал этого неуловимого влас-

тителя, но адмирал не сомневался, что дорога в Катай была открыта в ноябрьские дни 1492 года. Он был убежден, что Куба — это неотъемлемая часть империи Великого хана. И к берегам Кубы он задумал повести свои корабли.

За неделю проконопатили, просмолили и заново оснастили три каравеллы. В день святого Фиделия-мученика, 24 апреля 1494 года, адмирал вывел эту флотилию из гавани Изабеллы и взял курс на запад.

Разумеется, он захватил с собой Диего. Диего, к сожалению, не знал языка, на котором говорят в Катае, но зато он мог объясняться с соседями Великого хана, у которых он побывал с доном Луисом. А коли так, то ему легко было проведать путь в города Катая.

Дон Луис спал вечным сном в том краю, где травой забвения зарастали руины форта Навидад. Но жив был Родриго, а он вместе с Диего и доном Луисом ходил на поиски Великого хана, и, естественно, адмирал прихватил его с собой, управляясь в страну Катай.

Вспомнили и про Гуакагану. Всю зиму он томился в Изабелле, томился и страдал, потому что бледнолицые дьяволы как зеницу ока берегли жалкие остатки кастильских вин и гнали его прочь, когда он страстно молил дать ему хоть глоток, хоть каплю пьяной воды.

— Пожалуй, надо отпустить его домой, — сказал адмирал в канун отплытия. — Ведь мы по пути зайдем к королю Гуаа-нагари.

И Гуакагану взяли на корабль. Родриго обещал подарить ему на прощание маленький бочонок вина, и Гуакагана сразу же вознесся на седьмое небо.

И вот зловредная, сырая, грязная, голодная, ненавистная Изабелла скрылась за высоким носом, белокрылый корабль рассекает зеленую гладь, за ним тянется пенистый след, ветер надувает паруса, и грудь дышит вольным, чистым соленым воздухом.

Диего в восторге, Диего весел и рад, хотя корабли идут не на север, к Островам Людей, а на запад, в какой-то Катай. И не подозревал он, что о нем и об этом плавании любопытнейшие подробности мир узнает через триста шестьдесят два года, когда в Гранаде выйдет в свет «История Католических королей» дона Андреса Бернальдеса, его покровителя и друга. Не суждено было Диего повидать после этого путешествия дона Андреса, но зато не раз приходилось дону Андресу встречаться с адмиралом, и со слов адмирала записал он

осенью 1496 года историю поисков Великого хана в кубинских водах...¹

Остались позади владения Гуаканагари, уплыла в сторону солнечного восхода прекрасная Эспаньола, и три корабля подошли к скалистому мысу — самой восточной оконечности Кубы. Мысом Альфы и Омеги, мысом Начала и Конца, называл ее адмирал.

— Это предел Востока, это край Азии, — сказал он гордо. — Здесь начинается страна Катай, империя Великого хана. В девяносто втором году мы видели ее северные берега, теперь от этого мыса мы пойдем вдоль южного берега, и да поможет нам святая троица отыскать гавани Катая — Зайтон и Кинсай, в которых некогда побывал Марко Поло.

Странно, очень странно. Этот южный берег тянется параллельно северному, и расстояние между ними не ахти как велико. Правда, берег чуть заметно отклоняется к югу. Стало быть, выступ катаянской суши расширяется, а это недурной признак...

На берегах кубинской земли там и здесь рассеяны небольшие селения. Люди с кожей цвета бронзы, совершенно голые встречали корабли в море. Их легкие каноэ увивались за флотилией, как стайки рыбок за косяком кашалотов.

Они, эти кубинские индейцы, были приветливы и доверчивы. И о бледнолицых пришельцах расспрашивали Диего точно так же, как в свое время сам Диего расспрашивал Желтоголового, дона Луиса и Обмани-Смерть. От них Диего узнал, что на юге, неподалеку от Кубы, лежит очень большой остров Ямайка.

Адмиралу больше всего хотелось, ни на йоту не отклоняясь от заданного курса, идти строго на запад вдоль берегов Кубы, но соблазн был уж очень велик. И он повернул на юг, к этой Ямайке.

3 мая корабли подошли к ее берегам, и адмирал впоследствии говорил дону Андресу, что Ямайка «прекраснее всего, что человеческие очи до сих пор видели». Эта новая земля с борта корабля казалась сплошным садом, и на ее берегах было великое множество хороших бухт, а в глубине острова вздымались

¹ Свыше трех столетий несколько копий рукописи «Истории Католических королей» странствовали по разным кастильским архивам. Современники дона Андреса и их внуки и правнуки не удосужились издать этот труд, на свет он появился только в 1856 году. Кубинское плавание адмирала описано было также Бартоломе Лас-Касасом в его «Истории Индий». Но и этот труд вышел из-под печатного станка спустя 309 лет после смерти автора — в 1875 году.

высокие горы. Горы бывают разные. Угрюмые и веселые, суровые и приветливые: Ямайку природа наградила Поясом Отрады, цепью прелестных ярко-зеленых гор, прорезанных широкими долинами.

Однако здешние индейцы были очень осторожны. В первой же из бухт, куда пытался проникнуть адмирал, навстречу ему вышло с полсотни довольно больших каноэ. Люди в каноэ потрясали дубинками, явно не желая впускать пришельцев в свою гавань. Вид у них был грозный — лица и тела в саже, на головах огромные пучки зеленых и желтых перьев.

Диего сказал адмиралу:

— Прикажете, ваша милость, спустить шлюпку. Я пойду на ней и объясню, что мы не хотим этим людям зла.

Захватив связку бус и куски красного сукна, Диего покинул корабль. Он думал: полтора года назад в Заливе Стрел такая же встреча состоялась с карибами. Эти люди очень похожи на тех карибов. И лица у них вымазаны сажей, точно так же как у людей из Залива Стрел. Тогда он, Диего, поступил, как поступает гуаикан — рыба-прилипала: заманил в плен нескольких карибов. Ну а сейчас? Сейчас он опять будет хвалить бледнолицых и обманывать этих людей. Как был он гуаиканом, так и остался гуаиканом. Давно пора перекусить леску, на которой его держат бледнолицые...

Переговоры не увенчались успехом. Адмирал двинулся дальше. Но и в соседней бухте индейцы не пустили пришельцев на берег.

«А поэтому,— писал дон Андрес,— адмирал решил, что было бы неразумно оставить безнаказанной подобную дерзость... Он приказал снарядить в бой все три корабельные лодки, ибо каравеллы из-за мелей не могли добраться до того места, где находились индейцы. Чтобы ознакомить этих индейцев с кастильским оружием, наши люди на лодках подошли вплотную к берегу и выстрелили в них из арбалетов. И когда им хорошенько задали, их обуял страх. А люди наши высадились, продолжая стрельбу, и индейцы, видя, каким языком говорят с ними кастильцы, обратились в бегство: бежали мужчины и женщины стремглав, и вслед им выпустили с корабля собаку, а она кусала их и причиняла великий урон, ибо против индейцев один пес стоит десяти человек».

Взяли воду, взяли дрова. Привели на борт канарскую собаку. Таких собак Диего еще не видел в деле, всю ночь он не спал, вспоминая, как кидалась эта тварь на индейцев и как кричали женщины, которых она сбивала с ног. Дурные предчувствия не давали ему покоя. Страшно подумать, что натво-

рят эти псы, если их натравят против его земляков и сородичей дон Педро Маргарит и дон Алонсо де Охеда.

Адмирал же спал без сновидений. День прошел удачно, удалось раздобыть на берегу топливо и воду.

Наутро явились шестеро здешних касиков. Они вступили в мирные переговоры, и Диего снова от имени адмирала говорил, что бледнолицые очень славные и добрые люди и что зла никому они не желают.

Собаку посадили на цепь, касики велели своим людям принести бледнолицым бататы и кассаву. А затем корабли покинули бухту. Адмирал несколько разочаровался в Ямайке и велел возвращаться к берегам Кубы.

13 мая корабли снова подошли к Кубе и двинулись на запад вдоль ее южного берега. Сэр Джон Мандевиль и Марко Поло писали, что не то пять, не то десять тысяч островов рассеяны в водах Индий. А в день святого Бонифация-мученика, 14 мая, флотилия вступила именно в такой архипелаг. Сто шестьдесят четыре острова насчитал адмирал. На каждом огромные пальмы возносили к небу перистые кроны, каждый встречал корабли нежным ароматом летних цветов, а через синие прозрачные воды струился свет, и казалось, что этим светом лучится морское дно с бело-розовыми коралловыми лесами.

Пели птицы на разные голоса, цвели деревья, и весь этот архипелаг был подобен райскому саду. Садом Королевы назвал его адмирал, быть может полагая, что ее высочество может украсить собой и земной, и небесный рай.

С правого борта был берег Кубы. Там не раз высаживались моряки, и их неизменно сопровождал Диего. Обжигал ноги белый песок пляжа, такой же белый и такой же горячий, как родные пески в Бухте Четырех Ветров. Узкие тропы вели в лес, но это был странный лес с колючими зарослями, лишь кое-где попадались очень высокие и тонкие пальмы с длинными бледно-зелеными листьями.

— Спрашивай, где Катай, спрашивай, материк или остров эта Куба,— такие наказы что ни день давал Диего адмирал.

Однако с здешними индейцами объясняться было нелегко. Они никак не могли взять в толк, чего же от них хочет странный человек, который говорит на языке нормальных людей, но задает бессмысленные вопросы.

Кубинцы знали: живут они на большой земле, и казалось им, что в целом свете нет страны столь обширной. Их ответы убеждали адмирала, что он следует вдоль берегов необъятного Азиатского материка.

Так шли корабли много дней. А потом начались мели, и флотилия вошла в молочно-белые воды. Именно здесь Диего совершил великое открытие. И открыл он не новую землю, а вещего пророка, кубинского Иезекииля.

Все историки великих походов адмирала моря-океана писали об этом открытии. Они считали его одним из достопамятнейших событий кубинской Одиссеи прославленного мореплавателя.

Диего отыскал этого пророка в тихом селении, лежащем на берегу молочного моря. Отыскал и привел к адмиралу. Пророк был стар и мудр. И, беседуя с адмиралом, он дал ему совет: не причинять зла тем, кто тебе его не причиняет. Только в этом случае душа твоя попадет на том свете в светлую обитель, где царят мир, покой и радость.

«Все это,— писал Бартоломе Лас-Касас,— адмирал уразумел со слов индейцев, которых он вез с собой, а особенно из объяснений Диего Колона — индейца, крещеного в свое время в Кастилии и ныне сопровождавшего адмирала». А дон Андрес, говоря о встрече с кубинским пророком, подчеркнул, что Диего, передавая адмиралу вещие слова, проявил себя как «человек смысленный».

И вполне возможно, что устами пророка говорил сам Диего. Ведь от всей души он желал добра адмиралу и счастья своим землякам. Адмирал был глух к призывам Диего, но он невольно прислушался к ним, когда хитроумный сын Острова Людей вложил их в уста кубинского пророка.

Покинув селение пророка, адмирал двинулся дальше на запад. Слева оставался большой остров с высокими соснами, справа тянулся берег Кубы. Конца ему не было. Диего дознался, что по крайней мере сорок дней надо идти до края кубинской земли. Сорок дней на каноэ. У адмирала, однако, был свой счет, и он перевел в уме эти лодочные дни на дни корабельные. Сорок корабельных дней — это две тысячи миль.

А между тем корабли находились против острова Пинос, а по правому борту плыл к востоку низкий берег Кубы, омываемый водами мелкого залива Батабано. В полутора днях пути лежала западная оконечность Кубы — мыс Сан-Антонио. Не очень широкий пролив отделял этот мыс от полуострова Юкатана, земли весьма далекой от Китая и Великой Татарии.

К счастью для себя, адмирал этого не знал. Но глухие сомнения не давали ему покоя, и, чтобы заглушить их и убедить мир, что Куба не остров, он принял изумительное решение.

Ведал во флотилии чернильными делами скромный писарь, он же нотариус Фернан Перес де Луна. Адмирал вызвал

его в свою рубку и помахал перед его носом большим листом бумаги.

— Это, дон Фернан,— заявил адмирал,— очень важный документ. Своей рукой составил я свидетельство, правдивое и точное. Суть его такова: Куба, вдоль берега коей пройдено было нынче 333 лиги, не остров, а материк. Вы соберете у всех командиров и матросов подписи под этим свидетельством и подлинность его заверите своей собственной подписью.

— Простите, ваша милость,— пробормотал нотариус.— Мне не совсем понятно, с какой целью...

— До чего же вы бестолковы, дон Фернан,— процедил сквозь зубы адмирал.— Младенцу ясно: врагов у меня, что песчинок в этих ампулетах.— Он указал на большие песочные часы и, передавая бумагу в руки нотариуса, добавил: — Голос недругов моих доходит до их высочеств. Пусть же королева и король убедятся: сто моих соратников, сто лучших моряков Кастилии единодушно свидетельствуют, что прав я. Да, чуть не забыл: мало кто из них обучен грамоте. Будет много крестиков, а крестики, что кошки в ночную пору, все одинаковы. Извольте поэтому против каждого креста проставить имя.

И вот заверенное по всем правилам свидетельство возвращается к адмиралу. Адмирал прячет его в большую шкатулку, углы ее обиты светлой медью,— такие шкатулки в Кастилии называются *arcos de tres llaves* — ковчежцами о трех ключах,— и бесценный документ запирается на три замка.

Кто посмеет теперь усомниться в словах адмирала, кто осмелится утверждать, что Куба — остров!

Стало быть, можно возвращаться на Эспаньолу. Ведь плыть дальше нельзя: корабли дают течь, такелаж изнашивается, команды устали. Спору нет. Великого хана найти не удалось. Но путь к нему проведан, в том нет и не может быть никаких сомнений.

Курс на восток!

Все довольны, все ликуют. Доволен адмирал: доказано, что Куба — материк, довольны матросы: наконец-то взят курс на восток, наконец-то его милость решил возвратиться восвояси.

20 августа, на сто семнадцатый день плавания, снова побывав на Ямайке, флотилия вошла в воды Эспаньолы, а 29 сентября корабли, обойдя остров с юга, отдали якорь в гавани Изабеллы. Злосчастной Изабеллы, которая ждет не дождется, чтобы обрушить на адмирала сквернейшие вести...

Бегство на Итаку

«Ягодки впереди». Так возвестил в свое время дон Алонсо де Охеда. И его пророчество сбылось. Пока адмирал искал между Ямайкой и Кубой Великого хана, они, эти ягодки, созрели на Эспаньоле.

Знатный кавалер дон Педро Маргарит бросил свое войско и своих канарских собак и бежал в Изабеллу. Там он не задержался. В гавань пришли корабли с провиантом из Кадиса. Они разгрузились и отправились обратно в Кастилию. На одном из них пристроился доблестный арагонский рыцарь.

Волки, лишившись вожака, разбрелись куда глаза глядят. Но из крепости они уходили не в одиночку. Урок форта Навидад пошел на пользу. Небольшие своры головорезов гуляли по острову. Зарево пожаров занялось над Эспаньолой.

Разумеется, и Охеда не сидел сложа руки. В долине Бега-Реаль он приказал утопить в реке три сотни пленников. В Сибао он и одноглазый дон Хоакин обертывали женщин и детей соломенными жгутами, а затем поджигали эти живые факелы. Канарские псы выслеживали беглецов в лесах и горах. Сам Охеда сбился со счета, прикидывая, скольких язычников растерзали эти псы-людоеды.

Да, ягодки созрели к возвращению адмирала.

Сразу же после прибытия в Изабеллу адмирал слег. Пять месяцев пролежал он в своем сыром доме, вторая зима была такая же мокрая, как и первая.

Доктор Диего Альварес Чанка был сведущим лекарем. Но он успешно лечил лишь кастильские недуги: чахотку, водянку, запоры, прострелы. Как подступиться к здешним болезням, он не знал. И быть может, отдал бы богу душу адмирал, если бы не пришел на помощь доктору Чанке ученик великого Гуаяры.

Желтоголовый, Родриго и Обмани-Смерть под надзором Диего собирали в ближних лесах целебные травы. Настаивал и варил их Диего, он же давал настои и отвары адмиралу.

На смену девяносто четвертому году пришел девяносто пятый. В январе адмиралу стало легче, в феврале он уже свободно ходил по дому, в начале марта доктор Чанка разрешил ему прогулки по грязному пустырю, который примыкал к адмиральской резиденции и почему-то назывался садом.

9 марта, в канун дня сорока мучеников, адмирал созвал большой совет. Диего к мужам этого совета не был причислен, но он сидел в соседней комнате, а стены в доме были тонкие.

Маленький рыцарь доложил совету о своих успешных походах.

— Я усмирил, — с гордостью заявил он, — три провинции. Там нынче тихо и спокойно. — Он весело улыбнулся, очень уж хотелось ему добавить, что спокойно там, как в могиле. — Я выжег змеиные гнезда, я истребил мятежников. Однако в земле Магуане и в провинции Магуа язычники бунтуют, и их предводитель касик Каонабó собрал немалое войско. У меня осталось триста десять человек, со столь малыми силами пу- скаться в новые походы рискованно...

Затем взяли слово другие капитаны, и все они хвалились своими подвигами и требовали решительных мер для обузда- ния мятежников.

Адмирал говорил последним:

— Я прибыл сюда, дабы ввести в лоно истинной веры здешних индейцев и спасти их души. Так действовать пове- лела мне наша королева. Но ее высочество неоднократно нака- зывала мне: «Не забывайте, казна нуждается в золоте, а зо- лота в Индиях много. Добыть его ваш долг». Но как испол- нить веление ее высочества, если этот остров ввергнут в смуту, если индейцы от нас бегут и против нас бунтуют. Знаю, во многом виноваты мы сами, но перед короной Кастилии я в не- оплатном долгу.

Святой троницей клянусь, не желал и не желаю я обнажать меч. Однако выхода у меня нет. Я обязан погасить пламя мятежа. И я поведу всех, кто способен держать в руках ору- жие, в Магуану и умиротворю бунтарей.

На следующий день, а был это день сорока мучеников, ад- мирал долго гулял по своему «саду». Часов в шесть вечера он вернулся в дом. В семь Диего обычно приносил свой чудодей- ственный отвар. В семь он не явился, не пришел и в восемь. Адмирал приказал разыскать его.

Обычно Диего ждать себя не заставлял, но на этот раз Об- мани-Смерть и Желтоголовый дозваться его не смогли.

Обеспокоенный адмирал распорядился во что бы то ни стало найти Диего. Осмотрели все селение, прочесали с фона- рем опушку леса, но Диего и след простыл. Не объявился он и назавтра. А два дня спустя Желтоголовый заметил у изно- жия адмиральской постели клочок бумаги. Вероятно, он при- креплен был к стене и сорвался с гвоздя вчера или позавчера: бумажку успели изрядно затоптать.

Крупными буквами на этом клочке выведено было четыре слова: «Не могу. Ухожу. Прощайте».

— Не ищите его, — сказал адмирал, расправляя примятый край бумажки. — Видит бог, он прав.

Всю ночь адмирал провел без сна. Обмани-Смерть — а он этой ночью дежурил у порога адмиральского покоя — слышал, как многократно адмирал повторял одни и те же слова: *mea culpa, mea maxima culpa*¹.

Диего не вернулся.

Ночное небо ясно, и Полярная звезда мигает над горизонтом в четырех пальцах от опрокинутого ковша Большой Медведицы. Легкий ялик скользит под парусом, ветер дует с запада, и ялик курсом бейдевинд идет на северо-запад. Там, в теплом море, за грядой больших и малых островов, дремлет в полуночной мгле Остров Людей — Гуанакани.

В ялике тыква с водой, корзинки с бататами и лепешками кассавы, окорок, связка бус и мешок, в котором нежно позванивают кастильские колокольчики. Бусы — для Каоны, колокольчики — для детей из рода Гуабины.

В ялике свисток, карты, растрепанный томик кастильской грамматики Антонио Лебрихи, циркуль, аркебуз, дюжина ножей, пять железных топоров, медный кухонный котелок. Это все — для себя и для ближайших друзей, в первую очередь для великого вождя Гуабины.

Море спокойно, но не спокойна душа. Не так уж трудно похитить ялик и тайком погрузить в него разные разности. Куда труднее бежать от самого себя. Ведь человек, ловко управляющийся с косым латинским парусом, сидит у руля в полосатом толедского сукна камзоле, по-кастильски думает о звездах, ветрах и течениях, читает карту и ест трианский окорок, уже не тот Ягуа, который два с половиной года назад встречал белокрылые корабли у Бухты Тишины.

На его подошвах испанская земля, а это не только земля боцмана Чачу или дона Алонсо де Охеды. Это земля дона Луиса. Часть его сердца осталась там, в селении Лос-Паласиос, в Севилье, в Барселоне, и никогда не сможет он забыть оливковых рощ и лимонных садов Андалузии, перезвона соборных колоколов, широкого Гвадалquivира, печальных кастильских песен, пыльных кастильских дорог.

Адмирал... Великая душа, светлый разум у этого избранника христианских богов. Но до смерти жаль его, ведь он пленник собственных страстей, и рано или поздно исчадия Мабуьи, которые его окружают, доведут его до большой беды.

¹ Моя вина, моя великая вина (латин.).

И еще: есть ли здесь, в Индиях, такой уголок, где до конца своих дней ты смог бы прожить, ничего больше не ведая о людях из стран Восхода?

Сегодня ты бежал от них, сегодня ты нашел приют на Острове Людей, но завтра белозубый рыцарь Охеда отыщет твоё убежище, и над Бухтой Четырёх Ветров запылает пламя, а желтые канарские собаки будут в клочья рвать твоих братьев и сестер.

Спасешь ли ты свой народ от христиан? Вряд ли. Ведь Остров Людей беззащитен и на Острове Людей не знают, на что способны бледнолицые.

Парус заполоскало, и Диего уклонился под ветер. Ялик, рассекая острым носом тугую волну, резво помчался в ночь к далекой Итаке, которая успела позабыть своего Одиссея.

Итака встречает Одиссея

*Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
Всех он утратил...*

Одиссея

С вечера Гуаяра собрался на рыбную ловлю в Бухте Тишины. Шел он туда неохотно. Мало радости ставить невод и верши, коли Мабуя посылает с тобой злоязычную Каону, бывшую невесту Гуакана младшего, а от нее отвязаться никак невозможно. Да, прошли те счастливые времена, когда великий жрец ходил в море один, когда рыба сама шла в сети — ее не отпугивали крикливые духи, которые сидят в Каониной глотке.

Супруги вышли в путь на заре. Миновав Озеро Духов, они углубились в лес, по едва заметной тропе пересекли густую чащу, выбрались на опушку и спустились к берегу.

Дул ветер, крепкий ветер со стороны восхода, и море злобно ворчал у белых скал, а скалы плевались сердитыми брызгами.

Гуаяра говорит:

— Ветер больно силен. Ловля плохая.

— Гуаяра — ленивый чурбан, Гуаяра — трус. Мне стыдно. Не за него, а за себя. Позор жить с таким мужем.

Великий жрец покорно вошел в воду и подогнал каноэ к берегу. Погрузили невод. Каона взмахнула гребками, и лодка нехотя тронулась в путь.

Каона Вторая гневалась. Ей не по душе было бурное море, она знала, что Гуаяра прав: «При таком ветре безумие идти на лов, но надо же показать этому мудрецу, кто хозяин в его доме».

Каона Первая все утро возилась с маленьким Ягуа. Третий год пошел ее сыну. Сыну, который никогда не видел отца. Каона учила малыша выкапывать ямки острым коа. Внук старого Гуакана вчера принес пять маленьких коа и дал их Ягуа. Внук старого Гуакана часто, пожалуй слишком часто, навещает этот каней. Злые языки плетут невесть что, но Каона пока не собирается замуж. Нет, она ни на что не смеет надеяться: тридцать лун прошло с тех пор, как бледнолицые увезли Ягуа. Гуабина давно перестал его ждать, он как-то сказал:

— Мальцу нужен отец. Гуаканов внук — рыболов хоть куда, и руки у него ловкие.

Гуабина желает Каоне добра, но ей кажется, что только вчера всадила она топор в акулу, которая едва не погубила Ягуа.

— Не обижай любимую собаку нашего старшего сына,— сказала она в то утро.

Нет собаки, нет большого Ягуа, но есть сын. Вот он стоит рядом. Лобастый мальчишка, руки у него в земле, одно коа он уже успел сломать. Гуабина не позабыл о бледнолицых пришельцах, но думает о них все реже и реже. Три луны назад люди с соседнего острова сказали, будто где-то в полдневной стороне объявилось много больших белокрылых каноэ. Должно быть, так оно и есть. Однако пока что добрые духи берегут Остров Людей: на острове живут, как жили до прихода бледнолицых.

А вот будут ли жить так завтра? Стоит ли, однако, расстраивать душу и гадать о том, что случится в будущем? Пришла пора сажать маис, надо вывести на кануко людей. Мало-вато рыбы, но с рыбой придется подождать, море неспокойное. В селении, хвала тем же добрым духам, тишь да гладь. Гуакан-младший уgomонился, старого Гуакана недавно отправили в страну Коаиваи. Плохо обстоит дело с Гуаярой. Жрецам нельзя брать жен в свое бохио. Духи отворачиваются от таких жрецов, они любят одиноких волшебников. И вообще этот Гуаяра дурной человек. По его вине мы потеряли Ягуа. Потеряли навсегда.

Грести против ветра трудно. Гуаяра сменяет Каону. Каона сменяет Гуаяру, у обоих стонут плечи и руки, а толку мало.

Каноз пляшет на пенистых гребнях и едва-едва подвигается вперед. И невод пуст.

На море не очень плотный туман, солнце просвечивает через него, но оно очень тусклое и ленивое.

— Гляди,— Каона толкает Гуаяру гребком.— О Мабуйя!

Со стороны восхода идет белокрылое каноз. Гуаяра протирает глаза, но видение не исчезает, оно приближается и очень быстро, попутный ветер гонит его к берегу.

Тридцать лун назад на рассвете Гуаяра в этих же местах увидел нечто подобное. Но тогда было три белокрылых каноз, больших и высоких, а сейчас в сторону заката мчится одно каноз, и оно маленькое и низкое.

У Гуаяры глаза не очень зоркие, но Каона уже успела разглядеть, что в белокрылом каноз сидит чужеземец. Плечи и грудь у него прикрыты полосатой тряпкой.

И вдруг Каона вскрикивает. Пронзительно, жалобно, отчаянно. Гуаяра напрягает зрение и видит: под белым крылом стоит Ягуа. Да, сомнения нет, это он, племянник Гуабины, ученик великого Гуаяры. Гуаяра шепчет заклятия, Гуаяра делает магические знаки пальцами правой руки, но призрак не желает рассеяться.

Ягуа или его тень, сбежавшая из страны Коаиваи, проносятся мимо, он что-то кричит Гуаяре и Каоне. Мгновение — и он исчезает в тумане.

Ветер восточный. Диего на ветре огибает с юга Остров Людей. Уверенно ведет он ялик вдоль западного берега, стороной обходит рифы у входа в Бухту Четырех Ветров и причаливает к берегу как раз в том месте, где некогда высадился на гуанаканханийскую сушу адмирал моря-океана.

В бухту сбегается весь остров. Неожиданного пришельца ощупывают со всех сторон: неужто добрые духи вернули Ягуа, неужто жив он и невредим? Даже Гуабина тянет его за волосы, расчесанные на кастильский манер. А Каона Первая и единственная говорит:

— Смотри, вот он, наш старший... гляди — у него твой лоб, твои глаза, твои уши.

Одиссей вернулся на Итаку.

Гибель Илиона

Одиссей вернулся на Итаку. К родному очагу. К Пенелопе. К своим землякам — мореходам, рыбакам, пахарям, волопасам. Счастливый конец повести о хождении странника по морю.

Можно и эту повесть завершить отрадно и счастливо. Стоит только оборвать ее на этом месте. Но как ни велик подобный соблазн, сделать это невозможно. Нашей Одиссее уготован скорбный финал «Илиады».

От Итаки, хвала богам Олимпа, было далеко до Илиона. Но Гуанахани лежал у берегов Нового Света, на большой морской дороге, ведущей туда из Европы. На дороге, которую проложили кастильские данайцы. На дороге в новую Трою, судьба же ее была злее и горше судьбы Приамова града.

...Шел 1507 год. За пятнадцать лет многое изменилось в подлунном мире. Пожалуй, никогда еще до этого река истории не мчалась в будущее с такой бешеной скоростью. В 1498 году, спустя шесть лет после открытия первой земли Нового Света, обретен был новый путь в Индию. Суровый капитан Васко да Гама привел свои корабли в Малабар, португальские рыцари удачи подобралась к воротам Дальней Азии.

Море-океан пересекали флотилии белокрылых кораблей. Адмирал открыл берега великого материка — Южной Америки. Адмирал вернулся на Эспаньолу. Адмирала сместили и доставили в цепях в Кастилию. С адмирала (так приказала королева) цепи сняли, но послали его не на Эспаньолу, а в новое плавание. Адмирал открыл страну Гондурас и Панамский перешеек. Адмирал вернулся в Кастилию, умирающая королева о нем не вспомнила. И адмирал скончался.

Его высочество король Фердинанд пребывал в добром здравии, равно как и верный слуга короны дон Хуан де ФONSEКА. Он был уже не архидиаконом, а епископом и по-прежнему вел дела всеми заморскими делами.

Дела же эти шли прекрасно. Открыто было множество больших и малых островов, и хоть пока не оправдались надежды на обретение несметных залежей золота, но земли в Индиях оказались богатыми и за море удалось сплавить немало беспокойных искателей лучшей доли, а от этого безопаснее стали кастильские дороги да и казне была польза: пятую часть добычи урывала она у лихих переселенцев.

Индейцев вешали, сжигали на кострах, травили собаками. Индейцы гибли на плантациях, гибли в золотых рудниках. На Эспаньоле их осталось мало, но эти Индии не имели ни конца ни края и индейцев было великое множество.

Бездонная трясина давным-давно съела былую резиденцию адмирала — горе-городок Изабеллу. Новая столица Индий — Санто-Доминго лежала на юге острова Эспаньолы, в том месте, где в море впадает капризная река Осама. Столица была моло-

да и прекрасна. Прекрасна по замыслу. На плане, старательно расчерченном, украшенном ангельскими ликами и геральдическими фигурами, широкие улицы пересекались под прямыми углами, просторные площади вписывались в строгую сеть, здесь и там чернели квадраты грядущих церквей, дворцов, кафедрального собора, тюрьмы.

В натуру геометрическую фантазию воплотить не успели. За недосугом, да и не хватало рабочих рук. Добрые христиане не желали мारаться в известке и набивать мозоли, а индейцев извели под корень. На грязных, заросших буйными травами пустырях, словно грибы после дождя, вспучились землянки, шалаши, глинобитный собор едва успели подвести под соломенную крышу, дворцов же в городе не было. Его милость дон Николас де Овандо, командор ордена Алькантары и правитель Индий, обитал в подслеповатом каземате, который приличия ради величался замком. Впрочем, тюрьму все же выстроили. Без нее никак нельзя было обойтись.

Ночью по городу никто не ходил. Ночь была во власти ма-родеров, по утрам же альгвазилы дона Николаса вылавливали в мутных водах Осамы мертвые тела. Без исповеди, без покаяния отходили в лучший мир жертвы ночных разбоев. С ножом в спине, с разбитым теменем, удавкой на шее.

«Пегий Конь» стоял впритык к га́ванским складам. «Конь» по щиколотку погрузился в жирную хлябь, шаткие мостки вели к двери, прорубленной в щелистой дощатой стене. Надвигалась воскресная ночь, чрево «Коня» бурлило, рябой кабатчик сбивался с ног, гася неутонимую жажду клиентов. Ближе к стойке разместилась небольшая и на диво тихая компания. Пять кавалеров, у одного из них — был он главарем этой пятерки — левый глаз прикрывала черная повязка.

Человек, ради которого собралась эта компания, запаздывал. Он пришел незадолго до полуночи. Пришел один и, направляясь к поджидавшим его людям, сказал кабатчику:

— За углом мертвое тело. Какой-то пес хотел пырнуть меня ножом. Убери падаль, стражники начали обход, тебе и без них забот хватает.

Его хорошо знали, этого маленького человека в берете, на-двинутом на правую бровь. И он знал многих и многим дарил улыбки. Кто знает, улыбаются ли волки, но если улыбаются то именно так дерзко и белозубо.

Да, не только «Пегий Конь», но и вся Эспаньола отлично знала дона Алонсо де Охеду. Помнили и его походы в Сибао, тогда с ним стремя в стремя скакал дон Хоакин — одноглазый кавалер с черной повязкой. Помнили и другое. В девяно-

сто девятом году Охеда снарядил несколько кораблей и по следам адмирала отправился в дальнее плавание. Он открыл страну Венесуэлу и привез оттуда жемчуг и золото.

Затем исчез, говорили, будто кто-то видел его в Севилье, а сейчас опять появился на Эспаньоле. Делать ему здесь вроде как бы и нечего: остров покорен, земли розданы достойным христианам, индейцев осталось мало, да и что с них взять, коли душу из них трясут уже шестнадцатый год.

«Пегий Конь» затих. Все навестили уши: ведь неспроста пожаловал сюда в ночную пору дон Алонсо, любопытно, о чем он будет говорить с доном Хоакином и его друзьями.

Однако маленький рыцарь молчал. Прихлебывая ядреное вино, он слушал своих собутыльников. А их речи соседям были неинтересны. Всем приелись вечные жалобы на собачью заморскую жизнь. Землю дали, дали и язычников, голов по тридцать на каждого поселенца, а что толку, если эти нехристидохнут, как мухи. Еще годика три-четыре назад можно было пригнать в Санто-Доминго сколько угодно индейцев из дальних областей, но сейчас и там их нет, а плантации не расчищены, работать на них некому, в кошельке пусто, и вообще эти Индии не для белых людей.

— Клянусь честным крестом,— очень тихо проговорил дон Алонсо,— мне приелись эти бабы причитания. Рыцаря кормит меч, и я через дону Хоакина еще позавчера вам предложил: идите со мной в Дарьен. Места там неведомые, индейцы непуганные, золото мы отыщем. Ежели повезет, а мне везет всегда, через год вернемся в Санто-Доминго, и тогда нам море будет по колено.

«Пегий Конь» встрепенулся. Хоть едва прошелестели слова маленького рыцаря, но кое-что дошло сперва до ближних, а затем и до дальних столов.

— Дарьен, Дарьен. Он собирается в Дарьен. Он вербует охотников...

Завсегдатаи «Пегого Коня» сорвались с места, они вплотную обступили стол, за которым вел беседу дон Алонсо.

А маленький рыцарь встал, лениво потянулся и торжественно сказал:

— Сеньоры, благодарю за внимание, признателен за добрые намерения. Вижу, всем вам не терпится разузнать, куда я отправляюсь, и предложить мне свои услуги. Но вы мне не нужны. И прошу вас не мешать моей беседе.

Он улыбнулся, выхватил из ножен шпагу и вонзил ее в столешницу. Все молча глядели на эту длинную шпагу, следили за упругими колебаниями блестящего клинка. Все тише и мед-

леннее раскачивалась шпага и редел людской круг. Молча возвращались добрые христиане на свои места.

Дон Алонсо сел:

— Мне не нужны эти подонки, мне нужны вы. Все пятеро. На вас я могу положиться, с вами я съел не одну фанегу соли.— Он чутьчку помедлил и добавил: — Ну, а затем напомню вам слова покойного адмирала, да ниспошлет ему господь небесное вице-королевство, коли их высочества отобрали у него земное: золото — это совершенство, золото способно вводить наши души в рай.

Одноглазый Хоакин не без труда освободил шпагу дона Алонсо и протянул ее хозяину.

— Что и говорить,— проворчал дон Хоакин,— ваше предложение заманчиво: мы обнищали, мы обносились, мы забыли, какого цвета золото. И все же мы вынуждены отказаться. А почему, я вам отвечу как на духу. Мы все чистокровные идальго, но не первенцы, а младшие сыновья наших отцов. Нашим старшим братьям рано или поздно достанется клочок земли на родине. Нам — никогда. А мы сызмальства страдали по своей земле, нам и во сне и наяву грезились собственные поместья. Здесь мы их получили, и теперь синица в руках нам дороже журавля в небе. Достать бы нам индейцев, а о золоте мы и не помышляем. В Дарьене мы людей не раздобудем, и Дарьен поэтому не про нас.

— Жаль,— проговорил дон Алонсо,— очень жаль. Наши пути расходятся. На прощание я дам вам совет, и, клянусь честным крестом, совет этот неплохой. На Эспаньоле индейцы перевелись, это правда, но их полным-полно на Лукайских островах. И живут там мирные христиане, и о нас они знают меньше, чем мы о московитах или татарах. До островов этих неделя пути. Фрахтуйте корабль, и с богом в путь-дорогу. Да поскорее, не век же будут жить как у Христа за пазухой эти язычники. Живой товар здесь нужен многим...

Так, в один из воскресных дней осени 1507 года в корчме «Пегий Конь» предприимчивым и скорым на руку колонистам была подана мысль о походе на Лукайские острова. Ни слова не было сказано об Острове Людей, собеседники не помнили, что Гуанахани был первой землей, открытой великим адмиралом. Но остров этот был Лукайским, и отныне судьба его висела на волоске.

Сто пятьдесят лун — двенадцать с половиной лет — прошло с того дня, когда Диего отдал якорь в Бухте Четырех Ветров. На Острове Людей шум времени едва слышен, река исто-

рии течет медленно, она не знает ни крутых перепадов, ни бурных стремнин. Сто пятьдесят лун — это треть срока, отпущенного одному поколению. Младенцы становятся отроками, седеют зрелые мужи, в страну Коаиваи уходят глубокие старцы. Но по-прежнему в назначенное время сажают юкку и бататы, по-прежнему в тех же водах ловят макрель и тунцов, по-прежнему созывают вожди старейшин, чтобы обсудить на батее очередные дела.

Хвала светлым духам, остров живет в мире, воевать не с кем, длинноволосые карибы тихо сидят на своих полуденных землях, о бледнолицых лучше не думать, не стоит придавать значение тревожным слухам и внимать призывам и пророчествам Того, Кто Ел Хлеб Бледнолицых.

Страна Восхода смутила его душу. Он стал не таким, как все прочие Люди Острова. Вечно его одолевают заботы о позавтрашнем дне, он нетерпелив, он все стремится сделать не так, как это делалось испокон веков, он знает то, чего не следует знать, и докучает старейшинам своими советами. Как убедить этих беспечных слепцов, что беда надвигается на остров и что каждый день, прожитый в бездумной дреме, приближает час гибели. Железный топор мгновенно перерубает тростниковое копье-макану, но он застревает в крепкой связке макан. На Острове Людей по кастильскому счету пятьсот пятьдесят мужей, способных владеть оружием. Легче легкого изготовить гибкие луки, стянуть их тугой тетивой, напоить стрелы смертоносным соком дерева хикако, соорудить крепости в Бухте Игуаны и в Бухте Четырех Ветров, спрятать в дальних пещерах всевозможную снедь, собрать в укромных местах целые флотилии быстроходных каноэ.

Обо всем этом Диего говорит без усталости. Его выслушивают, его хлопают по спине, ему улыбаются, но вооружить он смог лишь семнадцать юношей, а запасы на случай войны заготовили только двое островитян: сам Диего и Гуаяра, великий жрец.

Нет пророка в своем отечестве, тем более нет его в своем доме. Проказник Мабуйя некогда привел Каону Вторую в каюну великого жреца, и с тех пор не Гуаяра, а тень его беседовала с духами. Тень тощая и пугливая, а радея богам, она то и дело опасно оглядывалась на грозную Каону. Безвозвратно прошли те времена, когда душа великого жреца воспаряла ввысь, вдохновленная горьким дымом кохибы. Нынче она уже не плясала на небесном батее и хозяин ее служил высшим силам без былого вдохновения. Лениво перекатывались камешки

в его погремушке-мараке, прохутились священные барабаны, кисли в грязных горшках целебные настои.

Строго-настрого запрещалось Гуаяре всякое общение с Диего. «Или я, или он» — так сказала вторая Каона, а слово ее — закон. Однако тайком великий жрец встречался со своим бывшим учеником. О чем они говорили, ведомо было лишь духам, и только они знали, что Гуаяра поил Диеговы стрелы смертоносным ядом, плел тетиву для луков и таскал юкку и сушеные плоды в какие-то пещеры.

Гуабина поседел, годы согнули его спину. Много раз спрашивал он Диего о бледнолицых и о Стране Восхода — Кастилии. Нельзя передать даже самому близкому родичу свои глаза и свои уши: не все, далеко не все понимал Гуабина, слушая Диего. Да и как понять непонятное. Зачем, скажем, поклоняются бледнолицые мертвому богу Христу, почему они так непоседливы и суетливы, так коварны и злобны. Всего у них вдоволь, но по какой-то причине они воюют со своими соседями и нет мира у них дома. Богу строят они канеи величиной с гору, в этих канеях поклоняются каменным земли. Их касики живут в огромных бохио, и в них топчется множество бездельников, которые не сеют и не собирают жатву, не ловят рыбу и не строят хижины, но зато едят и пьют за пятерых.

Да, прав был мудрый Гуабина, когда много лет назад сказал:

— Вчерашний день не вернется. Беда, большая беда неотвратима.

А племяннику отвечал так:

— Реку не повернешь вспять, сейбу не заставишь расти вверх корнем. Чему быть, тому быть, но тебе я не помеха.

Не помеха. И на том спасибо, а все же не ко времени нынче вожди мирного нрава. Жаль, ушел в Страну Вечных Теней касик из Бухты Игуаны, он-то понимал, что связка макан куда крепче беззащитной тростинки.

Диего давно уже покинул большое бохио Гуабины. Он зажил своим домом, его каней стоял на берегу Бухты Четырех Ветров. Первенец был пареньком хоть куда, рос он быстрее мамы-деревца, плавал как рыба-гуаикан, из лука стрелял метко, отца понимал с полуслова.

Досадно, но духи больше не посылали Диего и Каоне Первой сыновей. Подрастали две дочери, одной минуло шесть, другой пять лет, и обе пошли в мать, красотой их небо не обидело.

Маленькое войско обучалось ратному делу на песчаном берегу неподалеку от канея. Друзья Диего, младший внук ста-

рого Гуакана и некто Гуаскар, родич покойного касика из Бухты Игуаны, ходили в капитанах, чины были у них кастильские.

Часто с вершины высокой сейбы Диего и его капитаны обозревали окрестности. Все тихо, все спокойно, уж не наваждением ли были белокрылые корабли Сеньорадмирала?

Подкралась осень. Море сердито урчало у белых рифов, оно, как и прежде, было пустынно. И никто на Острове Людей не знал, что 28 октября 1507 года каравелла «Пять ран христовых» вышла из Сан-Доминго и взяла курс на север. В кормовой рубке пили отвальную пайщики лукайского предприятия. Первую чарку осушил глава компании — кавалер с черной повязкой на левом глазу.

Ранним утром Ягуа, сын Диего, вышел на берег. Вчера пронесся над островом ураган, Большая Соленая Вода еще не угомонилась, на дальние рифы набегали высокие волны, там и здесь вскипали пенные гребни. Солнце нехотя поднималось за спиной Ягуа, глаза оно не слепило, все на Соленой Воде было видно далеко вокруг. Кастильскую розу ветров Ягуа знал назубок. Юг, юг, четверть румба к юго-западу, юго-юго-запад, в той стороне лежат Акульки камни, и далеко за ними Ягуа приметил большую белую птицу. Должно быть, летела она на северо-северо-восток, летела не слишком быстро. И, только пристально взглядевшись в зыбкую даль, Ягуа сообразил: не птица это, а парус. К Острову Людей шел белокрылый корабль.

Поистине благой совет дал Алонсо де Охеда своим старым друзьям при встрече в «Пегом Коне». Охота на красноногих шла отлично. Лукайские острова оказались краем непуганых индейцев.

Отдавали якорь у берегов первого попавшегося острова. Пять-шесть христиан высаживались близ какого-либо селения. Раздавали индейцам бусы, колокольчики, красные колпаки. Приглашали язычников на корабль. Те шли, и, когда на палубе набиралось десять — пятнадцать голов, этих простаков вязали по рукам и ногам и бросали в трюм. И тут же поднимали якорь и отправлялись дальше.

«Пять ран христовых» — каравелла небольшая. От силы полтора-два десятка душ можно вместить в трюм — досадно, но что поделаешь. Сан-Сальвадор, он же Гуанакхани, был последним островом, куда одноглазый дон Хоакин повел корабль. Места в трюме оставалось немного, собственно говоря, его не было вовсе, и так нехристей набилось, как сельдей в бочку. Все же де-

сяток-другой пленников можно было всунуть в корабельное брюхо. Утром 8 ноября каравелла «Пять ран христовых» вошла в воды этого острова.

Операцию везде проводили так: один из помощников дона Хоакина на шлюпке шел к берегу. Тем временем десять человек занимали заранее намеченные места на палубе. У каждого за поясом была веревка. На всякий случай трое или четверо стрелков, вооруженных аркебузами, дежурили на тольдилье.

Дон Хоакин засиделся на корабле, и он решил сам отправиться на берег с партией загонщиков. Как обычно, экипаж шлюпки был мал — четверо гребцов и рулевой: ведь с обратным рейсом предстояло переправить как можно больше индейцев.

И вот под ногами горячий песок. На берегу ни души. А место высадки явно не пустынное, за недалей рощицей над крутым обрывом видна пальмовая крыша, на песке — следы босых ног.

Гребцы вынесли из шлюпки подарки, красные колпаки брошены на песок, приманка расставлена.

У дона Хоакина один-единственный глаз, дон Хоакин может и обознаться, но у всех прочих христиан по два глаза, и они видят: со стороны рощицы вышел человек в полосатом камзоле. В руках у него аркебуз, на голове шляпа с черным пером. Испанцы на Гуанакхани? Странно, очень странно.

Полосатый человек медленно подошел к дону Хоакину. Снял шляпу. Поклонился учтиво и с достоинством. Иисус-Мария, до чего же знакомое лицо! Где-то дону Хоакину встречался этот рыцарь.

— Я вижу, вы меня не узнаете? Оно и понятно, мы с вами встречались двенадцать лет назад. Помните, поход в Сибано, там наш командир дон Алонсо учил, как надо отсекай уши. Вспомнили? Ну да, я — Диего, толмач Сеньорадмирала. А теперь внимательно выслушайте меня. У вас на корабле двадцать — тридцать вооруженных людей. У меня в десять раз больше. Как видите, есть у нас и аркебузы. Возвращайтесь на судно и уходите отсюда.

— Схватить этого ублюдка и кинуть в шлюпку... Нет, каждый из нас, пятерых, — отменная мишень, а что нехристи сидят в засаде, это ясно, как день. Я надеюсь, — говорит дон Хоакин, — мы еще с вами встретимся, сеньор Красная Шкура...

Рулевой отталкивает шлюпку и прыгает в нее на ходу.

Проходит час, и корабль отворачивает в открытое море. Победа?! Быть может, но сердце Диего неспокойно: он-то зна-

ет, что во всем его войске семнадцать человек. Аркебуз же один-единственный.

Совет в кормовой рубке длился недолго. Решения были приняты быстро: попадая в трудное положение, дон Хоакин не терял времени даром. Корабль медленно двинулся к южной оконечности острова, к ночи он скрылся из виду. Утром в селеньице, лежащем на южном берегу этой бухты, недосчитались двух человек. Впрочем, такое случалось часто. Мало ли куда могут отлучиться люди: лес рядом, в лесу в эту пору зреют всяческие плоды, да и почему бы не побывать добрым людям в соседних селениях.

На палубе развели огонек. Обоих индейцев подвесили за руки на рее, красноватое пламя лизало их ноги. Допрашивал дон Хоакин, за полтора десятка лет он обучился здешнему языку. Одного нехриста пришлось пристрелить, он не сказал ни слова. Второй заговорил.

В эту ночь Диего долго совещался с Гуабиной. Совет старейшин созван был на рассвете. Гуабина предложил: всем уйти в дальние пещеры на Озеро Мглы, в засаде у селения оставить воинов Диего. Старейшины спорили долго и яростно. Решили никуда не уходить. Авось пронесет грозу, да и как бросить свои канеи и оставить без призора свои кануко.

Прошел день, за ним другой. Корабля и след простыл — ясное дело, бледнолицые ушли, опасность миновала. Даже младший внук старого Гуакана и Гуаскар — капитаны Диегова войска — были в этом убеждены. Бледнолицых они знали плохо.

В ночь на 11 ноября двадцать восемь христиан высадились на наветренном берегу острова, чуть севернее Бухты Тишины, в месте диком и безлюдном. Пленника-индейца несли на себе. Ходить после допроса на жаровне он не мог, но дон Хоакин нуждался в проводнике, и проводник, хотя и безногий, у него теперь был.

Наискосок через весь остров, от Бухты Тишины до главного селения, что стояло у Бухты Черных Ветров, часа три ходу. Ночь выдалась безлунная, шли тихо, волчьим шагом, обходя одинокие хижины.

На опушке леса в полумиле от селения одноглазый кавалер дал приказ:

— Десятеро идут со мной направо, окружают логово Красной Шкуры. Огня не открывать, работать ножами. Остальные — бегом к селению. Жечь, палить, резать. В плен не брать. Дичь отловим позже, когда рассветет. Вперед, да ведет нас святой Иаков!

Сладок сон перед рассветом, и давно закалялся Гуаяра будить в эту пору свою яростную подругу. Однако попробуй досмотри голубые сны, если гамак перевернут, а ты лежишь на земле и чья-то нога бьет тебя в бок. О Мабуйя! Страшнее страшной маски лицо Гуаяры, голос его — как бич, в глазах — безумный огонь!

— Стрелы! Бери стрелы — и за мной! — И Каона Вторая хватает связки стрел и покорно, молча (чудо из чудес — она молчит!) кидается вслед за Гуаярой. Две тени скользят в лесной мгле, две тени теряются в густых зарослях, перебегают широкий батеи и исчезают в пышной кроне гигантской сейбы...

А селение видит сны, последние сны в этой жизни, а дозорные у канея Диего дремлют, хоть им и кажется, что они бодрствуют и бдительно охраняют своего главного капитана.

Тростник, сухое дерево, солома вспыхивают мгновенно, жаркие языки лижут кровли, люди выбегают из огня, они мечутся на голом батее и падают, срезанные пулями, зарубленные мечами. Гуабина ползет по утоптанной земле, за ним тянется кровавый след. Чернобородое исчадие Мабуйи ловким ударом меча отсекает ему голову, голова катится по батее, большая голова с густыми волосами цвета соли.

Чернобородый наклоняется, он хочет подобрать этот трофей, но стрела с тихим свистом вонзается ему в спину. Рядом падает еще один бледнолицый, Гуаяра меткий стрелок, и стреляет он наверняка...

Каона, верная Каона своим телом прикрывает дочерей. Ее оттаскивают за волосы, убивают сперва младшую, минутой позже приканчивают мать, а затем старшую дочь. Младший внук старого Гуакана и Гуаскар бьются с бледнолицыми у ограды. Первым гибнет младший внук, Гуаскара добивают прикладом аркебуза.

Сын заслоняет отца, и оба медленно отступают, на ходу пуская стрелы по бледнолицым. Отца и сына теснят к обрыву, за обрывом море.

— Живьем, взять их живьем, — кричит одноглазый кавалер.

И теснее смыкаются нападающие, всем ясно — язычники в западне, мгновение — и они наши.

Отец и сын шагают в пустоту. Белые камни милосердны: они избавляют их от плена.

— Раззявы, — в сердцах рычит одноглазый дон Хоакин. — Марш в селение! Общий сбор на площади.

И вот победители стоят плотной шеренгой на батее. Светает, рассеиваются ночные тени. С легким треском догорает тростник, сухое дерево, стелется по земле дымок, сизой пеленой прикрывая растерзанные и обожженные тела.

Гуаяра долго целится, но стрела попадает не в сердце, а в плечо. Ничтожная рана, однако тут же отнимается рука, немеет шея, кружится голова.

Ядовитый сок хикако-дерева убивает быстро. Под развесистой сейбой одноглазый кавалер отдает своим богам душу еще до гибели великого жреца и яростной его подруги. Не сразу удалось их снять с дерева, пули поражают быстро лишь открытые цели.

Погибла Троя, и погиб народ копыеносца Приама. Погиб Остров Людей, и в страну Коаиваи ушли его чада. И погибли ближние и дальние соседи гуанаканийцев. Тринадцать лет спустя, «...в 1520 году, на Лукайских островах благочестивым христианам удалось разыскать всего лишь одиннадцать индейцев».

Так писал человек, который в 1493 году встречался в Барселоне с индейцем Диего. Был это летописец Пьетро Мартир д'Ангьера, автор правдивый, осведомленный и точный.

ЛИТЕРАТУРА О ЛУКАЙСКИХ (БАГАМСКИХ) ОСТРОВАХ, ИНДЕЙЦЕ ДИЕГО И ОТКРЫТИЯХ КОЛУМБА

Быть может, многие читатели пожелают совершить более основательное путешествие во времена Колумба и посетить Новый Свет в пору первых встреч соплеменников Диего с европейцами.

Удовлетворить это пожелание легко, если речь идет о самом Колумбе и о завоевании испанцами новооткрытых земель Америки. Нетрудно указать и основные труды по этнографии вест-индских островов. Однако гораздо хуже обстоит дело с историей Лукайских островов и с приключениями нашего невольного Одиссея — Диего. Книг на эти темы очень мало, и большинство их на русский язык не переведены.

История и этнография Лукайских островов

На русском языке есть лишь одна работа о лукайских индейцах. Это статья Э. Г. Александренкова (1). Общие сведения о населении Нового Света в доколумбовы времена читатель найдет в книге «Народы Америки» (12).

Индейцам Кубы и Эспаньола посвящены работы под № 12 и 22.

Очень интересны описания земель и людей Нового Света великого испанского историка-гуманиста Бартоломе Лас-Касаса (1474—1566). К сожалению, русское издание основного его труда «Истории Индий» (8) вышло в сокращенном виде, без первого тома, в котором нашли отражение события 1492 г. Поэтому волей-неволей приходится пользоваться изданиями «Истории Индий» на языке оригинала (26).

Важным пособием для читателя, несомненно, явится русский перевод дневников, писем и документов Христофора Колумба (14), в которых описаны встречи великого мореплавателя и его спутников с жителями Лукайских островов, Кубы, Эспаньола и Ямайки.

Из трудов иностранных авторов помимо «Истории Индий» Лас-Касаса большое значение имеет хроника младшего современника Колумба Гонсало Фернандеса Овьедо-и-Вальдеса (30). Так же как и Лас-Касас, Овьедо прожил много лет в Новом Свете и собрал любопытные сведения не только о народах новооткрытых земель, но и о растениях, животных и климате тропической Америки.

О древнем населении Антильских и Лукайских островов имеется немало различных исследований, как правило, узко специальных. Из общих

современных трудов в первую очередь заслуживают рекомендации монография шведского этнографа Свена Ловена (27) и сводка мексиканского ученого Ф. Пичардо Мойя (31).

История открытия Нового Света и сведения об индейце Диего и его путешествиях

Самые важные источники — это «История Индий» (8) Лас-Касаса и дневники Колумба (14). О плаваниях великого генуэзца весьма интересна книга американского моряка и историка С. Э. Морисона (10), переведенная на русский язык. Его капитальная биография Колумба (29) доступна лишь на языке оригинала. Этой же теме посвящена книга автора этих строк (19). Общий обзор эпохи открытий и завоеваний дается в работах № 2, 9 20, 21.

Что же касается индейца Диего, то о нем далеко не полные сведения можно почерпнуть из некоторых испанских хроник XVI в. Речь идет о вышеупомянутом труде Овьедо и хронике священника из селения Лос-Паласиос Андреса Бернальдеса. Главы из хроники Бернальдеса, касающиеся плаваний Колумба и индейца Диего, воспроизведены в русском переводе в «Путешествиях Христофора Колумба» (14, стр. 279—298, посл. изд.).

Истории завоевания Лукайских островов посвящены первые разделы книги английского автора М. Крэтона (25).

В 1961 г. в США вышла повесть об индейце Диего С. Белфрейджа (24). К сожалению, ее автор ограничился лишь пересказом от лица своего героя событий Колумбовых плаваний и почти совершенно не коснулся быта и образа жизни земляков Диего.

Список работ по истории открытия первых американских земель и этнографии Лукайских и Антильских островов

1. *Александренков Э. Г.* Этнические группы индейцев Больших Антильских и Багамских островов на рубеже XV и XVI вв.— «Советская этнография», 1971, № 3, стр. 103—112.

2. *Альгамира-и-Кревеа.* История Испании, т. I. М., ИЛ, 1951.

3. *Афанасьев В. Л.* Нарративные источники по истории открытия и завоевания Нового Света.— Сб.: «От Аляски до Огненной Земли». М., «Наука», 1967.

4. *Афанасьев В. Л.* Бартоломе Лас-Касас и его время.— В кн.: «Бартоломе де Лас-Касас». Л., «Наука», 1968.

5. *Дридзо А. Д.* Ямайские маруны. М., «Наука», 1971.

6. Индейцы Америки.— «Труды ин-та Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XXV. М., 1955.

7. Коган М. А. О географических воззрениях европейцев накануне великих географических открытий.— Сб.: «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.». М.-Л., «Наука», 1965.
8. Лас-Касас, Бартоломе, де. История Индии. Л., «Наука», 1968.
9. Магидович И. П. История открытия и исследования Южной и Центральной Америки. М., «Мысль», 1965.
10. Морисон С. Э. Христофор Колумб-мореплаватель. М., ИЛ, 1958.
11. Мочанов Ю. А. Древнейшие культуры Америки.— «Советская этнография», 1966, № 4.
12. Народы Америки, т. II. М., Изд-во Академии наук СССР, 1959.
13. Попова Т. А., Фрадкин Э. Е. Древние культуры Кубы.— Сб.: «Культура и быт народов Америки». Л., «Наука», 1967.
14. Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М., «Географиз», 1950, 1954, 1956, 1961.
15. Свет Я. М. В страну Офир. М., «Мысль», 1967.
16. Свет Я. М. Севильская западня. М., «Молодая Гвардия», 1969.
17. Свет Я. М. Алая лилия. М., «Детская литература», 1969.
18. Свет Я. М. Рыцарь корыстной мечты (Алонсо де Охеда). Геогр. календарь «Земля и люди, 1969». М., «Мысль», 1970.
19. Свет Я. М. Колумб. Серия «Жизнь замечательных людей». М., «Молодая гвардия», 1973.
20. Томас А. В. История Латинской Америки. М., ИЛ, 1960.
21. Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., ИЛ, 1955.
22. Шейнбаум Л. С. Индейцы-таины острова Гаити до испанского завоевания.— «Советская этнография», 1966, № 4.
23. 300 путешественников и исследователей. Биографический словарь. М., «Мысль», 1966.
24. Belfrage C. My master Columbus. The story of the first ventures in the New World told by Yayae, N. Y., 1961.
25. Craton M. A history of the Bahamas. London, 1962.
26. Las Casas. Historia de las Indias. Mexico, I—II, 1951.
27. Loven Sven. Origins of Tainan culture. Göteborg, 1935.
28. Majo Framis R. Vidas de los navegantes, conquistadores y colonizadores españoles de los siglos XVI, XVII, XVIII, v. I—III. Madrid, 1957—1959.
29. Morison S. E. Admiral of Ocean Sea, I—II. Boston, 1942.
30. Oviedo, Gonzalo Fernandez. Historia general y natural de las Indias..., I—IV. Madrid, 1851.
31. Pichardo Moya F. Los aborígenes de las Antillas. México—Buenos Aires, 1956.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово от автора	3	Аргонавты учат Одиссея	94
СЕМЬ ДНЕЙ ДО ДНЯ «ИКС»	6	Черный гнев	97
День первый	7	Диего открывает Старый Свет	100
День второй	11	Диего обучает географии короля Португальского	105
День третий	18	ДАЛЕКО ОТ ИТАКИ (Испанские скитания)	109
День четвертый	22	В воротах Кастилии	110
День пятый	25	Севильский триумф	111
День шестой	28	Дон Андрес знакомится с Диего	113
День седьмой	29	Барселонская идиллия	118
ДЕНЬ «ИКС»	34	Барселонская проза	119
Высадка	35	Барселонская мистерия	121
Первая встреча	37	Жаркое лето в Севилье	124
...И первое знакомство	40	Золотая башня	128
«Приготовить наручники?»	46	Tertium non datur	130
ПУТЕШЕСТВИЕ К ВЕЛИКОМУ ХАНУ И В СТРАНУ СИПАНГО	51	Дурными намерениями рай вымощен	133
Семеро против одного	52	Прощай, Кастилия!	137
Одиссея начинается	55	ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ	142
Прекрасная Куба	58	Черный четверг	143
Миссия к Великому хану	61	Когда волки сыты, овцы не целы	146
Побег	64	К земле Начала и Конца	152
Итака без Одиссея	67	Бегство на Итаку	160
Трудно быть Одиссеем	69	Итака встречает Одиссея	163
«Эспаньола — это чудо»	72	Гибель Илиона	165
Гибель «Санта-Марии»	75	Литература о лукайских (Багамских) островах, индейце Диего и открытиях Колумба	177
«Более много»	78		
Дары данайцев	81		
ПУТЬ К ВОСТОКУ	84		
Прощай, Эспаньола!	85		
Курс северо-восток — четверть к востоку	90		

- Свет Я. М.**
- С 24** **Одиссея поневоле. Необыкновенные приключения индейца Диего на островах моря-океана и в королевствах Кастильском и Арагонском. М., «Мысль», 1974.**
- 180 с. с ил.

Эта книга — повесть о необыкновенных приключениях индейца Диего, жителя острова Гуанахань — первой американской земли, открытой Христофором Колумбом. Диего был насильственно увезен с родного острова, затем стал переводчиком Колумба и, побывав в Испании, как бы совершил открытие Старого Света. В книге ярко описаны удивительные странствования индейского Одиссея и трагическая судьба аборитенов американских островов того времени.

Свет, Яков Михайлович

ОДИССЕЯ ПОНЕВОЛЕ

Необыкновенные приключения индейца Диего
на островах моря-океана и в королевствах
Кастильском и Арагонском

Редактор *Г. Е. Матвеева*

Младший редактор *З. В. Кирьянова*

Художественный редактор *В. А. Масленников*

Технический редактор *В. Н. Корнилова*

Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 20 июля 1973 г. Подписано в печать
12 декабря 1973 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типо-
графская № 2. Усл. печатных листов 10,695. Учетно-
издательских листов 10,93. Тираж 65 000 экз. А03206.
Заказ № 532. Цена 46 коп.

Издательство «Мысль». 117071.

Москва, В-71 Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28.

**В 1974 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МЫСЛЬ»
ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ:**

Метельский Г. В. Листья дуба. Изд. 2-е, 18 л. с ил., 1 р. 15 к.

Книга эта о брянских краях, об их задумчивых тихих реках и знаменитых дубравах, о больших и маленьких городах, современных бойких трактах и тихих проселках, по которым многие сотни километров проехал и прошел автор, чтобы ближе познакомиться с этим краем и рассказать о нем в своей книге.

Моложавенко В. С. Неопалимая купина (Путешествие по Большому Донбассу). 12 л. с ил., 60 к.

Эта книга — рассказ о путешествии по Северскому Донцу, о городах и селах, расположенных на его берегах, о людях, живущих здесь, о тех разительных переменах, которые произошли в этих местах за минувшие после Октябрьской революции годы.

Полярный круг. 23 л. (Путешествия. Приключения. Поиск), 1 р. 35 к.

Большой размах научно-исследовательских работ, проводимых нашей страной в Арктике и Антарктике, строительство новых промышленных комплексов, новых городов на севере СССР вызывают огромный интерес советских людей ко всему, что происходит ныне в этом бывшем «царстве белого безмолвия». Сборник познакомит читателя с многими художественно-географическими произведениями советских авторов. В их числе повесть А. Старостина о трудной работе полярных авиаторов, поэтичный рассказ Г. Гунна о природе Русского Севера, лирический репортаж О. Гуссаковской о природе и людях сегодняшней Колымы и многие другие.

Побежденные вершины. 1972. Сборник советского альпинизма. Ред. коллегия: П. С. Рототаев (пред.) и др. 20 л., 1 р. 30 к.

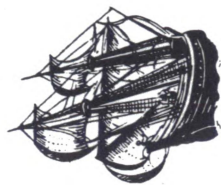
Этот сборник посвящен 25-летию издания «Побежденные вершины».

Книга открывается статьей А. А. Летавета, дающей оценку сборников «Побежденные вершины» за период 1948—1973 гг. В восьми разделах книги приводятся материалы по исследованию различных горных массивов как в нашей стране, так и за рубежом.

Внимание читателя привлекут очерки о географах-путешественниках, совершивших восхождение на вершины малоисследованных горных районов мира.

п-ов
Флорида

1492-1493 г. г.
1494 г.

о. Гуанахани
(Уотлинг-Сан Сальвадор)
о. Рам-Ки
о. Фернандина
(Лонг-Айленд)
о. Изабелла (Крукед-Айленд)

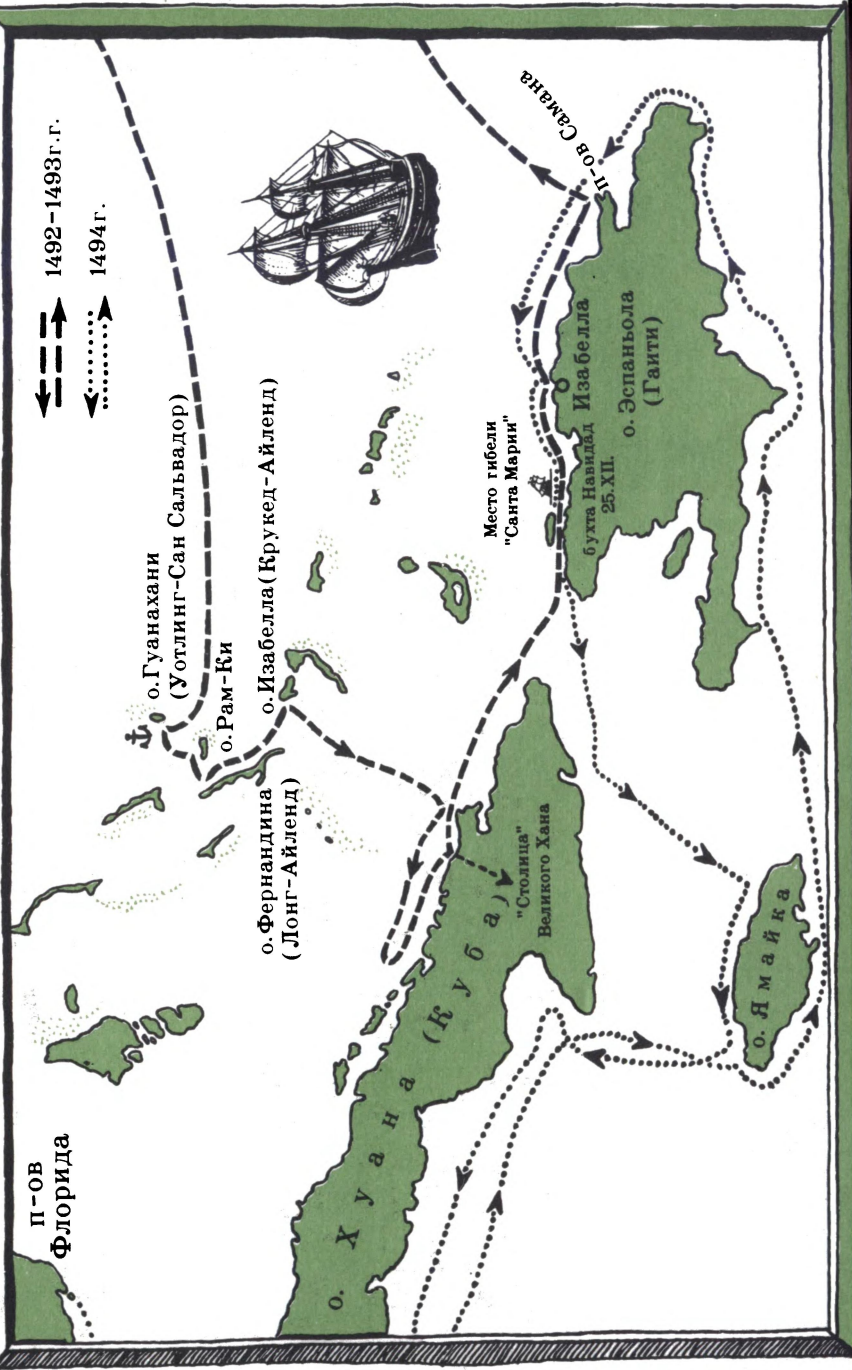
о. Хуана (Куба)
"Столица"
Великого Хана

Место гибели
"Санта Марии"

Изабелла
бухта Навидад
25.XII.
о. Эспаньола
(Гаити)

п-ов Самана

о. Ямайка

46 коп.

